ПРОФ. Ю. В. КЛЮЧНИКОВЪ.

НА ВЕЛИКОМЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ПЕРЕПУТЬИ

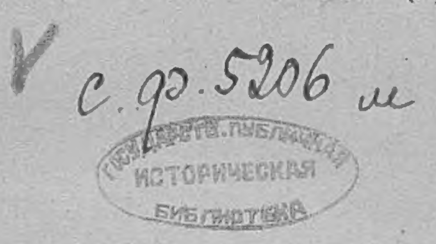
Изданіе журнала „Смѣна Вѣхъ"
1922

Проф. Ю. В. КЛЮЧНИКОВЪ

НА ВЕЛИКОМЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ПЕРЕПУТЬИ

ПЯТЬ ГЛАВЪ
ПО СОЦІОЛОГІИ МЕЖДУНАРОДНЫХЪ
ОТНОШЕНІЙ:

1. На великомъ историческомъ перепутьи.
2. Міровой консерватизмъ. — Германія и Вильгельмъ II.
3. Міровой либерализмъ. — Америка и Вильсонъ.
4. Міровая революція. — Россія и Ленинъ.
5. Міровая революція. — Россія и Ленинъ (продолженіе).

БЕРЛИНЪ, 1922

Типографія Отто Эльснера въ Берлинѣ.

Посвящаю эту книгу дорогому другу

Николаю Васильевичу
Устрялову.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая вниманію читателей книга представляетъ собою пять лекцій по соціологіи международныхъ отношеній. Двѣ послѣднія лекціи, посвященныя Россіи и Ленину, входили въ курсъ «Исторіи русской политической мысли», прочитанный мною въ Парижѣ въ іюнѣ 1920 года (въ числѣ другихъ курсовъ, прочитанныхъ русскими профессорами отъ имени «Русской Академической Группы»). Вторая и третья лекціи о Германіи и имперіализмѣ, Америкѣ и федерализмѣ составляютъ развитіе мыслей, изложенныхъ мною въ книгѣ «Интернаціонализмъ — Основные вопросы международныхъ отношеній», изданной въ самомъ началѣ 1918 г., а также — въ обширномъ докладѣ о «Программахъ мира», прочитанномъ мною въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ 19-го февраля 1918 г.

Окончательный текстъ всѣхъ пяти лекцій составленъ въ ноябрѣ 1920 г. Теперь, печатая его, я внесъ въ него лишь нѣсколько чисто внѣшнихъ, несущественныхъ исправленій и дополненій; напримѣръ, превратилъ лекціи въ главы.

Полностью — да и то не совсѣмъ — мнѣ удалось прочесть эти мои лекціи лишь дважды: 18 и 23 мая 1921 года въ Парижѣ въ Salles des Sociétés Savantes (по русски) и 30 и 31 августа того же года въ Université Internationale въ Брюсселѣ (по французски).

Двѣ идеи я считаю основными въ своемъ изслѣдованіи: идею *самостоятельнаго соціально-этическаго значенія Политики* наряду съ Моралью и Правомъ и идею *Міровой Политики.*

Все остальное является выводомъ изъ этихъ идей, примѣненіемъ и иллюстрацiей.

Чисто теоретическая въ своемъ соновномъ заданіи, предлагаемая книга преслѣдуетъ и практическія цѣли: — помочь читателю въ пониманіи современнаго мірового положенія и дать ему нѣкоторыя новыя руководящія линіи для его политическихъ оцѣнокъ. Я не скрываю отъ себя, что двойственность заданій книги сильно препятствуетъ безукоризненному выполненію каждаго изъ этихъ ея заданій. Для теоретическаго труда она недостаточно научна по методу и по формѣ изложенія, для актуальнаго очерка она далеко отстала отъ живой злобы сегодняшняго дня. Къ тому же съ самаго начала я рѣшилъ не высказывать своихъ личныхъ политическихъ симпатій, опасеній или надеждъ въ большей степени, чѣмъ то допускаетъ объективность изложенія. Льщу себя, однако, надеждой, что и при всѣхъ своихъ недостаткахъ книга моя способна принести пользу и вызвать къ себѣ интересъ. Въ частности, я былъ бы вполнѣ удовлетворенъ, если бы при ея посредствѣ мои современники хоть немного болѣе пріобрѣли вкуса къ систематическому анализу политическихъ явленій и взаимоотношеній. Политическая точка зрѣнія, какъ всѣ вообще людскія точки зрѣнія, условна и относительна. Это несомнѣнно. Но для меня несомнѣнно также и то, что въ области политики именно чисто политическая точка зрѣнія представляется наиболѣе соотвѣтствующей предмету. Съ другой стороны, я былъ бы еще болѣе удовлетворенъ, если бы мнѣ удалось укрѣпить мысль, что при извѣстныхъ объективныхъ условіяхъ *революція становится наиболѣе естественнымъ и наиболѣе благотворнымъ соціальнымъ состояніемъ.* Къ международной жизни это относится въ такой же степени, какъ и къ жизни національной. Міровая революція не плодъ испуганнаго воображенія однихъ и не результатъ извращенной политической воли другихъ. Она каждую минуту можетъ стать реальностью, если только она уже не стала реальностью. Сейчасъ, въ мартѣ

1922 года, мнѣ по ходу событій это еще яснѣе, чѣмъ въ маѣ и іюнѣ 1920-го года. Избавить отъ нея человѣчество можетъ лишь быстрая, энергичная, искренняя и талантливая эволюція, которая гладко и планомѣрно выполнила бы все то, что жизнь стремится завоевать себѣ въ бурныхъ и кровавыхъ приступахъ политическаго экстремизма.

Случайно появленіе этой моей книги совпадаетъ приблизительно съ созывомъ уже и сейчасъ знаменитой Генуэзской Конференціи. Тамъ, въ Генуѣ разрѣшится вопросъ: *міровая эволюція или міровая революція.* Ждать уже совсѣмъ недолго. Но если отвѣтъ будетъ данъ неправильный, если нужныя уступки духу времени и прогрессу тамъ не будутъ сдѣланы, то какъ долго придется человѣчеству исправлять свою новую ошибку и въ какихъ тяжелыхъ формахъ будетъ неизбѣжно происходить ея исправленіе!

Авторъ.

Берлинъ, 21 марта 1922 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

НА ВЕЛИКОМЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ПЕРЕПУТЬИ.

НА ВЕЛИКОМЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ПЕРЕПУТЬИ.

I.

Общій историческій процессъ складывается изъ безконечнаго количества частныхъ процессовъ и обусловленъ безконечнымъ количествомъ причинъ. Если бы даже оказалось возможнымъ прослѣдить дѣйствіе каждой изъ этихъ причинъ въ отдѣльности, то нѣтъ такого человѣческаго разума, который былъ бы въ состояніи исчислить дѣйствіе всѣхъ ихъ вмѣстѣ.

Однако, дѣло не только въ ограниченности нашихъ познавательныхъ способностей. Значительно важнѣе то обстоятельство, что люди призваны одновременно и *осознавать* историческія событія, и участвовать въ нихъ, *создавать* ихъ. Между тѣмъ, съ ихъ логикой и привычками, съ ихъ удивительнымъ даромъ поступать вопреки всякой логикѣ и всякимъ привычкамъ, *люди представляютъ собой историческую силу въ высшей степени непостоянную и неопредѣленную.*

Имъ не удается воздѣйствовать планомѣрно на ходъ исторіи даже тогда, когда они сознательно стремятся къ этому. Воля одного народа наталкивается на волю другого. Отдѣльныя лица и группы лицъ строятъ планы, разбиваемые затѣмъ дѣйствіями другихъ лицъ и группъ. Въ результатѣ же получается какая-то загадочная равнодѣйствующая силъ и дѣйствій, совершенно независимая ни отъ какой человѣческой воли. И, какъ бы это ни показалось странно, приходится утверждать, что *общій историческій процессъ противорѣчивъ, — ирраціоналенъ, — главнымъ образомъ, благодаря человѣку.*

Но онъ не только ирраціоналенъ, этотъ историческій процессъ. Онъ еще и глубоко трагиченъ. Трагиченъ въ мѣру

своей ирраціональности. Слѣдовательно, и это также, главнымъ образомъ, благодаря человѣку.

Если надежды на свѣтлое будущее человѣчества не напрасны, если вѣра въ прогрессъ не есть простое суевѣріе, нужно, чтобы исторія стала какъ можно болѣе планомѣрной, раціональной. А для этого въ свою очередь *совершенно необходимо, чтобы вмѣшательство человѣческой воли въ ходъ историческихъ событій сдѣлалось насколько возможно организованнымъ.*

Такова проблема.

Въ болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ политической жизни немногіе, пожалуй, захотѣли-бы спѣшить съ разрѣшеніемъ этой проблемы. Но мы живемъ въ условіяхъ исключительныхъ, — печальное наслѣдіе недавней міровой войны.

Война эта уничтожила милліоны людей, исчерпала накопленные вѣками запасы, разрушила весь привычный укладъ жизни. У людей создалась совершенно новая психологія. То, что принято было считать несокрушимымъ, вдругъ разсыпалось въ прахъ. Тѣ, кого вчера еще всѣ принимали за кучку безпочвенныхъ фантазеровъ, сегодня держатъ въ ужасѣ одну часть человѣчества и внушаютъ симпатію, а то и восхищеніе, другой его части. Никогда еще правительства не дѣйствовали такъ ощупью или подъ вліяніемъ причинъ преходящихъ и ничтожныхъ, какъ они дѣйствуютъ теперь. Никогда еще плоды ихъ хитросплетеній не были такъ убоги. Всѣ солидныя международныя связи порвались. Страшный хаосъ охватилъ міръ и грозитъ усиливаться еще больше, если тотчасъ же не будутъ найдены героическія средства противъ него.

Однако, не будемъ съ самаго начала запугивать себя. Нѣтъ ничего самаго ужаснаго, что не имѣло бы своихъ положительныхъ сторонъ. Есть свои положительныя стороны и у современнаго хаоса. Уничтоживъ или ослабивъ всѣ соціальныя и политическія силы, онъ сдѣлалъ такъ, что даже наиболѣе ничтожныя изъ силъ могутъ, при случаѣ, играть крупную историческую роль. Поэтому и человѣческій разумъ, какъ бы безпомощенъ ни былъ онъ до сихъ поръ, можетъ превратиться, чрезъ современный хаосъ, въ главнѣйшую изъ движущихъ силъ историческаго прогресса. Да, наконецъ, если вся-

кій хаосъ рождается изъ недостатка разума, кому же и преодолѣвать его, если не разуму?

Такъ или иначе, но немедленное вмѣшательство наше въ ходъ событій, *организованное и покоющееся на твердо выработанномъ планѣ,* есть условіе, внѣ котораго невозможно преодолѣть жуткій современный хаосъ. Съ другой стороны, таковъ — единственный путь для оправданія недавней міровой войны, стоившей человѣчеству неисчислимыхъ жертвъ и не давшей ему въ замѣнъ ни одной безспорной выгоды. Цѣною этихъ жертвъ человѣчество получило впервые за все свое существованіе не только возможность, но и обязанность сознательно и властно управлять своими судьбами. Нынѣ, легче, чѣмъ когда либо, общій историческій процессъ можетъ стать яснымъ, логичнымъ и творческимъ. Именно теперь, въ итогѣ міровой войны, мы можемъ изъ слугъ историческаго хаоса превратиться въ носителей историческаго разума.

Все теперь зависитъ отъ насъ самихъ и, быть можетъ, только отъ насъ самихъ.

Разумѣется, сразу сдѣлать исторію раціональной — задача отнюдь не простая.

Во-первыхъ, нужно, чтобы существовали опредѣленные законы соціальной жизни, которые обезпечивали-бы самую возможность разумной исторіи. Во-вторыхъ, законы эти должны быть таковы, чтобы люди оказались въ состояніи не только постичь ихъ, но и приспособить къ ихъ требованіямъ все свое дальнѣйшее поведеніе.

Такимъ образомъ, предъ нами возникаютъ два вопроса:

Существуетъ-ли соціальная закономѣрность? —

И затѣмъ:

Можемъ-ли мы достаточно радикально измѣнитъ нашу манеру вмѣшиваться въ ходъ событій?

На оба эти вопроса слѣдуетъ отвѣтить въ *положительномъ* смыслѣ. — Соціальные законы, несомнѣнно, существуютъ — съ нѣкоторыми изъ нихъ намъ все время придется имѣть дѣло въ дальнѣйшемъ изложеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, есть полная надежда, что знаніе этихъ законовъ значительно поможетъ людямъ въ области ихъ взаимныхъ отношеній дѣлать въ будущемъ лишь то, что имъ надлежитъ дѣлать.

Изучая соціальные законы, слѣдуетъ съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ отнестись къ *соціальной динамикѣ* и къ тѣмъ силамъ, что имѣются въ ея распоряженіи. Насъ лично эти силы будутъ интересовать въ первую очередь и, быть можетъ, исключительно.

Что это за силы?

Въ виду важности причинъ экономическаго порядка для установленія и направленія соціальныхъ отношеній, чрезвычайно соблазнительно принимать ихъ за *единственную* первооснову всѣхъ измѣненій въ общественной жизни людей и всего общественнаго прогресса. Однако, такой соціологическій монизмъ наталкивается на весьма серьезныя возраженія. Экономическіе факторы не дѣйствуютъ непосредственно. Чтобы начать опредѣлять поведеніе людей, они предварительно должны пройти черезъ ихъ сознаніе и *претворитъся въ идеи и правила, въ цѣли и программы.* Съ этого момента открывается область соціальныхъ причинъ и слѣдствій — *совершенно новая и автономная.* Это — область силъ «духовныхъ» или «психическихъ»; тѣхъ самыхъ, что непремѣнно должны проявляться всякій разъ, когда *творчески преодолѣвается механичность общественныхъ явленій* и на смѣну привычному появляется нѣчто новое. Всякій общественный прогрессъ — *ихъ* монополія. *Динамика общественной жизни всецѣло обязана своимъ существованіемъ динамикѣ человѣческаго духа.*

Въ качествѣ процессовъ нашего сознанія и нашей воли духовныя причины общественныхъ явленій заполняютъ собой широкую область побужденій, цѣлей и дѣйствій *этическихъ.* Назовемъ ее поэтому просто этической областью или *этической сферой*, пользуясь терминомъ, ставшимъ уже привычнымъ.

Этическая сфера въ свою очередь распадается на три главнѣйшихъ болѣе узкихъ сферы: на м о р а л ь, *на* п р а в о *и на* п о л и т и к у.

Съ этой точки зрѣнія всякое общественное явленіе, способное внести измѣненіе въ формы и существо наличныхъ общественныхъ отношеній, непремѣнно представляетъ собой либо явленіе *моральнаго* порядка, либо явленіе *правовое*, либо *политическое.* Чаще же всего оно является и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ одновременно, но только въ разныхъ пропорціяхъ. Говоря другими словами, *Мораль, Право и Политика образу-*

ютъ одновременно и тѣ три основныя формы, *въ которыхъ выражается всякій соціальный прогрессъ и ту троицу основныхъ силъ, которыми онъ пользуется для всѣхъ своихъ цѣлей и во всѣхъ своихъ достиженіяхъ.*

Обычно вниманіе обращается только на Мораль и на Право. Многочисленныя руководства по теоріи права и трактаты по этикѣ подробно излагаютъ все, что ихъ касается порознь и обоихъ вмѣстѣ. Иначе обстоитъ дѣло съ Политикой. Есть, правда, не мало теоретическихъ изслѣдованій по политикѣ и въ большинствѣ изъ нихъ главы объ отношеніи политики къ морали и праву занимаютъ почетное мѣсто. Однако, даже въ наиболѣе глубокихъ изъ этихъ изслѣдованій тщетно было бы искать удовлетворительнаго описанія или обоснованія своеобразной *соціальной природы* Политики и ея своеобразныхъ *соціальныхъ функцій!* А между тѣмъ, полное *неумѣніе понять и оцѣнить соціальное значеніе политики составляетъ такой пробѣлъ въ современной общественной наукѣ и въ современномъ общественномъ сознаніи, благодаря которому въ совершенно искаженномъ свѣтѣ выступаютъ не только сама Политика, но и вся Мораль, и все Право.* Дебри исторически-ирраціональнаго, оказываются гораздо гуще, чѣмъ могли бы быть...

Напротивъ, достаточно поставить Политику въ одинъ этическій рядъ съ Моралью и Правомъ и придать ей одинаковое съ ними по важности этическое значеніе, какъ сразу многое въ соціальной жизни людей становится несравнимо яснѣе.

Мысль соціолога должна идти по слѣдующему пути:

Человѣческое общество требуетъ во всякое время своего существованія нормъ троякаго порядка. Назначеніе однѣхъ изъ нихъ заключается въ томъ, чтобы закрѣплять и отражать *наиболѣе постоянное и наименѣе измѣняемое* въ данной общественной организаціи. Это — тѣ нормы, что наименѣе зависятъ отъ времени и отъ обстоятельствъ и что почти всегда имѣютъ претензію вовсе не зависѣть отъ нихъ. Это — нормы «абсолютныя», выдержавшія испытаніе вѣковъ, — «вѣчныя» — наиболѣе общія и принимаемыя за наиболѣе возвышенныя и священныя. Къ сожалѣнію, эти абсолютныя и вѣчныя нормы, только развѣ въ вѣчной жизни и могутъ удовлетворять однѣ всѣмъ соціальнымъ требованіямъ; — однѣ, безъ всякой посторонней помощи. Напротивъ, въ жизни земной людямъ на каждомъ шагу требуются такія нормы, которыя позволяли

бы создавшемуся положенію сохраняться лишь *въ теченіи того или иного періода.* Пусть это создавшееся положеніе отнюдь не безупречно; пусть справедливость, на которой оно покоится, весьма и весьма относительна. Если только при данныхъ обстоятельствахъ положеніе это — при всѣхъ своихъ недостаткахъ — есть лучшее изъ всѣхъ возможныхъ, то несомнѣнно справедливо, чтобы оно продолжало поддерживаться нѣкоторое время и впредь . А такъ какъ съ помощью чисто абсолютныхъ нормъ нельзя осуществлять относительную, условную и временную справедливость, то потребность соціальной жизни въ нормахъ иного порядка, чѣмъ абсолютныя, становится очевидною.

Что-же это за нормы?

Разъ ихъ задача заключается въ томъ, чтобы закрѣплять и отражать справедливость относительную, то должно быть ясно съ самаго начала, что нормы этого второго порядка не могутъ быть ни настолько «святыми», ни настолько прочными и независимыми отъ эпохи, что предыдущія. Нѣтъ; это — какъ разъ нормы, пригодныя лишь въ извѣстный историческій періодъ и требующія замѣны или отмѣны, какъ только историческая обстановка существенно измѣнилась.

Но измѣненія исторической (и соціальной) обстановки происходятъ не только изъ эпохи въ эпоху и изъ періода въ періодъ. Они происходятъ изо дня въ день, каждую минуту, большею частью съ трудомъ замѣчаемыя. *Эти постоянныя и мгновенныя измѣненія подчиняются, въ свою очередь, извѣстной справедливости и управляются своимъ особымъ этическимъ началомъ.* Разумѣется, проявляющаяся здѣсь справедливость не является ни вѣчной, ни даже разсчитанной на извѣстный срокъ или на нѣкоторые общіе случаи. Это — *справедливость отдѣльнаго неповторяемаго случая, справедливость* м о м е н т а.

Что касается предписаній или нормъ этого послѣдняго, третьяго типа, то ихъ очень трудно устанавливать, такъ какъ онѣ измѣнчивы и капризны точь въ точь въ той же степени, что и явленія, этическій смыслъ которыхъ онѣ выявляютъ. Несмотря на это, онѣ не менѣе необходимы въ общественной жизни людей, чѣмъ всѣ остальныя.

Взятыя въ качествѣ трехъ особыхъ порядковъ этическихъ нормъ, всѣ только что описанныя нормы суть не что иное, какъ М о р а л ь, П р а в о и П о л и т и к а *въ ихъ наиболѣе рѣзкомъ отличіи другъ отъ друга.*

Такимъ образомъ, дѣло Морали — удовлетворять потребностямъ соціальной жизни въ нормахъ абсолютныхъ или кажущихся абсолютными. Право удовлетворяетъ ея потребности въ нормахъ поведенія, примѣнимыхъ въ теченіе нѣкотораго періода, опредѣленнаго или неопредѣленнаго. Наконецъ, Политика стремится отразить то, что есть справедливаго въ каждомъ совершенно индивидуальномъ стеченіи обстоятельствъ и что съ трудомъ можетъ быть представлено въ формѣ опредѣленнаго правила.

Пожалуй, съ наибольшей отчетливостью можно усвоить себѣ соціальное назначеніе Морали, Права и Политики въ томъ случаѣ, если прослѣдить его примѣнительно къ двумъ основнымъ соціологическимъ категоріямъ: *категоріи справедливости и категоріи времени.*

Дѣйствительно, всякое соціальное явленіе выступаетъ съ одной стороны, какъ нѣкая (положительная или отрицательная) *эманація справедливости,* а съ другой стороны, какъ извѣстная *функція длительности, времени.*

Иначе говоря, соціальныя явленія стремятся одновременно и реализовать то или иное благо, и отмѣтить очередной этапъ въ историческомъ процессѣ, развивающемся во времени и чрезъ посредство времени.

Въ свѣтѣ чисто философскаго анализа между Справедливостью и Временемъ выступаетъ глубоко знаменательное соотношеніе. Находясь въ двухъ различныхъ метафизическихъ планахъ — первая въ планѣ «долженствованія», вторая въ планѣ «бытія», — и Справедливость и Время живутъ одной общей жизнью и выполняютъ одно общее конечное назначеніе. Только взятые вмѣстѣ они вполнѣ понятны. Только другъ въ другѣ они вполнѣ раскрываютъ свою сущность. — Время въ широкомъ смыслѣ охватываетъ: вѣчность, время въ узкомъ смыслѣ (т. е. въ смыслѣ длящихся періодовъ) и моментъ. Справедливость, въ свою очередь, выступаетъ то какъ справедливость вѣчная или внѣвременная, то какъ относительная справедливость на извѣстный промежутокъ времени и въ извѣстныхъ условіяхъ, то, наконецъ, какъ справедливость отдѣльнаго индивидуальнаго случая, отдѣльнаго конкретнаго момента, который не повторяется и не допускаетъ обобщенія.

Такъ вотъ: *Мораль есть область такого справедливаго или должнаго, которое воспринимается какъ вѣчное, внѣвременное или абсолютное; — Право есть справедливое и должное на извѣстный періодъ времени и въ извѣстныхъ конкретныхъ условіяхъ; — Политика же это этически совершенно необходимая область справедливаго и должнаго въ моментѣ и для момента.*

Это то, что я писалъ въ 1918 г. въ своей книгѣ «Интернаціонализмъ» («Основные вопросы теоріи международныхъ отношеній»): «Если этическія начала связаны съ исторіей міроздания и входятъ въ нее, то можно, навѣрное, установить, что тремъ основнымъ выраженіямъ бытія — вѣчности, времени и моменту — въ этическомъ ряду соотвѣтствуютъ нравственность, право и политика» (с. 81).

Все различно въ Морали, въ Правѣ и въ Политикѣ: ихъ цѣли, функціи, характеръ ихъ нормъ, ихъ санкція, психологическіе источники, изъ которыхъ они вытекаютъ и, въ особенности, *ихъ отношеніе къ историческому разуму.*

Мораль скорѣе *излишне* раціональна, чѣмъ ирраціональна. Слѣдовательно, это не она дѣлаетъ человѣческую исторію такой хаотичной. Что касается Права, то оно *достаточно* раціонально. Во всякомъ случаѣ, превращеніе въ правовыя отношенія, лишенныхъ прежде правового характера, всегда знаменуетъ собой важный шагъ впередъ на пути къ исторической ясности.

Остается Политика.

Подчиненная одновременно противуположнымъ вліяніямъ, состоящая изъ безчисленнаго количества элементовъ, вѣчно устремленная въ разныя стороны, вѣчно въ измѣненіяхъ — это она, Политика, является главнымъ источникомъ ирраціональнаго въ исторіи, поскольку это послѣднее обусловливается дѣйствіями людей.

Если все только что сказанное вѣрно, то *поставленная нами проблема преодолѣнія исторической ирраціональности цѣликомъ сводится къ проблемѣ раціонализаціи политики.*

«Политика должна стать раціональной» — таково главнѣйшее требованіе нашей эпохи.

«Давно пора создать новый политическій разумъ.»

II.

Не правда-ли, странно? — Даже для того только, чтобы стать простымъ сапожникомъ или плотникомъ нужно пройти довольно долгую и систематическую выучку, нужно опредѣленное количество точныхъ познаній. Ничего подобнаго не требуется, чтобы стать *политикомъ.* Въ политикѣ каждый пользуется своими собственными пріемами работы и мышленія. Лишь очень немногіе оказываются въ состояніи подчинить въ своихъ мысляхъ явленія второстепенныя явленіямъ дѣйствительной важности. Обычно, изъ всего совершающагося выдергивается наудачу нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ и на нихъ сосредоточивается все вниманіе.

Какъ много людей, позволяющихъ потоку событій увлечь себя безъ сопротивленія и принимающихъ за окончательное и рѣшающее все, что сообщаетъ имъ послѣдній номеръ ихъ газеты. Даже наиболѣе опытные среди политическихъ дѣятелей сплошь и рядомъ грѣшатъ этимъ. Немало профессіональныхъ политиковъ считаетъ своимъ долгомъ имѣть детальную и тщательно разработанную политическую программу. Но кто среди нихъ задавался цѣлью построить эту свою программу на твердомъ и широкомъ *теоретическомъ* основаніи?

На теоретическомъ основаніи . . . . .

Но теорія политики — политическая наука — еще со временъ Аристотеля топчется все на одномъ и томъ же мѣстѣ и не удовлетворяетъ даже наиболѣе скромнымъ требованіямъ. И никто не находилъ это ненормальнымъ. Никто не видѣлъ опасности пренебреженія точнымъ политическимъ знаніемъ.

Пусть, по крайней мѣрѣ, это будетъ найдено ненормальнымъ теперь.

Пусть къ созданію новой политической науки будетъ приступлено немедленно, потому что *безъ новой политической науки безполезно ждать созрѣванія новаго политическаго разума.*

Само собой разумѣется, что если бы все здѣсь приходилось создавать изъ ничего, зданіе научной политики не удалось бы построить съ достаточной быстротой. По счастью, однако, положеніе не столь удручающе безнадежно. Спеціальная политическая наука отсутствовала до сихъ поръ не потому, чтобы вовсе не было никакихъ точныхъ познаній въ области поли-

тическихъ дѣлъ — такихъ познаній уже накоплено довольно. Только прежде всѣ они неизмѣнно оставались разрозненными, противорѣчивыми, неинструментальными, такъ какъ никѣмъ не былъ указанъ ни основной *теоретическій принципъ*, объединяющій всѣ ихъ вокругъ себя, ни тѣ *теоретическіе центры*, вокругъ которыхъ они располагались бы въ отчетливомъ и правильномъ порядкѣ. Напротивъ, — едва только этотъ основной, высшій принципъ и эти центры или фокусы окажутся установленными и провѣренными, какъ тотчасъ же желанная Политическая Наука создастся сразу и сама собой, вооруженная всѣмъ необходимымъ ей опытомъ и оформленная правильными методами.

На мой личный взглядъ, искомый высшій принципъ политической науки заключается какъ разъ въ той — знакомой уже намъ — мысли, что Политика наряду съ Моралью и Правомъ выполняетъ специфическую соціальную функцію и обладаетъ своей особой соціальной природой.

Что же касается главнѣйшихъ изъ *подчиненныхъ центровъ* научно-политическихъ изысканій, то остановимся лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣющихъ для насъ наибольшій интересъ.

Вотъ — *первый:*

Политическіе явленія и процессы имѣютъ совершенно тотъ-же характеръ, обнаруживаются-ли они въ очень большомъ или же въ очень маломъ масштабѣ. — Всѣ они подчиняются однимъ и тѣмъ же соціологическимъ законамъ, вытекаютъ изъ одинаковыхъ причинъ и приводятъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ. Такъ, въ принципѣ, политика какой-нибудь миніатюрной сельской общины ничѣмъ не отличается отъ политики величайшей изъ міровыхъ державъ. «Политическая психологія» отдѣльной личности прекрасно выражаетъ порой политическую психологію цѣлаго народа; и обратно.

Далѣе, *второй* очень существенный пунктъ: —

Онъ, повидимому, въ одинаковой мѣрѣ относится и къ соціальной жизни людей, и къ физической жизни мірозданія. Физики утверждаютъ, что всѣ точки макрокосма неразрывно связаны взаимно, такъ что движеніе одной единственной молекулы производитъ въ пространствѣ и во времени движеніе всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Точь въ точь тоже самое — въ области отношеній соціальныхъ и, въ особенности, — политическихъ.

Всякій политическій процессъ неукоснительно подготовляется длинными рядами предшествующихъ политическихъ процессовъ и въ свою очередь подготовляетъ ряды послѣдующихъ. Взятые всѣ вмѣстѣ, они представляютъ собой одну общую іерархію политическихъ силъ, дѣйствій и откликовъ, въ которой каждый изъ нихъ одновременно выступаетъ и какъ вполнѣ самостоятельное явленіе и какъ часть процессовъ болѣе сложныхъ и болѣе общихъ. Иначе говоря, *всѣ политическіе процессы вплетаются всегда въ одну общую политическую ткань.* Наименѣе значительные моменты постепенно синтезируются во все болѣе и болѣе крупные и такъ вплоть до того, *пока все человѣчество не начинаетъ выступать въ качествѣ единаго и общаго ихъ носителя.*

Здѣсь мы — предъ *третьимъ* чрезвычайно важнымъ пунктомъ: —

Необходимо какъ можно яснѣе усвоить себѣ, что надъ жизнью индивидуума, семьи, города, государства и временныхъ сочетаній отдѣльныхъ государствъ бьется особая *международная жизнь всего человѣчества.* По отношенію къ этой послѣдней всѣ остальныя проявленія соціальной жизни имѣютъ значеніе лишь частей, сторонъ, вѣтвей. Если въ извѣстной степени они опредѣляютъ собой міровую политическую жизнь, то въ неменьшей степени они сами опредѣляются ею. И во всякомъ случаѣ, всѣ они не понятны до конца, если разсматриваются совершенно внѣ ея, внѣ этой *міровой политической жизни.* Отсюда — слѣдствіе: надлежитъ пріучиться *всѣ* политическія явленія, каковы бы они ни были, разсматривать подъ *истинно международнымъ* угломъ зрѣнія; — надлежитъ сдѣлать такъ, чтобы самая широкая международная точка зрѣнія брала въ политикѣ верхъ надъ точками зрѣнія болѣе узкими; — надлежитъ *сознательно добиваться того, чтобы какъ можно скорѣе и какъ можно полнѣе начала проявлять себя эта истинно международная политика,* политика міровая.

Надѣюсь, уже и сейчасъ ясно, что̀ слѣдуетъ понимать подъ міровой политикой въ отличіе отъ общепринятаго понятія политики международной. *Міровая политика это та, которая выражаетъ собой не искусственную равнодѣйствующую изъ противоположныхъ и враждебныхъ стремленій народовъ, но — нао-*

боротъ — сознательный результатъ ихъ общей воли, направленной къ однимъ и тѣмъ же цѣлямъ и лелѣющей одинъ и тотъ же идеалъ.

Идя далѣе по прямому пути нашего соціологическаго анализа, обратимъ вниманіе на слѣдующее:

Всякая политика относится къ какой-нибудь опредѣленной политической ситуаціи. Всякая такая ситуація по самой своей природѣ временна и появляется въ результатѣ напряженной борьбы многочисленныхъ и разнообразныхъ политическихъ силъ. Никакой политическій режимъ не доживаетъ спокойно до того момента, когда его недостатки рѣзко бросаются въ глаза всѣмъ и каждому. Обычно онъ измѣняется или вовсе отмѣняется еще тогда, когда въ немъ достаточно жизни, когда достаточно причинъ для его поддержанія. Въ силу его измѣненія или паденія непремѣнно исчезаетъ нѣчто цѣнное, что должно было бы оставаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаетъ жить не мало людей, которые понимаютъ это, жалѣютъ объ этомъ и для которыхъ прежнее положеніе вещей было единственно допустимымъ, дорогимъ, выгоднымъ. Что же удивительнаго въ такомъ случаѣ, что *во всякую эпоху и при всякомъ политическомъ режимѣ неизмѣнно находятся люди, страстно мечтающіе о возстановленіи «стараго режима»* и напряженно работающіе въ цѣляхъ его возстановленія? Еще менѣе удивительно то обстоятельство, что *каждый существующій политическій режимъ непремѣнно имѣетъ своихъ пламенныхъ приверженцевъ, которыхъ онъ вполнѣ удовлетворяетъ:* иначе онъ не сумѣлъ бы утвердиться; а, утвердившись, не зналъ бы, на кого опереться, кѣмъ и чѣмъ держаться. — Наконецъ, слѣдуетъ-ли добавлять, что никакой новый политическій режимъ, какимъ бы совершеннымъ онъ ни представлялся въ началѣ, не способенъ удовлетворять всѣмъ рѣшительно требованіямъ политическаго прогресса въ теченіе долгаго промежутка времени. Всегда и при всѣхъ условіяхъ значительное количество неотложныхъ и неоспоримыхъ политическихъ нуждъ остается неудовлетвореннымъ. Поэтому-то *всегда и при всѣхъ политическихъ режимахъ имѣется извѣстное количество политиковъ, борющихся лойяльно или съ помощью революціонныхъ пріемовъ за новые этапы политическаго развитія.*

Такимъ образомъ, при всякомъ политическомъ режимѣ имѣются на лицо болѣе или менѣе благопріятныя условія:

а) для возвращенія къ отмѣненному соціально-политическому укладу,

б) для поддержанія существующаго въ данный моментъ порядка вещей,

в) для измѣненія его, хотя и существеннаго, но постепеннаго и безболѣзненнаго,

г) для революціоннаго низверженія существующаго строя въ угоду строю новому, далеко забѣгающему впередъ по мыслимому историческому пути и мало считающемуся съ привычными требованіями современности.

А благодаря этому, *всегда и повсюду можно прослѣдить проявленія четырехъ основныхъ типовъ политики: — ретроградной или реакціонной, консервативной, прогрессивной или либеральной, и революціонной.*

Въ согласіи съ только что отмѣченнымъ объективнымъ условіемъ соціальной жизни неизмѣнно складывалась на протяженіи вѣковъ политическая психологія людей.

Каковы бы ни были въ зависимости отъ времени и мѣста конкретныя основанія политическихъ группировокъ, въ ихъ взаимной борьбѣ всегда обнаруживается дѣйствіе *четырехъ основныхъ политическихъ темпераментовъ: — ретрограднаго, консервативнаго, прогрессивнаго и революціоннаго.*

Различные авторы неоднократно пытались установить тѣсное внутреннее взаимоотношеніе между *возрастомъ людей* — съ одной стороны, и между перечисленными политическими темпераментами — съ другой. Они подмѣтили, что молодые люди по преимуществу настроены революціонно, что старики обычно ретограды, что умѣренные консерваторы и либералы большею частью оказываются людьми средняго возраста. — Другіе изслѣдователи пытались установить соотношеніе и параллелизмъ между темпераментами, о которыхъ рѣчь, и между *возрастами политическихъ режимовъ.* Съ ихъ точки зрѣнія, всякій режимъ переживаетъ нѣсколько періодовъ, въ теченіе которыхъ онъ послѣдовательно обнаруживаетъ всѣ характерныя черты юности, зрѣлости и дряхлости. — Третьи становятся на еще болѣе широкую исходную плоскость

и относятъ преобладаніе того или другого изъ главнѣйшихъ политическихъ темпераментовъ за счетъ разницы *въ историческомъ возрастѣ націй.*

На нашъ взглядъ, всѣ подобныя сопоставленія въ одинаковой степени правильны и допустимы, такъ какъ *во всѣхъ планахъ и на всѣхъ ступеняхъ политической жизни проявляетъ себя* (въ согласіи съ отмѣченнымъ выше соціальнымъ закономъ) *одна и та же игра четырехъ политическихъ темпераментовъ, изъ которыхъ берутъ свое начало четыре соотвѣтственныхъ типа политическихъ программъ.*

Да, это такъ: — во всѣхъ планахъ и на всѣхъ ступеняхъ политической жизни. Мы это констатируемъ и подчеркиваемъ, чтобы вывести отсюда то исключительное по своей важности слѣдствіе, что *и вся международная жизнь въ ея цѣломъ есть не что иное, какъ громадное поле для игры и борьбы тѣхъ же политическихъ темпераментовъ и тѣхъ же политическихъ программъ.*

Въ самомъ дѣлѣ:

Въ какомъ бы видѣ ни представлялось данное міровое политическое положеніе, оно прежде всего — *политическое* положеніе. Это означаетъ, что оно удовлетворяетъ, въ общемъ, одну часть народовъ и вызываетъ неудовольствіе въ другой. Конечно, всякій народъ доволенъ и недоволенъ по своему. Однако, въ качествѣ единаго политическаго цѣлаго всѣ они представляютъ собой не что иное, какъ *міровыя политическія партіи.* При чемъ одни выполняютъ функціи народовъ консерваторовъ, другіе — роль прогрессистовъ, третьи оказываются народами революціонерами, а четвертые по старости, изъза паралича или по иной какой-либо причинѣ вяло тянутъ міръ въ сторону политическаго декаданса.

Каковы эти функціи и роли въ каждомъ индивидуальномъ случаѣ?

Чего требуетъ ихъ исполненіе отъ соотвѣтствующихъ народовъ?

Каковы условія ихъ возможнаго историческаго успѣха и мыслимыя причины ихъ неуспѣха?

Далеко не просто уяснить себѣ все это. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, *пока это остается неуясненнымъ, всѣ усилія укротить*

ирраціональное и трагическое въ исторіи человѣческаго рода будутъ сдѣланы совершенно напрасно, — не приведутъ рѣшительно ни къ чему.

Скажу еще точнѣе:

Человѣческая исторія не перестанетъ быть ирраціональной и ужасающе трагичной до тѣхъ поръ, пока международныя отношенія не начнутъ складываться въ согласіи съ опредѣленной программой, выработанной всѣми народами вмѣстѣ и осуществляемой всѣми ими сообща. — Для того, чтобы это случилось, нужно, чтобы предварительно нѣсколько основныхъ программъ были выработаны, провозглашены и энергично защищались въ ихъ взаимной борьбѣ. Говоря другими словами — *настоятельно необходимо, чтобы современные народы сдѣлались въ гораздо большей степени членами міровыхъ политическихъ партій, чѣмъ это было до сихъ поръ, и чтобы даже внутренняя политическая борьба въ каждомъ изъ нихъ была по преимуществу борьбой между представителями различныхъ международныхъ, міровыхъ партій.*

Оставимъ въ сторонѣ ретроградную политику и программы реакціонныя, какъ неспособныя служить цѣлямъ политическаго прогресса. Будемъ думать только о тѣхъ, которымъ принадлежитъ или историческое настоящее или историческое будущее.

Въ такомъ случаѣ; *идеаломъ было бы то, если бы соотвѣтствующія программы отражали одновременно требованія и Морали и Права и Политики въ ихъ гармоническомъ согласованіи и соединеніи.*

Увы, подобный идеалъ осуществимъ лишь въ заключительный періодъ исторіи. Поэтому напрасно было бы теперь уже ломать голову надъ выработкой единой и безусловно совершенной міровой политической программы: все равно ничего не выйдетъ. Для начала же вполнѣ достаточно было бы усвоить себѣ, что *во многихъ случаяхъ современная жизнь народовъ развертывается подъ знакомъ отчетливо выраженнаго преобладанія то факторовъ моральныхъ, то факторовъ правовыхъ, то чисто политическихъ факторовъ.*

Болѣе углубленный анализъ непремѣнно показалъ бы при этомъ, что *весь стиль соціальной жизни совершенно отличенъ*

у народовъ, подчиненныхъ моральному началу, по сравненію съ тѣми, надъ которыми витаетъ духъ права или гдѣ властвуетъ эфемерная богиня политики. — Тотъ же анализъ съ несомнѣнностью установилъ бы далѣе, что *имѣются совершенно специфическія условія* для того, чтобы одна изъ этихъ трехъ этическихъ силъ могла восторжествовать надъ двумя остальными и чтобы она принялась властно управлять соціальной жизнью той или иной страны.

Въ частности, *во всѣхъ трехъ случаяхъ совершенно различными должны оказаться: — историческія судьбы данныхъ народовъ, — ихъ государственное устройство, — ихъ внутреннее и внѣшнее положеніе, — ихъ національная психологія, — общій характеръ ихъ культуры.*

Въ виду всѣхъ этихъ причинъ, громадной ошибкой явилась бы выработка міровыхъ программъ безъ учитыванія конкретныхъ состояній основныхъ группъ народовъ и безъ того, чтобы *теоретически базировать эти программы однѣ на Морали, другія на Правѣ и третьи на чистой* Политикѣ.

Этимъ я хочу сказать, что *приходится выбирать между тремя типами программъ реорганизаціи міра.*

На чемъ же въ конечномъ итогѣ долженъ покоиться этотъ выборъ? — Отъ чего онъ долженъ зависѣть?

Очевидно, что въ первую очередь онъ долженъ зависѣть отъ объективныхъ условій, болѣе благопріятныхъ для одной изъ программъ по сравненію съ остальными; а затѣмъ — отъ *качествъ программъ* и отъ нашей субъективной оцѣнки ихъ, т. е. отъ того *стиля общечеловѣческой соціальной жизни,* который каждая изъ нихъ обѣщаетъ установить.

Не сводятся-ли послѣ этого всѣ отдѣльныя частныя проблемы, интересующія насъ здѣсь, къ одной общей: — къ выясненію логическихъ условій, путей и соотносительной цѣнности мыслимыхъ въ будущемъ обще-историческихъ международныхъ процессовъ, изъ которыхъ одинъ опирался бы по преимуществу на Мораль, другой на Право, третій на Политику?

И не становимся-ли мы тѣмъ самымъ лицомъ къ лицу съ великимъ историческимъ императивомъ: —

Стремиться къ тому, чтобы вся послѣдующая международная борьба стала борьбою за невѣдомую еще пока международную мораль, за подлинное—а не мнимое только—всемiрное на этотъ разъ вполнѣ оправдывающiя себя формы мiровой политики?

III.

Есть всѣ основанiя полагать, что въ настоящiй моментъ историческая почва достаточно подготовлена какъ для формулированiя вышеуказанныхъ программъ, такъ и для удовлетворенiя только что формулированнаго императива.

Тѣсная междузависимость всѣхъ странъ есть одинъ изъ наиболѣе очевидныхъ и неоспоримыхъ фактовъ современной дѣйствительности. Быстро укрѣпляющiйся «интернацiонализмъ» есть одна изъ наиболѣе характерныхъ чертъ нашей исторической эпохи. Яркiя проявленiя единства новѣйшей международной жизни бросаются въ глаза положительно на каждомъ шагу. — «Мiръ сталъ удивительно маленькимъ», не безъ основанiя жалуются нѣкоторые. И, какъ будто-бы, день ото дня онъ становится все меньше и меньше. Поразительныя открытiя и изобрѣтенiя послѣднихъ лѣтъ въ области усовершенствованiя путей сообщенiя и средствъ сношенiя чудодѣйственнымъ образомъ сократили пространство и частично вовсе отмѣнили время. То, что происходитъ въ одномъ концѣ мiра, въ то же мгновенiе становится извѣстнымъ во всѣхъ остальныхъ его концахъ. Невозможно представить себѣ событiе, сколько нибудь значительное для одного народа, которое не нашло бы живого отклика въ большинствѣ другихъ народовъ. Это въ одинаковой мѣрѣ относится и къ экономическимъ явленiямъ, и къ политическимъ и къ чисто культурнымъ.

Въ настоящее время ни одно государство не въ состоянiи удовлетворять всѣ свои экономическiя потребности съ помощью однихъ только собственныхъ средствъ. Съ давнихъ поръ поэтому въ общемъ сознанiи начала укрѣпляться мысль, что *съ экономической точки зрѣнiя земной шаръ представляетъ собой единое цѣлое.*

Не многимъ иначе обстоитъ дѣло и въ чисто политической области. Легко-ли, въ самомъ дѣлѣ, отыскать теперь такiя

политическія явленія, которыя представляли бы интересъ только лишь для одного какого-нибудь народа? Много ли можно насчитывать теперь серьезныхъ политическихъ шаговъ, которые одно правительство предпринимало бы безъ предварительнаго оповѣщенія или даже безъ прямого согласія на нихъ цѣлаго ряда другихъ правительствъ? *Каждая отдѣльная политическая нить сама собой вплетается въ ту сплошную политическую ткань,* которая простирается надъ всѣми землями и надъ всѣми народами.

Что же касается *общей культуры* современныхъ народовъ, какъ таковой, то *она интернаціональна по преимуществу.*

Газета, которая не помѣщала бы телеграммъ изо всѣхъ уголковъ міра, просто не была бы газетой въ наши дни. Шедевры изящной литературы переводятся на всѣ языки. Научныя открытія мгновенно становятся всеобщимъ достояніемъ. Въ аудиторіи знаменитыхъ университетскихъ профессоровъ крупнѣйшихъ изъ культурныхъ центровъ собираются для обученія представители чуть-ли не всѣхъ странъ. Знаменитые артисты, — музыканты и пѣвцы, — одинаково у себя дома въ Берлинѣ и въ Лондонѣ, въ Нью-Іоркѣ и въ Парижѣ, въ Петроградѣ и въ Римѣ. Умѣть читать и изъясняться на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ сдѣлалось почти обязательнымъ для всякаго образованнаго человѣка. Общій укладъ жизни и одежда людей, физіономія городовъ, организація и распорядокъ отелей, типъ населенія столицъ — все это съ каждымъ днемъ становится болѣе и болѣе интернаціональнымъ, даже и въ итогѣ войны и въ итогѣ великой русской революціи.

Прямымъ слѣдствіемъ уплотненія международныхъ связей является специфическое «международное сознаніе» современной намъ эпохи.

Всѣ эти мысли объ единствѣ народовъ, о необходимости братской солидарности между всѣми частями человѣчества, объ абсурдности и преступности войнъ незамѣтно перешли изъ царства отвлеченныхъ теорій въ конкретныя и практическія политическія программы. — Организуются международные конгрессы парламентскихъ дѣятелей. — Превращаются въ періодическія Мирныя Гаагскія Конференціи. — Создается оффиціальная Лига Націй. — Повсюду развивается широкое пацифистское движеніе. — Всѣ отрасли жизни двигаются впередъ

съ помощью соотвѣтствующихъ международныхъ съѣздовъ и обществъ. Наконецъ, — и это становится все болѣе и болѣе существеннымъ, — на почвѣ марксистскаго догмата борьбы классовъ образовался интернаціоналъ рабочаго пролетаріата и во всѣхъ странахъ даетъ себя знать координированное рабочее движеніе съ яркими революціонными заданіями.

Казалось бы, очень немногаго недостаетъ для того, чтобы вся наша психологія, нашъ интеллектъ, наше этическое сознаніе стали въ первую очередь *интернаціональными* и чтобы въ душѣ ближайшихъ же поколѣній, которыя придутъ намъ на смѣну, навсегда укоренился культъ интернаціонализма, — послѣдовательнаго и широкаго?

Нужно-ли указывать, насколько выгоднымъ оказался бы для всѣхъ тріумфъ подобнаго интернаціонализма и какія радужныя перспективы открывалъ бы онъ на будущее?

Однако . . . .

Однако, раньше, чѣмъ пропѣть гимнъ своего окончательнаго самоутвержденія, *интернаціонализму предстоитъ еще преодолѣть одно весьма серьезное препятствіе.*

Препятствіе это можно называть различно: —

Націонализмъ, — Патріотизмъ, — Культъ государственности. —

Въ ихъ противуположеніи интернаціонализму всѣ указанныя понятія обозначаютъ почти одно и то же. Если угодно, это — *государство въ его стремленіи отстоять свой престижъ, свою индивидуальность, свою назависимость, не допуская ничего превыше себя и оставаясь вѣчно такимъ, каково оно сейчасъ.*

Всѣмъ хорошо извѣстно всемогущество современнаго государства, — по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Никто не станетъ отрицать, что вопреки всему современному интернаціонализму *психологія людей XX-го вѣка представляется по преимуществу націоналистической и патріотической.* Быть можетъ, болѣе націоналистической и патріотической, чѣмъ когда либо прежде.

Означаетъ-ли это печальную отсталость нашей психики? Или это есть проявленіе своеобразнаго духовнаго атавизма?

Ни то, ни другое. Тотъ, кому пришлось бы выступать въ защиту государства, легко нашелъ бы для своей рѣчи десятки и сотни необходимыхъ аргументовъ.

Въ самомъ дѣлѣ:

Не является ли государство *надежнѣйшимъ покровителемъ личности?* — Не есть-ли оно *вѣрнѣйшій защитникъ національныхъ интересовъ?* Не оно-ли должно быть признано *лучшимъ изъ средствъ* для достиженія *наиболѣе совершенной соціальной организаціи?* — Чѣмъ болѣе государство могуче, богато и обширно, тѣмъ больше шансовъ для его гражданъ достичь предѣльныхъ высотъ цивилизаціи. Стало-быть, государство есть *превосходный двигатель прогресса.* — Ни одно государство не можетъ процвѣтать, если оно не удовлетворяетъ наиболѣе насущныя потребности всѣхъ слоевъ населенія. Съ другой стороны, только съ помощью государства потребности эти и могутъ быть удовлетворены въ достаточной мѣрѣ. Стало-быть, государство есть *вѣрный стражъ соціальной справедливости.* — Къ тому же, современное государство чрезвычайно гибко и легко приспособляется къ быстро мѣняющимся требованіямъ соціальной жизни. Это его свойство позволяетъ ему съ успѣхомъ дѣйствовать на пользу чисто политическому прогрессу. — Обычно политическій прогрессъ совершается въ атмосферѣ соперничества и борьбы. Внутри государства борьба происходитъ обычно между индивидуумами, группами и классами; здѣсь задача государства умѣрять эту борьбу и придавать ей безопасныя формы. Въ международной области политическій прогрессъ проистекаетъ изъ борьбы между самими государствами, членами международнаго общенія. Слѣдовательно, *существованіе (независимыхъ) государствъ необходимо для внутригосударственнаго и мірового политическаго прогресса.* Безъ нихъ этотъ быстрый и неустанный прогрессъ не замедлилъ бы выродиться въ мертвый застой.

Пусть приведенная аргументація въ пользу государства способна вызывать весьма и весьма серьезныя возраженія. Одно для многхъ всегда останется внѣ спора: *идеалъ національзма и идеалъ интернаціонализма суть два діаметрально противуположныхъ идеала, непримиримыхъ въ ихъ напряженной*

взаимной борьбѣ и несогласимыхъ ни при какихъ условіяхъ. Необходимо дѣлать выборъ между тѣмъ и другимъ. *Задачей послѣдующей международной исторіи должно статъ обезпеченіе рѣшительной побѣды одному изъ за счетъ другого.*

Положеніе можетъ показаться совершенно безвыходнымъ, соціальная апорія — неразрѣшимой. Всѣ мечты о мирномъ, разумномъ и прекрасномъ будущемъ народовъ вотъ-вотъ разсѣются, какъ дымъ; разъ и навсегда.

Такъ здѣсь-то именно и долженъ впервые авторитетно проявить себя тотъ новый политическій разумъ, о которомъ говорилось нѣсколько выше. Его прямая обязанность — установить съ непререкаемой очевидностью, что націонализмъ и интернаціонализмъ несовмѣстимы лишь до тѣхъ поръ, пока все въ современной соціально - политической жизни остается безъ замѣтныхъ измѣненій. Напротивъ, *стоитъ только людямъ рѣшиться на переустройство основъ ихъ публичной жизни, какъ пути взаимопримиренія соперничающихъ принциповъ націоналистическаго и интернаціоналистическаго найдутся безъ труда.*

И далѣе:

Указанные принципы непримиримы, главнымъ образомъ, постольку, *поскольку оба они претендуютъ на званіе единоличнаго верховнаго управителя международной жизни.* Напротивъ, едва только будетъ признано: — что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи планомѣрно управлять международной жизнью внѣ самаго тѣснаго сотрудничества съ другимъ; — что оба они одинаково должны оставаться «верховными», но только въ разныхъ смыслахъ; — что оба они призваны въ одно и то же время и подчиняться другъ другу и подчинять себѣ другъ друга; — что не «государству вообще» предстоитъ сойти съ исторической сцены, а лишь каждому изъ отдѣльныхъ государствъ отказаться отъ идеала полной независимости; — едва только все это будетъ признано, какъ самая *проблема взаимопримиренія національнаго принципа съ интернаціональнымъ отпадетъ сама собой.*

И, наконецъ, — что еще болѣе важно:

Прошли уже тѣ времена, когда можно было свободно выбирать между программой послѣдовательнаго націонализма или программой подчиненія законамъ интернаціонализма. *Безпо-*

воротное и окончательное рѣшеніе уже принято. Принято не нами, людьми, а самой исторіей.

Да, все это долженъ и можетъ установить новый политическій разумъ.

— «Посмотримъ внимательно» — такъ аргументировалъ бы онъ: — «То самое государство, которое столь ревниво оберегаетъ свою независимость и свой суверенитетъ, которое ведетъ такую ожесточенную борьбу противъ всякаго международнаго прогресса, *даже и оно въ послѣднемъ счетѣ оказывается на службѣ у интернаціонализма.* И вотъ какимъ образомъ: — всякое стремленіе отдѣльныхъ государствъ, направленное къ ихъ самоусиленію, вольно или невольно содѣйствуетъ разрѣшенію международной проблемы. *Всякое государство, ставшее большимъ и благодаря этому утвердившее одинъ общій правовой порядокъ на значительномъ пространствѣ земли, уже одной своей обширностью представляетъ собой цѣнное завоеваніе интернаціонализма.* Повсюду и во всѣ эпохи малыя государства стремились стать великими, а великія тяготѣли къ имперіализму. Но что же представляетъ собой подлинно имперіалистическое государство, если не государство, способное направлять ходъ *всей* международной жизни и стремящееся разрѣшать по своему единоличному усмотрѣнію *всѣ* международные вопросы?»

Говоря другими словами, *національно-государственный эгоизмъ, достигшій предѣльныхъ своихъ вершинъ, въ такой же мѣрѣ служитъ дѣлу объединенія народовъ въ одно общее политическое цѣлое, что и самый безкорыстный интернаціонализмъ, отправляющійся отъ идеи солидарности и безусловнаго взаимнаго равенства всѣхъ государствъ.* Различны въ націонализмѣ и интернаціонализмѣ не предѣльныя устремленія, а пути и средства. Не окончательные результаты, а методы ихъ достиженія, Поэтому-то, навѣрное, и бываетъ временами такъ трудно различить съ точностью, гдѣ заканчивается національный эгоизмъ и гдѣ начинается международная солидарность.

IV.

Яркое подтвержденіе изложенной точки зрѣнія даетъ изслѣдованіе международно-политическаго смысла недавней великой войны. Когда я утверждалъ, что исторія уже приняла окон-

чательное рѣшеніе въ спорѣ между интернаціонализмомъ и націонализмомъ, я прежде всего опирался именно на опытъ показательнаго 1914 года.

Еще совсѣмъ недавно выясненіе историческаго смысла міровой войны составляло излюбленную тему политическихъ писателей всѣхъ странъ. — Для однихъ эта война представлялась грандіознымъ *поединкомъ между двумя господствующими имперіализмами:* германскимъ и англійскимъ. Другіе усматривали въ ней всеобщую борьбу противъ одного единственнаго — *германскаго* — имперіализма, слишкомъ притязательнаго и потому слишкомъ опаснаго. Для третьихъ, всеобщая борьба служила выраженіемъ стремленія современныхъ народовъ къ установленію *немедленнаго вѣчнаго мира.* Какъ бы то ни было, всѣ сходились на томъ, что война 1914 года есть борьба однихъ государствъ противъ другихъ и никто не пытался взглянуть на нее какъ на единый міровой процессъ, въ которомъ каждое государство играло опредѣленную роль совершенно помимо своей воли и часто вопреки прямымъ своимъ интересамъ.

Между тѣмъ, первое условіе для правильнаго пониманія недавней великой войны заключается именно въ томъ, чтобы отрѣшиться отъ каждаго изъ государствъ въ отдѣльности, каково бы ни было его реальное значеніе, и все свое вниманіе сосредоточить на единомъ *міровомъ политическомъ процессѣ* со всѣми его условіями, путями и противорѣчіями, какъ на совершенно особомъ соціальномъ процессѣ, вбирающемъ въ себя и завершающемъ въ себѣ всѣ остальные соціальные процессы. Только тогда съ полной отчетивостью выступитъ наружу логика великой войны и станутъ одинаково ясными и достигнутые ею прямые политическіе результаты, и внутренній механизмъ, двигавшій ею, и поставленныя ею проблемы. Въ особенности же станетъ яснымъ тогда то, что *это была война за осуществленіе міровыхъ политическихъ программъ и что подлинный международный миръ наступитъ лишь въ томъ случаѣ, если одна изъ этихъ міровыхъ программъ будетъ осуществлена, чего бы это ни стоило.*

Ходъ разсужденій здѣсь долженъ быть приблизительно таковъ:

Прежде всего великая война съ чрезвычайной наглядностью подтвердила самую тѣсную взаимозависимость народовъ. Доста-

точно было остраго столкновенія интересовъ трехъ или четырехъ странъ, чтобы тотчасъ же всѣ страны почувствовали себя непосредственно затронутыми новымъ положеніемъ вещей и чтобы сразу измѣнилось соотношеніе всѣхъ международныхъ силъ. Параллельно великая война показала, что общность международныхъ интересовъ отнюдь не исключаетъ рѣшительнаго отстаиванія государствами своихъ эгоистическихъ національныхъ интересовъ. Иначе, каждое государство охотно пожертвовало бы въ критическую минуту своими націоналными интересами въ угоду общимъ интересамъ всѣхъ странъ и міровой войны вовсе не было бы. Такимъ образомъ, приходится сказать, что *глубокая взаимозависимость между національными интересами всѣхъ странъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя рѣзкія противорѣчія между ними, — являются двумя изначальными предпосылками великой катастрофы 1914 года.*

Вначалѣ всѣ воюющіе выступали съ одними и тѣми же лозунгами. Одинаково убѣжденные въ правотѣ своего дѣла, всѣ они одинаково полагали, что при помощи оружія выполняютъ высшій нравственный долгъ. Конкретно этотъ высшій нравственный долгъ заключался для каждой страны въ томъ, чтобы не допускать нападеній противниковъ, — не позволять никому усиливаться за ея счетъ, — вернуть то, что когда-то было утрачено и добиться тѣхъ или иныхъ новыхъ выгодъ. Это значитъ, что чисто національная точка зрѣнія играла тогда повсюду рѣшающую роль; *національные интерессы служили отправнымъ пунктомъ для всѣхъ націй и для всей аргументаціи ихъ правительствъ.* «Мое собственное государство превыше всего.»

Однако, что, собственно, высказывалось этимъ лозунгомъ — «мое государство превыше всего»? Въ разныхъ странахъ его понимали по разному и по разному выводили изъ него заключенія. Съ наибольшею энергіею и послѣдовательностью съ давнихъ поръ держалась за него Германія. Эта могучая держава не успѣла еще занять того мѣста подъ солнцемъ, на которое претендовала. Она прекрасно сознавала, что полностью осуществить свои національныя вожделѣнія ей не удастся иначе, какъ съ помощью оружія. Наконецъ, для нея совершенно не было тайною, что въ рѣшительный моментъ она можетъ разсчитывать только на себя. Въ виду всего этого она напрягала всѣ свои силы, чтобы оказаться непобѣдимой въ любой изъ ожи-

даемыхъ войнъ, каковы бы ни были ея условія и кто бы не выступилъ въ ней ея противникомъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, Германія съ самаго начала натолкнулась на сушѣ и на водѣ на четыре крупнѣйшихъ міровыхъ державы: на Англію, Францію, Японію и Россію. И не смотря на это, въ теченіе очень долгаго времени успѣхъ и выгоды военнаго положенія упрямо склонялись на ея сторону. Почему? Не потому-ли, что одинъ яркій націонализмъ, опирающійся только на самого себя, всегда болѣе силенъ любого числа другихъ націонализмовъ, опирающихся другъ на друга и мѣшающихъ другъ другу? И *не дается-ли тѣмъ самымъ своеобразнаго историческаго оправданія той міровой политической программѣ, попытка осуществленія которой выпала на долю Германіи?*

Программа, которая здѣсь имѣется въ виду, опирается на опредѣленнаго рода *представленіе о развитіи международнаго процесса*, допускающее два схематическихъ варіанта.

Первый варіантъ: — Сто малыхъ государствъ постепенно превращаются въ пятьдесятъ болѣе крупныхъ. Пятьдесятъ въ свою очередь превращаются въ двадцать пять еще значительно болѣе крупныхъ и — такъ, пока не останется всего навсего три государства, потомъ два, потомъ одно единственное міровое государство.

Второй варіантъ: — Наиболѣе могущественное изъ ста существующихъ государствъ постепенно поглощаетъ сначала наиболѣе мелкія, потомъ среднія, потомъ и самыя крупныя, чтобы въ конечномъ итогѣ сдѣлаться единственнымъ всемірнымъ государствомъ.

Въ приведенныхъ схемахъ насъ долженъ интересовать, однако, не столько порядокъ постепеннаго сокращенія числа государствъ, сколько *тѣ методы и средства*, съ помощью которыхъ одно какое либо государство втянуло бы въ себя всѣхъ своихъ соперниковъ.

Вотъ — эти методы и средства:

Чрезвычайно развитое національное чувство.

Исключительно активная національная воля.

Высокая цивилизація и матеріальное богатство, недосягаемыя для другихъ странъ.

Принудительное предписываніе своей воли и своей цивилизаціи остальнымъ націямъ.

Подчиненіе многихъ націй съ помощью прямого насилія.
Религія силы и апологія неравенства.
Самый крайній милитаризмъ.
И войны, войны, войны . . . .

Да, таковы въ глубочайшей основѣ своей предпосылки всей внѣшней политики былой Германской имперіи. — Германія чувствовала себя неизмѣримо выше и сильнѣе всѣхъ остальныхъ странъ, взятыхъ вмѣстѣ, и упорно стремилась стать еще и еще сильнѣе, чтобы подняться еще и еще выше. Трудно предугадать, что случилось бы, если бы подобная жажда принудительнаго мірового владычества мучила не только императорскую Германію, но и нѣсколько другихъ великихъ державъ. И при томъ въ одинаковой съ нею степени. Лично я полагаю, что историческая логика не можетъ допустить, чтобы въ одну и ту же эпоху планъ принудительнаго политическаго объединенія всѣхъ народовъ въ достаточной степени увлекалъ болѣе, чѣмъ одну націю. Это — удѣлъ націи, чувствующей совершенно особое историческое предназначеніе или «избраніе». *И не потому-ли, въ послѣднемъ счетѣ, подобная «избранная» нація и берется за задачу всемірнаго завоеванія, что видитъ себя единственной, ставящей себѣ столь широкую и смѣлую цѣль? . . .*

По мѣрѣ того, какъ военные успѣхи Германіи въ войну 1914 года стали угрожать все большему и большему числу народовъ, автоматически стало расти число ея противниковъ. Вотъ уже ихъ приходится считать десятками. И все же мѣсяцы проходили, милліоны людей гибли, а побѣда по прежнему не знала, на какую сторону склониться окончательно. Какъ извѣстно, цѣлыхъ четыре года понадобилось на то, чтобы она склонилась, наконецъ, на сторону противугерманской коалиціи.

Что же, однако, означала эта побѣда? Что случилось въ ноябрѣ 1918 года?

Случилось то, что *за время долгаго военнаго сотрудничества и въ цѣли достиженія общей военной и политической цѣли «Союзныя и Дружественныя Державы» сумѣли приглушить свой національный эгоизмъ и подчинить его требованіямъ взаимной солидарности.* Уже многократно указывалось, что

Германія была побѣждена знаменитыми «четырнадцатью пунктами» Вильсона, т. е. *міровой политической программой, по смыслу своему діаметрально противуположной германской программѣ.*

Вильсонъ извѣстенъ въ качествѣ апостола братскаго сближенія народовъ на основѣ ихъ взаимнаго уваженія и искренняго признанія ими всякой чужой цивилизаціи.

Его политическая программа есть программа добровольныхъ соглашеній между государствами и дружескаго согласованія свободной воли различныхъ націй, одинаково выгоднаго для каждой стороны.

Самое полное юридическое равенство всѣхъ государствъ безъ малѣйшаго отношенія къ размѣрамъ ихъ національныхъ рессурсовъ должно было быть основнымъ принципомъ и этихъ соглашеній и этого согласованія.

Культъ права царитъ.

Не существуетъ никакого милитаризма.

Ангелы мира не покидаютъ ни одной страны и не знаютъ больше ни заботъ, ни трудовъ.

Если бы историческій процессъ захотѣлъ слѣдовать лишь путями президента Вильсона, то схема его — въ параллель къ предыдущей схемѣ — представилась бы приблизительно въ слѣдующемъ видѣ:

Сто существующихъ государствъ такъ вѣчно и остаются сто. — Были они раньше суверенными, суверенными они останутся и до самаго конца исторіи. Только раньше всѣ они очень мало были связаны другъ съ другомъ посредствомъ международныхъ договоровъ и договоры эти сравнительно мало затрагивали ихъ внутреннюю жизнь. Теперь, напротивъ, всѣ важнѣйшіе политическіе вопросы разрѣшаются не столько правительствами и парламентами каждой изъ странъ порознь, сколько спеціальными международными конференціями и особыми постоянными международными органами. — Войны прекратятся, какъ недопустимыя юридически и безполезныя практически.— Международная экономическая борьба будетъ постепенно отмѣнена за явной невыгодностью.— Междугосударственныя недоразумѣнія и національная вражда навсегда исчезнутъ изъ историческаго обихода, благодаря дѣйствію международнаго суда. — Собственно, все осталось бы безъ измѣненія только по

видимости. На самомъ же дѣлѣ, образовалась бы всемірная конфедерація государствъ, — быть можетъ, весьма похожая на единое *всемірное федеративное государство.*

Въ ноябрѣ 1918 года Союзныя и Дружественныя Державы побѣдили Германію. Тѣмъ не менѣе, совершенно нельзя было сказать, что ихъ великолѣпная міровая программа, отредактированная Вильсономъ, одержала въ этотъ моментъ побѣду надъ міровой программой ихъ противницы.

Нѣтъ; *въ итогѣ великой войны обѣ міровыя политическія программы оказались совершенно одинаково скомпрометтированными и разбитыми.*

Одна изъ нихъ рухнула оттого, что *Германія не оказалась неизмѣримо выше и сильнѣе всѣхъ остальныхъ странъ, взятыхъ вмѣстѣ.*

Другая — оттого, что *солидарность извѣстнаго числа націй,* вспыхнувшая въ моментъ общей опасности, *оказалась весьма хрупкой, искусственной и полностью разрядилась въ военной побѣдѣ надъ временнымъ врагомъ.*

Крушеніе обѣихъ указанныхъ міровыхъ программъ не вернуло міръ въ какое-то прежнее состояніе. Нѣтъ, оно имѣло иныя послѣдствія совершенно первостепенной исторической важности. Благодаря ему, *на первую очередь международнаго политическаго дня настойчиво выдвинулась новая міровая политическая программа — третья и послѣдняя.*

Самая радикальная, самая рѣшительная изъ всѣхъ трехъ. Она начинаетъ съ того, что предписываетъ самую полную переоцѣнку всѣхъ существующихъ политическихъ и соціальныхъ цѣнностей.

Зачѣмъ думать, что внѣ формъ современнаго государства невозможна хорошо организованная соціальная жизнь? Истина какъ разъ въ обратномъ. Нельзя существенно улучшить условія человѣческаго общежитія, не отказавшись предварительно отъ всѣхъ его традиціонныхъ формъ. Независимое государство вовсе не пригодно для того, чтобы утвердить среди людей полное благополучіе и вѣчный миръ; больше — оно главнѣйшее препятствіе на пути къ нимъ.

Слѣдовательно, *необходимо разрушить всѣ перегородки, воздвигнутыя государствомъ въ предѣлахъ націй, и устранить всѣ барьеры, которые отдѣляютъ націи одну отъ другой.*

Всѣ народы должны объединиться въ единое міровое братство.

Это вполнѣ осуществимо при условіи, что это будетъ братство людей труда.

Весь міръ представитъ тогда единую респудлику рабочихъ республикъ.

Какая разница между тѣмъ, что было, и тѣмъ, что будетъ!

Въ прошломъ — человѣчество, искавшее объединить свои части, то съ помощью принужденія, насилія и войнъ и на основѣ принципа неравноцѣнности и неравенства націй; то съ помощью договоровъ, согласовавшихъ несогласимое на почвѣ равенства искусственнаго и лицемѣрнаго. Это — въ прошломъ. Въ будущемъ же — ни равенства, ни неравенства. Ни войнъ и, быть можетъ даже, ни договоровъ и соглашеній. Но вмѣсто всего этого *полная солидарность соціальныхъ интересовъ и самое совершенное единство между всѣми людьми, гдѣ бы они ни жили и каковы бы они ни были.*

Пока рабочій — пролетарскій — интернаціонализмъ могъ представляться лишь отвлеченнымъ выводомъ изъ соціалистической доктрины и пока онъ сравнительно мало проявлялъ себя въ качествѣ активной международно-политической силы, каждый оставался воленъ считаться или несчитаться съ приведенной программой.

Иное дѣло — теперь. Положеніе рѣзко измѣнилось.

Въ итогѣ міровой войны трудящіяся массы большинства странъ пріобрѣли несравненно большее чѣмъ прежде вліяніе на ходъ международныхъ отношеній. Теперь онѣ стали международной силой первостепеннаго значенія. Быть можетъ, это единственная сейчасъ подлинно международная сила и, во всякомъ случаѣ, никакая другая изъ международныхъ силъ не обѣщаетъ такъ усиливаться и расти съ каждымъ годомъ, какъ она. И тѣмъ не менѣе, какъ бы она ни была велика и какія бы заманчивыя перспективы ее ни ожидали въ ближайшемъ же будущемъ, она никогда не достигнетъ такихъ размѣровъ, чтобы соціалисты могли осуществить важнѣйшія изъ своихъ задачъ одними только мирными и невинными средствами. *Чтобы не*

оказаться раздавленнымъ, соціализмъ долженъ защищаться и нападать. Онъ не можетъ не быть революціоннымъ и онъ никогда не перестанетъ быть революціоннымъ. Онъ менѣе революціоненъ въ болѣе или менѣе «нормальныхъ» условіяхъ политической и экономической жизни. Его революціонность автоматически увеличивается по мѣрѣ ухудшенія общихъ политическихъ и экономическихъ условій въ каждой данной странѣ.

Въ результатѣ недавней грандіозной войны жизнь повсюду сдѣлалась небывало трудной. Въ нѣкоторыхъ странахъ она стала буквально невыносимой. Вотъ почему въ цѣломъ рядѣ странъ рабочія массы проявляютъ себя такими революціонными, какими онѣ еще не были никогда. Онѣ мечтаютъ о міровой революціи. Пусть не въ полномъ своемъ составѣ и даже не въ своемъ большинствѣ. Однако, даже тѣ ихъ части, что враждебно относятся къ мысли о немедленномъ устройствѣ міровой революціи, даже и онѣ стоятъ *за* Совѣтскую Россію, сознательно стремящуюся къ міровымъ революціоннымъ потрясеніямъ и вполнѣ способную ихъ вызвать. И кто знаетъ? Быть можетъ, вовсе не такъ далекъ тотъ день, когда міровая революція вдругъ вспыхнетъ съ такой же неожиданностью, съ какой нѣсколько лѣтъ тому назадъ вспыхнула міровая война. Да она, быть можетъ, уже и вспыхнула и только мы еще не замѣчаемъ, что она *уже міровая.* Вѣдь, и міровая война не сразу охватила всѣ страны и не сразу стала міровой въ строго географическомъ смыслѣ слова.

Впрочемъ, оставимъ въ сторонѣ всякія сравненія, предчувствія и предсказанія.

Одно всегда останется несомнѣннымъ: —

Съ тою же самой соціологической законосообразностью, съ какой германская міровая программа выработалась до *войны 1914 года, а американская (Вильсоновская)* во время *этой войны, — третья міровая программа, революціонная, должна была выступить на передній историческій планъ тотчасъ же* послѣ *нея, разъ какъ обѣ первыя обнаружили полное свое безсиліе обезпечить установленіе прочнаго международнаго мира.*

До тѣхъ поръ, пока эта послѣдняя программа будетъ имѣть своихъ горячихъ сторонниковъ, возможность міровой революціи не должна считаться исключенной. Потому что, съ другой

стороны: — до тѣхъ поръ, пока еще не устранены цѣликомъ всякіе вообще поводы къ міровой революціи, революціонная міровая программа неизмѣнно останется угрожающей для однихъ и соблазнительной для другихъ.

Такимъ образомъ, если первая *(консервативная)* міровая программа необходимо предполагала міровую войну; если вторая *(либеральная)* могла утвердиться лишь при посредствѣ всеобщаго мирнаго договора на равныхъ для всѣхъ началахъ, то третья *(революціонная)* міровая программа предполагаетъ пришествіе міровой революціи, которая во внезапномъ и бурномъ прорывѣ въ будущее сразу должна осуществить все то, что были безсильны осуществить вѣка напряженной работы и напряженной борьбы.

Но такъ какъ здѣсь нужна именно міровая революція, т. е. новая ужасная катастрофа, новая борьба и новыя безчисленныя жертвы, то *и она можетъ не привести ни къ чему, точь въ точь такъ же, какъ и міровая война, а за войной всеобщій мирный конгрессъ, предшествовавшій ей.* О, да! Этого слѣдуетъ опасаться: при неблагопріятныхъ условіяхъ даже и въ итогѣ всемірной революціи ничто не будетъ разрѣшено и никакая міровая программа не будетъ осуществлена. Напротивъ, послѣдніе рессурсы человѣчества, матеріальные и моральные, оказались бы исчерпанными и послѣдняя юная кровь современнаго человѣчества была бы понапрасну пролита на безчисленныхъ военныхъ фронтахъ «внѣшнихъ» и «внутреннихъ».

Въ этомъ и только въ этомъ, *главнѣйшая опасность* міровой революціи.

Иначе ее надлежитъ привѣтствовать въ несравнимо большей степени, чѣмъ въ 1914 г. многіе привѣтствовали міровую войну, усматривая въ ней единственный способъ навсегда выйти изъ создавшагося безвыходнаго международнаго положенія и установить какую-то «новую международную справедливость».

Изъ рукъ народныхъ диктаторовъ въ стилѣ Ленина и при посредствѣ такихъ странъ, какъ современная Россія, голодныхъ и нищихъ, міръ вдругъ получитъ то, чего не могли дать ему ни Германія съ императоромъ Вильгельмомъ, ни Америка съ президентомъ Вильсономъ.

И въ связи со сказаннымъ выше о современномъ международномъ хаосѣ и о раціонализаціи исторіи, да будетъ мнѣ позволено прибавить: —

Чѣмъ меньше мы вдумываемся въ истинный историческій смыслъ дѣяній и намѣреній Вильгельма II, Вильсона и Ленина, тѣмъ больше мы работаемъ невольно въ пользу Ленина. Съ другой стороны, чѣмъ, меньше мы стремимся сдѣлать сознательный выборъ между программами Вильгельма, Вильсона и Ленина, тѣмъ большіе ужасы безысходнаго мірового хаоса ждутъ насъ и грозятъ всему будущему человѣчества.

Итакъ, настоятельно необходимо проанализировать съ возможной тщательностью политическіе цѣли и методы вышеуказанныхъ *императора, президента и диктатора.*

Практическое значеніе подобнаго анализа огромно. Не менѣе значителенъ и его чисто теоретическій интересъ. Вотъ почему именно этому анализу будетъ посвящено все наше послѣдующее изложеніе.

Предъ нами развернутся тогда три великія политическія системы. *Мы прослѣдимъ замѣчательное сцѣпленіе соотношеній между Моралью, Правомъ и Политикой съ одной стороны и между духомъ консерватизма, либерализма и революціоннаго экстремизма съ другой; между режимами монархическимъ, республиканскимъ и совѣтскимъ и (соотвѣтственно) между имперіализмомъ, федерализмомъ и рабочимъ интернаціонализмомъ; — между соціологическими принципами неравенства, равенства и единства и между идеалами аристократовъ, демократовъ и соціалистовъ.* Благодаря всему этому мы, въ свою очередь, получимъ возможность болѣе ясно представить себѣ, что по самому существу своему являетъ собой Политика и чѣмъ — конкретно — она должна быть для каждой страны въ будущемъ.

Хочется вѣрить, что тѣмъ самымъ мы приподымемъ завѣсу исторически ирраціональнаго и освѣтимъ его первымъ лучемъ истины. И пусть за первымъ лучемъ какъ можно скорѣе слѣдуютъ другіе.

Исторія не ждетъ.

———

ГЛАВА ВТОРАЯ.

МІРОВОЙ КОНСЕРВАТИЗМЪ. ГЕРМАНІЯ И ВИЛЬГЕЛЬМЪ II.

МІРОВОЙ КОНСЕРВАТИЗМЪ.
ГЕРМАНІЯ И ВИЛЬГЕЛЬМЪ II.

I.

Мы уже знаемъ, что наиболѣе характерная черта Морали заключается въ абсолютности ея предписаній. Мораль допускаетъ только *законы* и каждый изъ ея законовъ приказываетъ *категорически*. Человѣкъ поступаетъ морально лишь въ томъ случаѣ, если повинуется правилу, принимаемому имъ и всѣми окружающими за высшее, суверенное, божественное. Не существенно, въ чемъ конкретно состоитъ подобнаго рода правило. Въ исторіи человѣческой морали заповѣдь «убій» въ той же мѣрѣ почиталась порой моральной заповѣдью, что и ея антиподъ — «не убій».

Абсолютныя нормы не могутъ проистекать изъ относительнаго, не совершеннаго источника. Сплошь и рядомъ онѣ признаются абсолютными всецѣло лишь потому, что абсолютнымъ представляется людямъ тотъ источникъ, изъ котораго онѣ берутъ свое начало. Отсюда чрезвычайно тѣсныя взаимоотношенія — совершенно нерасторжимыя, быть можетъ — между моралью и религіей; въ особенности въ древнія времена. Морально то, что предписываютъ боги или Богъ. А когда моральное сознаніе становится особенно возвышеннымъ и утонченнымъ, взаимное положеніе Бога и моральнаго закона мѣняется къ прямой выгодѣ Морали. Та или иная норма моральна съ этихъ поръ не потому, что предписывается Богомъ; нѣтъ, наоборотъ: Богъ предписываетъ ее и не можетъ не предписывать, такъ какъ она *моральна сама по себѣ*. Это значитъ, что Мораль стремится стать даже выше религіи и господствовать надъ нею, чтобы оказаться т. ск. еще болѣе абсолютною, абсолютно абсолютною, — «автономною».

Столь высокое происхожденіе моральныхъ нормъ логически исключаетъ всякое средостѣніе между этими нормами и людьми, повинующимися имъ. Онѣ обращаются непосредственно къ человѣческой душѣ. Онѣ снабжены очень строгой санкціей, но санкція эта не выходитъ за предѣлы ихъ самихъ и за предѣлы моральнаго сознанія людей. Это оказывается вполнѣ возможнымъ, поскольку матеріальное содержаніе моральныхъ предписаній стремится обычно быть наиболѣе возвышеннымъ и чистымъ: иначе, вѣдь, они съ трудомъ удовлетворяли бы потребности человѣческой души въ абсолютномъ и внѣвременномъ.

Увы, наиболѣе возвышенныя и чистыя правила поведенія обычно являются такими, которыя особенно трудно примиряются съ условіями реальной дѣйствительности. Какъ быть, въ самомъ дѣлѣ, съ велѣніемъ «не убій», если въ цѣломъ рядѣ случаевъ убійство есть единственное средство избавиться отъ страшнаго преступника, отъ опаснаго врага? Чрезвычайно сложныя, порой совершенно неразрѣшимыя нравственныя (этическія) коллизіи на каждомъ шагу подкарауливаютъ того, кто хочетъ имѣть дѣло съ одними лишь вѣчными законами абсолютнаго Добра.

Каковъ же выходъ?

Здѣсь два выхода.

Первый заключается въ томъ, чтобы избѣгать всего, что ведетъ къ моральнымъ коллизіямъ, т. е. покинуть жизнь среди общества и удалиться въ лѣса и пустыни; не дѣйствовать, а только созерцать. Это то, что предлагаетъ *аскетизмъ*. Вполнѣ очевидно, однако, что это отнюдь не выходъ. Мораль, которая разрушила бы всю соціальную жизнь, вступила бы въ прямое противорѣчіе со своимъ главнѣйшимъ назначеніемъ: — регулировать соціальныя отношенія людей. Вмѣсто того, чтобы разрѣшить проблему, аскетизмъ попросту уклоняется отъ ея разрѣшенія, искусственно отдѣлывается отъ нея.

По счастію, Мораль не послушалась аскетовъ. Она предпочла вступить на иной путь, гдѣ ничто не мѣшаетъ ей остаться на стражѣ общественныхъ человѣческихъ нуждъ. Къ тому же, это отнюдь не помѣшало ей оставаться аскетичной въ весьма значительной степени. Нѣсколько позже мы убѣдимся въ этомъ.

Второй выходъ для Морали изъ неразрѣшимыхъ противорѣчій между абсолютностью принциповъ и относительностью требованій повседневной жизни заключается въ томъ, что она *провозглашаетъ абсолютнымъ то, что отнюдь не абсолютно, — и моральнымъ* то, что порой является прямо противуморальнымъ. Поступая подобнымъ образомъ, Мораль не только достигаетъ взаимопримиренія діаметрально противуположныхъ принциповъ «не убій» и «убій» (указывая опредѣленные случаи, когда убійство — долгъ для человѣка), но еще и пріобрѣтаетъ возможность авторитетно вмѣшиваться во всѣ житейскія мелочи. Она объявляетъ, напримѣръ, морально обязательнымъ ношеніе опредѣленнаго рода одежды, употребленіе или неупотребленіе опредѣленнаго рода пищи.

При такихъ условіяхъ, ничто — казалось бы — не должно было мѣшать Морали служить единственнымъ двигателемъ всей соціальной жизни. Потому что нѣтъ, вѣдь, рѣшительно ничего, самаго относительнаго, что она не въ силахъ была бы провозгласить абсолютнымъ.

И тѣмъ не менѣе даже при наличіи *такой* Морали, — соціальная людская жизнь не можетъ обойтись безъ самаго широкаго примѣненія Права и Политики.

Почему же?

Потому что какъ бы ни было въ нѣкоторыхъ случаяхъ относительно и условно существо нормъ, называемыхъ моральными, нормы эти непремѣнно должны оставаться вѣчно *неизмѣнными, служить всегда.* Между тѣмъ, жизнь въ каждый моментъ требуетъ смѣны нормъ, — нормъ, пригодныхъ лишь въ теченіе извѣстнаго промежутка времени, или же — нормъ, разсчитанныхъ лишь на отдѣльный индивидуальный случай.

Предъ нами, такимъ образомъ, еще одна громадная трудность для Морали: создавать противныя ея природѣ временныя, условныя нормы. Но она и эту трудность ухитряется преодолѣть, *объявивъ Право и Политику непосредственнымъ образомъ подчиненными ей.* Право со всѣми его несправедливостями — такъ утверждаетъ она — справедливо, а недопустимое въ политикѣ допустимо, потому что въ конечномъ итогѣ все это служитъ наиболѣе чистымъ и высокимъ моральнымъ цѣлямъ. И она спѣшитъ прибавить: и Право и Политика заслуживаютъ уваженіе ровно лишь постольку, поскольку они служатъ ей.

Морали. Внѣ Морали они ничто. Внѣ Морали Право не есть Право и Политика не есть Политика.

Это еще не все, однако.

Сосуществованіе Морали, Права и Политики ради одной и и той же соціальной и этической цѣли само уже по себѣ указываетъ, что Благое и Должное не все одинаково хорошо, что нужно *умѣть выбирать* между хорошимъ и лучшимъ, между плохимъ и худшимъ. Не всѣ люди одинаково приспособлены къ тому, чтобы съ успѣхомъ дѣлать подобный выборъ. Есть человѣческія души, чрезвычайно чуткія къ вдохновеніямъ Добра. Есть другія, гораздо менѣе чуткія. Очевидно, что прямая обязанность первыхъ состоитъ въ томъ, чтобы руководить вторыми, указывать имъ пути поведенія, заставлять ихъ слушаться и повиноваться. Для недостаточно моральныхъ душъ — слушаться и повиноваться есть такимъ образомъ единственный способъ находиться въ согласіи съ Моралью. Это въ свою очередь, означаетъ то, что по самому основному своему этическому существу *Мораль освящаетъ неравенство* между людьми; неравенство — сначала лишь въ этическомъ отношеніи, а затѣмъ и въ различныхъ другихъ отношеніяхъ. Это она даетъ начало и оправданіе всякаго рода аристократизмамъ и различіямъ между управляющими и управляемыми. Это она возвышаетъ однихъ и принижаетъ другихъ. Это она позволяетъ меньшинствамъ и единицамъ господствовать надъ большинствомъ, часто надъ «всѣми». За эту ея черту, да еще всегда лишь при мнимой абсолютности ея нормъ, можно смѣло уклониться отъ безоговорочнаго преклоненія предъ нею и считать ее этически ни чуть не выше не только Права, но даже и Политики.

Всякій по настоящему моральный человѣкъ всегда готовъ въ точности выполнять высшія велѣнія и исполнять свой непреложный долгъ. Моральное существо никогда не живетъ, чтобы лишь жить; жить ради самой жизни. *Оно всегда — на службѣ у Добра.* Оно всегда выполняетъ какое-то провиденціальное назначеніе. Оно не припадлежитъ себѣ. Его жизнь предопредѣлена. И мнѣ представляется совершенно несомнѣннымъ, что именно это чрезвычайно характерное *сознаніе предназначенности и предопредѣленности есть тотъ главный сти-*

мулъ, который правящимъ позволяетъ управлятъ и навязыватъ Долгъ, а управляемыхъ заставляетъ слѣпо повиноваться и выполнятъ любой долгъ.

Вотъ когда — согласно обѣщанію — мы снова лицомъ къ лицу съ проблемой аскетизма.

Безсильный превратить всѣхъ людей въ отшельниковъ или столпниковъ аскетизмъ компенсируетъ себя тѣмъ, что служитъ опорой пассивнаго подчиненія и самоотрѣченія, владѣющихъ душою очень и очень многихъ людей. Можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что чѣмъ болѣе каждое данное общество морально, тѣмъ болѣе оно должно быть пропитано духомъ своеобразнаго соціальнаго *аскетизма.* А что же сказать про то общество, про ту націю или про то государство, которыя являются моральными и аскетическими par excellence? Легко себѣ представить, какими колоссальными рессурсами подчиненія долгу, самоограниченія и самоотрѣченія располагаютъ они въ лицѣ каждаго изъ своихъ членовъ для осуществленія всѣхъ цѣлей и для отстаиванія всѣхъ своихъ интересовъ!

Врядъ-ли мы сильно погрѣшили бы противъ истины, если бы сказали, что подавляющее большинство соціальныхъ установленій, даже наиболѣе временныхъ и эфемерныхъ, только тѣмъ и держится, что у людей есть привычка принимать ихъ за вѣчныя, неизмѣнныя и совершенныя. Привычка эта, вытекая изъ необходимости чисто соціологическаго порядка, можетъ быть объяснена и въ порядкѣ историческомъ и психологическомъ. Правила поведенія, передаваемыя изъ поколѣнія въ поколѣніе, пріобрѣтаютъ совершенно особенное значеніе и совершенно особенную силу. Тотъ фактъ, что уже отдаленнѣйшіе предки слѣдовали имъ, самъ по себѣ подтверждаетъ ихъ характеръ нормъ моральныхъ, т. е. вѣчныхъ и абсолютныхъ.

На извѣстной ступени соціальнаго развитія у людей незамѣтно теряется желаніе провѣрять каждый разъ, дѣйствительно-ли данное правило поведенія абсолютно, совершенно и дошло изъ глубины вѣковъ. Достаточно объявить его моральнымъ, какъ тотчасъ же абсолютный характеръ, — недопускающій ни ослушанія, ни исключеній, — автоматически закрѣпляется за нимъ.

Въ сущности, лишь теперь впервые становится вполнѣ возможнымъ то, о чемъ говорилось нѣсколько выше: сознательное предписаніе себѣ носить опредѣленную одежду и употреблять опредѣленную пищу въ качествѣ чисто моральныхъ обязанностей.

Теперь ничто уже не можетъ помѣшать объявлять за абсолютныя и вѣчныя какія-угодно нормы.

Но зато съ этого момента *Мораль* невольно *превращается изъ источника наиболѣе совершенныхъ этическихъ правилъ въ покорную служанку любыхъ житейскихъ нуждъ.*

Вотъ почему дѣйствовать морально вовсе не означаетъ творить велѣнія Абсолютнаго Добра. Абсолютныя правила Морали и подлинное Абсолютное Добро суть двѣ совершенно различныя вещи. Послѣднее обнаруживаетъ себя не иначе какъ въ нѣкоей мистической гармоніи элементовъ моральныхъ, правовыхъ и политическихъ. Оно непремѣнно ихъ синтезъ. Его индивидуально-психологическое отраженіе въ человѣческой душѣ — *нравственность,* а не только Мораль.

Пусть наше различеніе понятій моральности и нравственности условно, — оно настоятельно необходимо для правильнаго пониманія основныхъ этическихъ соотношеній. Нужно-ли прибавлять, что и понятіе «этическаго» въ свою очередь весьма отлично у насъ не только отъ понятія «моральнаго», но и отъ понятія «нравственнаго»?

Объективное выраженіе Абсолютнаго Добра непремѣнно дается въ объединеніи и сліяніи Морали, Права и Политики, какъ выраженій цѣнности внѣвременнаго, временнаго и мгновеннаго. Взятая же въ отрывѣ отъ Права и Политики, Мораль ни въ какой степени не предохраняетъ отъ самыхъ страшныхъ несправедливостей. Напротивъ, сплошь и рядомъ она оказывается ихъ главнѣйшимъ и непосредственнымъ источникомъ. Можно даже, пожалуй, выставить какъ вполнѣ точное правило, что чѣмъ больше Мораль стремится выполнить свое соціально-этическое назначеніе въ качествѣ единственной этической силы, тѣмъ болѣе она несправедлива и на тѣмъ большую расплату обрекаетъ она своихъ служителей.

Очень скоро мы увидимъ это на примѣрѣ одного народа, несомнѣнно наиболѣе моральнаго среди всѣхъ остальныхъ въ нашемъ значеніи слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе «спра-

ведливаго» изъ всѣхъ, какъ разъ въ періодъ преимущественнаго торжества въ его средѣ началъ Морали.

Для того чтобы моральнымъ по преимуществу оказался характеръ цѣлаго народа, требуется очень много особо благопріятныхъ условій.

Изъ самой природы Морали вытекаетъ то, что ее очень трудно насаждать преднамѣренно. Несравнимо легче сохранять ее отъ старыхъ временъ, — поддерживать какъ наслѣдіе предшествовавшихъ поколѣній. Съ извѣстнаго момента должна сформироваться и постоянно проявлять себя особая моральная психологія, благодаря которой народъ во своихъ дѣлахъ подчинялся бы специфическимъ «моральнымъ» импульсамъ и руководился бы по преимуществу абсолютными правилами. Это, разумѣется, дано далеко не каждому народу. Помимо нѣкотораго спеціальнаго предрасположенія, если только таковое вообще бываетъ у народовъ, очень много зависитъ отъ ихъ личныхъ *историческихъ судебъ.* Необходимо, чтобы въ теченіе очень долгаго періода данный народъ жилъ приблизительно въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, имѣлъ предъ собой однѣ и тѣ же національныя цѣли, и осуществлялъ эти цѣли все время съ помощью однихъ и тѣхъ же средствъ; необходимо также, чтобы переходъ отъ религіознаго представленія о государственной власти къ нерелигіозному совершился у него безъ особенныхъ потрясеній. Еще значительно лучше, если яркіе слѣды обожествленія свѣтской власти все еще сохраняются отъ добрыхъ старыхъ временъ и даютъ себя чувствовать. Далѣе, является совершенно необходимымъ, чтобы основы государственнаго порядка, даже сравнительно второстепенныя, не испытывали въ прошломъ внезапныхъ и рѣзкихъ потрясеній или перестановокъ, дабы народъ не могъ разсматривать себя единственнымъ источникомъ всего положительнаго права и не стремился подчиняться одной лишь собственной волѣ. Собственная воля никогда не можетъ сойти за высшую и абсолютную, а самоданные законы съ трудомъ пріобрѣтаютъ значеніе законовъ нерушимыхъ и вѣчныхъ.

Говоря другими словами, народы могутъ управляться по преимуществу моральными силами лишь въ томъ случаѣ, если ихъ настоящее неразрывно связано съ ихъ прошлымъ, плавно вытекая изъ него, — если новѣйшія поколѣнія, не взирая ни

на какой прогрессъ, исполняютъ заповѣди дальнихъ предковъ, — если по отношенію къ сосѣдямъ методы самозащиты прежнихъ вѣковъ все еще представляются наиболѣе надежными. Тѣмъ самымъ, морализмъ въ качествѣ главной основы національной психологіи оказывается неотдѣлимымъ отъ духа традиціи, отъ традиціонализма. *Въ средѣ остальныхъ современныхъ ему народовъ «моральный народъ» неизбѣжно оказывается въ положеніи народа консерватора.*

Въ нашу эпоху быть народомъ консерваторомъ очень трудно. Особенно трудно это для великихъ народовъ. Въ нашу эпоху великій народъ, оказывающійся въ международномъ парламентѣ лидеромъ міроваго консерватизма, — это тотъ, что сохраняетъ у себя монарховъ Божіей милостью, что не имѣетъ достаточно развитого народнаго представительства, что видитъ въ силѣ главную основу всякой политики, что боготворитъ войны, вѣритъ въ свое высокое историческое предназначеніе и, презирая всѣ остальные народы, мечтаетъ всѣ ихъ подчинить своему господству.

II.

Не являлась-ли дореволюціонная *Германская Имперія* законченнѣйшимъ образцомъ такого великаго народа-консерватора, чей чисто моральный характеръ послужилъ источникомъ съ одной стороны величайшихъ національныхъ достиженій во всѣхъ областяхъ духа и матеріальной культуры, а съ другой стороны — величайшихъ несправедливостей и самыхъ грозныхъ опасностей для всего человѣчества?

Бросимъ бѣглый взглядъ на прошлое Германіи; оно чрезвычайно поучительно.

Вспомнимъ прежде всего ту Пруссію, которая выступила нѣкогда въ видѣ «Тевтонскаго Ордена», одновременно религіознаго и военнаго.

Орденъ этотъ, созданный для борьбы съ мусульманами, за недостаткомъ мусульманъ предпринялъ въ XIII-мъ вѣкѣ покореніе прусскихъ племенъ. Воинственные пруссы доблестно защищались, но постепенно были вынуждены подчиниться рыцарямъ. Такимъ образомъ, первое объединеніе пруссовъ произошло съ помощью оружія и вопреки самимъ пруссамъ.

Слѣдуютъ долгіе періоды подчиненія Пруссіи Польшѣ и Швеціи.

Однако, національное чувство не угасаетъ въ сердцахъ прусскихъ правителей. Имъ удается превратить Пруссію въ свѣтское княжество и закрѣпить управленіе ею въ родѣ бранденбургскихъ маркграфовъ. Съ тѣхъ поръ, поколѣніе за поколѣніемъ, исторія выпускаетъ на свою арену одного Гогенцоллерна за другимъ, — герцоговъ, потомъ королей, потомъ императоровъ. Ихъ было много въ теченіе вѣковъ, почти сплошь чрезвычайно типичныхъ, вѣрныхъ однимъ и тѣмъ же традиціямъ и преслѣдующихъ одни и тѣ же идеалы.

Вотъ Фридрихъ-Вильгельмъ, знаменитый Великій Электоръ. Разбитый Швеціей, онъ переходитъ подъ ея сюверенитетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ значительно расширяетъ свои владѣнія. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ вынуждаетъ шведовъ признать независимость Пруссіи, а еще немного спустя прусскую независимость признаетъ и Польша. Добившись этого, Великій Электоръ обращается ко внутреннему устроенію своей земли. Онъ разъ навсегда прекращаетъ сопротивленіе знати и городовъ путемъ заключенія въ тюрьму однихъ изъ своихъ враговъ и казни другихъ. Власть его отнынѣ — власть наиболѣе могучихъ королей его времени. Но ему мало одной только казовой стороны владычества. Онъ ищетъ прочныхъ результатовъ. И вотъ онъ вводитъ въ Пруссіи образцовое административное устройство, создаетъ въ ней замѣчательную армію, значительно улучшаетъ государственные финансы, старательно содѣйствуетъ мощному развитію земледѣлія и промышленности своей страны.

Преемникъ Великаго Электора Фридрихъ III не былъ властителемъ ни сильнымъ, ни экономнымъ. Зато это онъ возвелъ Пруссію въ рангъ королевства и онъ же съ искренней любовью покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ, основывая академіи и университеты.

Сынъ Фридриха III, Фридрихъ-Вильгельмъ II, несравнимо болѣе похожъ на своего дѣда, чѣмъ на отца. Будучи своимъ собственнымъ министромъ финансовъ и военнымъ министромъ, онъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно поставилъ и свою казну и свою армію. Утверждаютъ даже, что въ его эпоху прусская армія и прусская администрація были лучшими въ мірѣ. Самъ онъ цѣликомъ посвятилъ себя *служенію* своему народу и охотно разсматривалъ себя *первымъ чиновникомъ государства.* Онъ не жалѣлъ силъ, чтобы воспитать чувство дисциплины и привить любовь къ строгому выполненію долга въ своей семьѣ,

у приближенныхъ, среди чиновниковъ и въ особенности среди офицерства. Офицеры в его правленіе не получали большихъ окладовъ, но зато онъ сумѣлъ поставить ихъ въ положеніе самаго почетнаго класса въ странѣ. Такъ это осталось и на все послѣдующее время.

Наконецъ, появляется Фридрихъ Великій.

Какъ извѣстно, онъ ввелъ Пруссію въ среду великихъ державъ, широко раздвинулъ ея границы и сталъ во главѣ оппозиціи Габсбургамъ. Воспитанникъ французскихъ философовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не переставалъ быть близкой копіей своего отца. Абсолютная дисциплина, непобѣдимая армія, администрація, дѣйствующая съ точностью совершеннаго автомата, пылкій національзмъ — таковы были его идеалы и сюда были направлены всѣ его желанія. Въ свою очередь, и онъ любилъ называть себя *первымъ слугою народа.* Въ юности своей онъ испробовалъ свои силы въ политической литературѣ, написавъ «Антимаккіавелли». Но со временемъ, въ качествѣ вѣрнаго Гогенцоллерна, онъ предпочелъ проявлять себя настоящимъ Макіавелли, если не Архимаккіавелли.

Начало XIX-го вѣка было ознаменовано для Пруссіи многими тяжкими испытаніями.

Въ эту эпоху одна королевская власть оказалась бы безсильна вывести страну изъ несчастій и снова обезпечить ей надлежащее мѣсто среди народовъ. Тогда рѣшающее слово перешло къ прусскому *націонализму.* — Прусскій народъ и прусское государство — одно; такъ утверждалъ этотъ націонализмъ. Служить имъ — долгъ каждаго пруссака. Но прусское государство отражено и запечатлѣно въ персонѣ короля, получившаго свою власть изъ божественныхъ рукъ. Слѣдовательно, долгъ каждаго пруссака быть до конца со своимъ королемъ. Пламенный націонализмъ, монархизмъ и религіозное воспріятіе власти сливаются, такимъ образомъ, въ нѣчто единое въ прусской національной психологіи. И вотъ тогда-то такъ быстро расцвѣтаетъ въ Пруссіи особая политическая философія въ одно и тоже время и патріотическая, и націоналистическая, метафизическая или мистическая даже, нашедшая мощный откликъ сначала повсюду въ германскихъ земляхъ, а позже и въ негерманскихъ.

Въ частности, не ея-ли вліяніе и отраженіе слѣдуетъ искать въ характерныхъ словахъ Вильгельма I, произнесен-

ныхъ имъ въ 1863 г., наканунѣ коронаціи: — «*Прусскіе суверены получаютъ свою корону отъ Господа. Итакъ, я возьму завтра корону съ Божьяго алтаря и возложу ее на мою голову. Въ этомъ — смыслъ королевской власти по божественному праву и въ этомъ святость короны, которая неразрушима*».

Мы потому такъ долго задержались на прусскихъ короляхъ, что они весьма сильно помогаютъ понять императора Вильгельма II, а слѣдовательно и ту германскую имперію 1871—1918 гг., которую онъ воплощалъ въ себѣ съ удивительной точностью и законченностью.

Между Вильгельмомъ II и его предками, между «его» Германіей и «ихъ» Пруссіей поддерживались связи наиболѣе живыя и прочныя. Новѣйшая дореволюціонная Германія была ничѣмъ инымъ, какъ Пруссіей Великаго Электора, если только имѣть прежде всего въ виду ея политическія идеи, методы политики, а также ея національныя цѣли и моральный ея духъ. Лучшее доказательство тому: — Вильгельмъ II всегда ставилъ себя за идеалъ сдѣлаться новымъ Великимъ Электромъ или Вильгельмомъ I-ымъ. Ихъ имена непрестанно у него на устахъ. Они всегда и неотступно въ его мысляхъ. Онъ называетъ ихъ не иначе какъ «великими» и охотно вспоминаетъ ихъ изреченія. Да, наконецъ, и самъ онъ весь цѣликомъ могъ бы быть исчерпанъ въ ихъ сентенціяхъ. Не означаетъ-ли это, что Вильгельмъ II и его Германія жили многовѣковой исторической традиціей германскаго народа?

Если угодно, то — вотъ примѣры: —

Утвержденіе монархическаго принципа у послѣдняго германскаго императора нисколько не слабѣе, чѣмъ у первыхъ прусскихъ герцоговъ и королей. Скорѣе даже, у Вильгельма II оно сильнѣе, чѣмъ у его предковъ. Онъ, какъ никто, любилъ подчеркивать, что является «единымъ владыкой въ странѣ» и что онъ «не потерпитъ никакого другого владыки». Изъ прославленныхъ латинскихъ изреченій онъ болѣе всего любилъ: suprema lex regis voluntas (Власть повелителя — законъ), — nemo me impune lacessit (Никто не перечилъ мнѣ безнаказанно), — sic volo, sic jubeo (какъ желаю, такъ и повелѣваю). Для какой-то «Золотой Книги Германскаго Народа» онъ начерталъ (на порогѣ XX-го столѣтія). — «Король имѣетъ власть Божіей Милостью; поэтому только передъ Богомъ онъ и отвѣт-

ственепъ». — Въ 1910-мъ году онъ вспоминаетъ въ Кенигсбергѣ только что приведенныя слова Вильгельма I и такъ комментируетъ ихъ: — «Это здѣсь мой дѣдъ снова возложилъ по собственному праву корону прусскихъ королей на свою голову, *лишній разъ показавъ тѣмъ съ очевидностью, что владѣетъ ею исключительно по милости Всевышняго, а не по милости парламентовъ, національныхъ собраній или плебисцитовъ; — равно какъ и то, что онъ разсматриваетъ себя въ качествѣ орудія Неба».*

Какъ очень многія изъ другихъ рѣчей краспорѣчиваго императора, его кенигсбергская рѣчь вызвала звучное эхо въ странѣ. Государственный канцлеръ снова и снова оказался вынужденнымъ появиться на трибунѣ рейхстага для защиты своего суверена. — Какъ же онъ защищалъ его? — Онъ призналъ прежде всего, что въ кенигсбергской рѣчи, дѣйствительно, дается «*сильное утвержденіе монархическаго принципа*». Но, вѣдь, этотъ принципъ представляетъ собою «основу прусскаго государственнаго права, равно какъ *выраженіе глубокихъ религіозныхъ убѣжденій, которыя восприняты и раздѣляются въ многочисленныхъ классахъ населенія*». (Горячія одобренія на правыхъ скамьяхъ и въ центрѣ.) «За время своего многовѣкового развитія — продолжалъ канцлеръ — это не онъ, не прусскій народъ создалъ для себя королевство, но наоборотъ трудъ великихъ монарховъ изъ дома Гогенцоллерновъ, поддержанный упорствомъ и способностями *населенія*, создалъ сначала прусскую національность, а потомъ и прусское государство». (Апплодисменты на различныхъ скамьяхъ.)

«Горячія одобренія» . . . «Апплодисменты» . . .

Слѣдуетъ-ли къ этимъ сообщеніямъ отчетовъ прибавлять какіе бы то ни было комментаріи? Воистину, *монархическій духъ* не былъ еще слишкомъ слабымъ въ Германіи 1910-го года.!

Точь въ точь какъ его предки, Вильгельмъ II очень любитъ опираться на Бога. Прусскіе короли, Германскіе императоры и Господь Богъ — самые лучшіе друзья. Всевышній для нихъ не просто Богъ, какимъ онъ является для всѣхъ христіанъ, а «*старый нѣмецкій Богъ*». Въ этомъ его особомъ качествѣ у Бога имѣются совершенно особенныя обязанности въ отношеніи нѣмецкаго народа. Онъ долженъ вѣрою и правдою служить нѣмецкимъ цѣлямъ. Въ теченіе всей великой войны, напримѣръ, онъ неизмѣнно являлся «союзникомъ въ небѣ»

нѣмцевъ. Всѣ рѣчи и заявленія германскаго императора въ этотъ періодъ неизмѣнно заканчивались благочестивыми обращеніями къ этому «Союзнику». Моральныя существа — мы уже отмѣчали это — пріучены быть очень *религіозными.*

Чтобы быть еще болѣе типичнымъ въ качествѣ Гогенцоллерна, нѣмца и консерватора, Вильгельмъ II обнаруживаетъ большой вкусъ къ патріархальности. — То онъ упрекаетъ свой народъ за проникшій въ него «духъ неповиновенія», то онъ распространяется о своемъ «сердцѣ отца народа». Онъ глубочайшимъ образомъ убѣжденъ, что *именно онъ, и онъ одинъ, долженъ вести Германію по пути осуществленія высшихъ ея цѣлей, тогда какъ всѣ его подданные обязаны лишь безпрекословно слѣдовать* за нимъ. — Его министры суть для него не болѣе какъ его личные слуги, которыхъ онъ охотнѣе всего выбираетъ среди людей безличныхъ. — Въ первомъ же крупномъ конфликтѣ между правительствомъ и консерваторами Вильгельмъ II занялъ свою собственную позицію и заявилъ, что онъ считаетъ оппозицію Правыхъ направленною не противъ его министровъ, а противъ его самого, носителя короны и противъ ... «его отеческихъ заботъ». — Когда во время одной рѣчи въ рейхстагѣ имперскій канцлеръ Бернгардъ фон-Бюловъ упалъ въ обморокѣ, императоръ выразилъ Высочайшее желаніе видѣть «своего Бернгарда». — «Мой Бернгардъ» ... Можно-ли яснѣе выразить то, чѣмъ былъ для этого властителя глава его же собственнаго правительства? «Моимъ Бернгардомъ» сказано все.

«Я», — «мои желанія», — «мои предначертанія», — «моя воля», — для Вильгельма II все это высшіе критеріи Справедливости и Блага. Критеріи эти тѣмъ болѣе непогрѣшимы, что «Я» совпадаетъ для него съ понятіемъ: «мой Домъ»; личная его воля — съ волей всѣхъ его предковъ. Иначе говоря, въ качествѣ короля и императора онъ всегда и во всемъ выступаетъ какъ боговдохновленный носитель вѣковой правительственной мудрости Гогенцоллерновъ.

Что же можетъ стоить по сравненію съ этой мудростью королей-*отцовъ* разумъ *дѣтей*, т. е. всего нѣмецкаго народа? — Дѣти не всегда даже въ состояніи понять толкомъ намѣренія своего отца, такъ что ему же приходится временами ставить имъ это на видъ. — «Мнѣ кажется — наставительно заявилъ

онъ предъ однимъ благоговѣйно внимавшимъ собраніемъ, — что вамъ, господа, нелегко будетъ уяснить себѣ дорогу, *которою я слѣдую* и которую *я себѣ намѣтилъ,* чтобы она вела *къ моимъ цѣлямъ* и ко всеобщему счастію.»

Вильгельмъ II не упускаетъ изъ виду существованія конституціи, въ силу которой пруссаки съ давнихъ поръ перестали быть несовершеннолѣтними; но онъ увѣренъ, что конституція эта «лишь ограничиваетъ», а отнюдь не «отмѣняетъ» его наслѣдственное право направлять политику и правительство Пруссіи «согласно его планамъ». Отсюда его твердое желаніе, чтобы «на этотъ счетъ въ Пруссіи не было никакихъ сомнѣній».

Впрочемъ, за нѣкоторыми немногими исключеніями послѣдній Гогенцоллернъ въ теченіе всего своего царствованія оставался вполнѣ лойальнымъ въ отношеніи конституцій прусской и имперской. Если же ему было одинаково легко выступать и въ роли конституціоннаго правителя и въ роли патріархальнаго отца отечества, то въ этомъ вина самихъ конституцій, а не его лично. Напротивъ, было бы болѣе чѣмъ странно, если бы такой законченный Гогенцоллернъ, какъ Вильгельмъ II, и глава такого монархичнаго по духу народа, какимъ былъ до революціи нѣмецкій народъ, стремился бы во что бы то ни стало извлечь изъ «октроированныхъ» (дарованныхъ) конституціонныхъ актовъ всѣ ихъ демократическіе выводы.

Въ полномъ согласіи со своимъ преимущественно моральнымъ характеромъ и со своею преданностью традиціи, онъ неизмѣнно проявлялъ себя подлиннымъ *консерваторомъ,* который душою и сердцемъ связанъ съ наиболѣе убежденными противниками всякаго прогресса политическихъ формъ. Въ парламентѣ онъ опирается на «католическій центръ», на крупныхъ промышленниковъ, на аграріевъ, на элементы умѣренные и болѣе чѣмъ умѣренные. Тѣмъ, кто недоволенъ существующимъ режимомъ, онъ предлагаетъ покинуть предѣлы Германіи. Соціалисты представляются ему преступными революціонерами, разрушителями государства. Это ихъ имѣетъ онъ въ виду, когда заклинаетъ нѣмецкихъ студентовъ сохранить идеализмъ въ качествѣ противоядія противъ зловреднаго духа, охватывающаго страну. Онъ ведетъ противъ соціалистовъ открытую и настойчивую борьбу. Однако, развѣ онъ не располагаетъ въ этой

своей борьбѣ сочувствіемъ широкихъ общественныхъ круговъ? Когда на выборахъ въ Рейхстагъ 1907 года соціалисты потерпѣли пораженіе, развѣ не было въ Берлинѣ импозантныхъ патріотическихъ манифестацій передъ дворцами императора и канцлера?

Наконецъ, — и это вполнѣ послѣдовательно, — Вильгельмъ II насколько могъ всегда держалъ сторону нѣмецкой знати. Сколько разъ, — въ особенности за первый періодъ великой войны, онъ призывалъ нѣмцевъ сплотиться «вокругъ ихъ князей». Въ 1888 году, совсѣмъ еще юнымъ, онъ заявилъ: — «Для выполненія великихъ обязанностей, которыя лежатъ на мнѣ въ отношеніи моего народа, я не могу пользоваться помощью однихъ только органовъ государства. Чтобы поднять моральный и религіозный уровень, чтобы укрѣпить и развить силы націи мнѣ нужна помощь наиболѣе благородныхъ среди нея, то есть помощь «*моей знати*». Да, несомнѣнно, про нѣмецкую знать Вильгельмъ болѣе чѣмъ про кого-либо могъ сказать, что она «его»; но не потому-ли это, что и она въ свою очередь имѣла полное право считать его «своимъ Вильгельмомъ».

Отъ вкусовъ и склонностей аристрократическихъ до вкусовъ военныхъ, милитаристическихъ — всего лишь одинъ шагъ. И кто же не знаетъ въ наши дни, какимъ убѣжденнымъ милитаристомъ являлся послѣдній изъ германскихъ императоровъ? — Онъ, не колеблясь, повторялъ то и дѣло, что «армія была и остается единственной опорой имперіи». — Онъ очень любилъ напоминать друзьямъ и врагамъ о «блистающемъ нѣмецкомъ мечѣ». — Международный миръ въ итогѣ кровопролитной войны ему хотѣлось продиктовать «штыками своихъ солдатъ» и подписать «на барабанѣ». Именно мечъ, штыки и барабанъ должны были, въ его представленіи, обезпечить Германіи уваженіе остальныхъ странъ. — Отправляя войска въ Китай для усмиренія китайскихъ боксеровъ, Вильгельмъ II приказывалъ имъ: — «Знайте: никакой пощады никому; никакихъ плѣнныхъ. Пользуйтесь такъ вашимъ оружіемъ, чтобы въ теченіе тысячелѣтій ни одинъ китаецъ не осмѣлился косо взглянуть на нѣмца». Бѣдные китайцы, скажете вы. Но въ китайцахъ-ли тутъ дѣло? — Если бы такъ же, какъ съ ними, можно было распорядиться со всѣми остальными народами, развѣ отказался бы Вильгельмъ II и ко всѣмъ имъ при-

мѣнить вышеприведенный приказъ? Безъ малѣйшаго риска погрѣшить противъ истины можно утверждать, что милитаризмъ съ его характернымъ культомъ силы, хитрости, и жестокости, съ его героизмомъ и его страстями представлялся послѣднему Гогенцоллерну одной изъ высшихъ самоцѣлей. Но еще гораздо неоспоримѣе то, что онъ почитался имъ за совершенно необходимое средство для экономическаго и политическаго покоренія міра Германіей, т. е. для осуществленія ею ея имперіалистическихъ цѣлей или, если угодно, — для «выполненія ею своего историческаго назначенія».

Здѣсь, однако, я хотѣлъ бы оставить уже въ покоѣ послѣдняго короля, императора и отца пруссаковъ и нѣмцевъ и обратиться непосредственно къ самимъ нѣмцамъ.

Для нихъ, въ качествѣ націи, пристрастіе къ національзму, имперіализму и милитаризму было до революціи столь же характерно, что и для Вильгельма II. Объ этомъ много говорилось и писалось въ послѣдніе годы.

Въ свое время знаменитый Гегель объявлялъ войны необходимыми для сохраненія «моральнаго здоровья» націй. Ницше радостно пугалъ соотечественниковъ эффектными фразами о томъ, что «война и храбрость произвели болѣе великаго, чѣмъ любовь къ ближнему». Онъ былъ въ восторгѣ отъ обязательной воинской повинности и «отъ настоящихъ войнъ, въ которыхъ не до шутокъ». — «Я радуюсь — восклицалъ онъ — военному развитію Европы. Въ каждомъ изъ насъ сказано варвару «да», также и дикому звѣрю». Наиболѣе вліятельные и наиболѣе *національные* нѣмецкіе историки, Моммзенъ и Трейчке, поучали, что націи, менѣе способныя къ цивилизаціи, должны быть «искоренены» болѣе способными, что наша эпоха есть эпоха войнъ и торжества сильнаго надъ слабымъ и что идея вѣчнаго мира противунравственна.

Согласно Фихте, нѣмцы являютъ собой das Ich unter den Nationen, «Я среди народовъ». Тотъ, кто знаетъ основныя черты метафизической системы этого великаго нѣмецкаго философа и патріота, долженъ знать также и то, какой большой комплиментъ по адресу своихъ соотечественниковъ сдѣлалъ имъ въ этомъ его опредѣленіи. — Мысль того же Фихте, согласно которой «никто не спасетъ міровую цивилизацію, если ужъ ее не спасетъ нѣмецъ», сразу нашла себѣ въ нѣмецкихъ сердцахъ

благодатную почву. Во всякую позднѣйшую эпоху она появлялась вновь и вновь въ рѣчахъ и писаніяхъ безчисленныхъ нѣмецкихъ философовъ, ученыхъ, журналистовъ, политиковъ, генераловъ и пасторовъ.

— «Кто знаетъ — озабоченно раздумывалъ І. Л. Реймеръ, — не предназначены-ли мы, нѣмцы, быть тѣмъ возмездіемъ, которое исправитъ и излѣчитъ всѣхъ, наклонныхъ къ вырожденію» (т. е. французовъ, испанцевъ, португальцевъ, турокъ и славянъ)? Тонъ другихъ нѣмецкихъ патріотовъ болѣе категориченъ. Послушать ихъ всѣхъ, такъ нѣмцы это «соль земли»; на нихъ выпала прямая обязанность путемъ насилія исцѣлить отъ «порчи» весь остальной міръ. Это означаетъ, что нѣмецкая нація имѣетъ совершенно особенную *историческую миссію,* чрезвычайно высокую и чрезвычайно благородную. Для генерала Бернгарди нѣмецкая историческая миссія заключается въ укрѣпленіи ядра, вокругъ котораго сгруппировались бы всѣ разрозненныя части германской расы, — въ расширеніи сферы германскаго вліянія, — въ пріобрѣтеніи нѣмцами «господствующаго положенія» среди другихъ народовъ, — въ ихъ окончательномъ тріумфѣ надъ всѣми другими народами, какъ надъ «варварскими, революціонными и матеріалистическими».

И вотъ случилось то, что должно было случиться: — Утрированный національзмъ послѣ ряда естественныхъ превращеній, завершился въ имперіализмѣ притязательномъ и шумномъ. «Наиболѣе великая Германія», о которой мечтали сотни безудержныхъ пангерманистовъ типа профессора Оствальда, должна была въ идеалѣ обнимать: нѣмецкую часть расчлененной Австріи, отторгнутыя отъ Россіи бывшія прибалтійскія провинціи, Голландію, фламандскую часть Бельгіи, великое герцогство Люксембургское, нѣмецкія кантоны Швейцаріи, Лотарингію и Шампань съ городами Нанси и Лиллемъ. Помимо вышеперечисленныхъ частей новой Германіи, подлежавшихъ *аннексированію* старой Германіей, проектъ пангерманистовъ предусматривалъ присоединеніе къ имперіи на конфедеративныхъ началахъ трехъ скандинавскихъ странъ. Далѣе, шелъ чередъ негерманскихъ странъ. Съ этими послѣдними предполагалось не церемониться, а прямо и просто колонизировать ихъ. Напримѣръ, какъ не сдѣлать Тріестъ съ его портомъ ключемъ для будущаго германскаго владычества на Средиземномъ

морѣ? Съ другой стороны, широкій восточный путь долженъ былъ быть проложенъ чрезъ Новобазарскій Санджакъ и Салоники для обезпеченія германскаго тріумфа въ Турціи и въ Персіи. Само собой разумѣется, что вновь создавшейся обширной и могучей центральной Европѣ понадобились бы соотвѣтствующія заморскія владѣнія; о нихъ также можно было бы прочесть немало поучительнаго въ писаніяхъ крайнихъ пангерманистовъ, — хотя бы типа Рорбаха.

Превосходно. За предѣлами Германіи обычно утверждаютъ, что нѣмцы строили всѣ свои безчисленные проекты мірового владычества, обуреваемые исключительно своимъ безудержнымъ націонализмомъ и кровожаднымъ милитаризмомъ. Я съ этимъ не согласенъ и снова охотно повторю здѣсь то, что высказывалъ уже выше: — они дѣлали это въ угоду абсолютнымъ этическимъ велѣніямъ, *повинуясь ясно осознанному моральному долгу.*

О, да: —

Нѣмцы слишкомъ хорошіе философы, чтобы не понимать, что если монархія не имѣетъ чисто *моральнаго* оправданія, то она не имѣетъ вовсе никакого оправданія. Слѣдовательно, если они довольствовались все же для своего соціальнаго обихода формами почти абсолютной монархіи, то это всецѣло потому, что они усматривали въ ней *наиболѣе моральную форму власти.*

Нѣмцы слишкомъ любили всегда прогрессъ, слишкомъ были захвачены потокомъ прогресса во всѣхъ областяхъ, чтобы не замѣтить разительнаго несоотвѣтствія между требованіями политическаго прогресса и своимъ вкусомъ къ консерватизму и патріархальности. Слѣдовательно, если они все-же упорно стремились осуществлять всякій прогрессъ въ рамкахъ отжившихъ политическихъ формъ, то это — очевидно — по той главнѣйшей причинѣ, что въ старыхъ политическихъ формахъ и въ старыхъ традиціяхъ они находили отраженіе своего моральнаго облика, весьма дорогого для нихъ.

Наконецъ, нѣмцы всегда были достаточно экономными и благоразумными, чтобы не видѣть, насколько расточителенъ всякій милитаризмъ и насколько опасенъ и рискованъ всякій имперіализмъ. Значитъ, ихъ имперіализмъ и ихъ милитаризмъ навсегда остались бы необъяснимыми для того, кто упускаетъ

изъ виду врожденный *моральный смыслъ*, двигающій волею нѣмецкихъ людей вопреки всякой экономіи и всякому благоразумію.

Не только въ области политическихъ дѣлъ, но и во всѣхъ вообще областяхъ жизни и дѣятельности *долгъ*, испытываемый какъ долгъ моральный, являлся для нѣмцевъ до революціи главной движущей силой. Лучшее доказательство тому заключается въ томъ неоспоримомъ фактѣ, что все, что бы нѣмцы ни дѣлали, они стремились дѣлать съ предѣльнымъ совершенствомъ, въ качествѣ безусловныхъ мастеровъ. И дѣйствительно, странно было бы отрицать, что въ очень многихъ отрасляхъ имъ удалось достичь абсолютнаго мастерства и остаться внѣ конкуренціи другихъ народовъ. Достаточно вспомнить объ ихъ техникѣ, ихъ наукѣ, ихъ философіи, ихъ искусствѣ, объ организаціи ихъ промышленности и торговли, объ ихъ администраціи, желѣзныхъ дорогахъ, объ ихъ арміи и ихъ шпіонажѣ. Чѣмъ же инымъ, какъ не *моралью*, доминирующею въ нѣмецкой душѣ надъ всѣми другими соціально-этическими двигателями, можно удовлетворительно объяснить силу, энергію, активность и достиженія новѣйшей предреволюціонной Германіи? А вмѣстѣ съ тѣмъ, *не была-ли это сама Мораль, — такая, какой мы ее описали выше съ чисто соціологической точки зрѣнія — что въ 1914-мъ году захотѣла воспользоваться, услугами могучаго нѣмецкаго народа и сдѣлаться господствующей движущей силой въ жизни каждой изъ странъ и важнѣйшимъ базисомъ консервативнаго соціальнаго режима всего міра?*

Вотъ гдѣ, повидимому, заключенъ наиболѣе глубокій смыслъ идеи «національной германской миссіи»; и, во всякомъ случаѣ, — вотъ въ чемъ слѣдуетъ искать наиболѣе сокровенную причину міровой войны, начатой нѣмцами. Только въ свѣтѣ теоріи міровой политики можно, стало быть, впервые понять и смыслъ этой затрепанной въ газетныхъ фельетонахъ идеи и эту все еще неясную причину.

Съ пораженіемъ и разложеніемъ германской имперіи Гогенцоллерновъ значительная доля рессурсовъ потенціальнаго мірового консерватизма оказалась навсегда утраченной для человѣчества. Тѣмъ самымъ *Право и Политика, въ качествѣ двухъ изъ трехъ соціально-этическихъ регуляторовъ одержали побѣду мірового масштаба надъ третьимъ, — надъ Моралью.*

Таковъ въ конечномъ итогѣ наиболѣе общій историческій смыслъ грандіозныхъ событій, завершившихся частично въ 1918-мъ году.

Итакъ, еще разъ: — борясь противъ имперіализма Германіи, Союзныя и Дружественныя Державы безсознательно боролись противъ генія мірового консерватизма и міровой морали.

Спрашивается: какимъ образомъ эта ихъ борьба противъ Морали можетъ быть хоть сколько-нибудь оправдана съ двойной точки зрѣнія: этической и соціологической?

Отвѣтъ — ясенъ:

Нами уже многократно отмѣчалось, что Мораль является лишь одною изъ трехъ этическихъ силъ, направляющихъ соціальную жизнь людей, но отнюдь не единственною такою силою. Всякій разъ, какъ она пытается дѣйствовать за счетъ двухъ остальныхъ, она попадаетъ въ противорѣчіе со своимъ собственнымъ назначеніемъ и вмѣсто того, чтобы *служить* абсолютной справедливости, *причиняетъ ей серъезный ущербъ.* На примѣрѣ Германіи это видно съ полной отчетливостью. Ея «историческая миссія» представлялась ей безконечно высокой, а ея моральныя побужденія безконечно благородными и чистыми. Поэтому она легко могла дойти до мысли, что все, облегчающее ей выполненіе ея задачъ, хорошо; а все, препятствующее ему, дурно и недопустимо. При всемъ своемъ добромъ желаніи она не была бы въ состояніи выполнить свою миссію сколько-нибудь удачно безъ посредства насилія *обманновъ* превращенія всѣхъ нѣмцевъ въ солдатъ-автоматовъ. Ну, значитъ, все это позволено, необходимо, а въ послѣднемъ счетѣ — и морально. Значитъ, нечего бояться открыто провозгласить Faustrecht («право кулака»); нечего уклоняться отъ признанія началъ неравенства и господства за основы международнаго права. Напротивъ. Нужно дѣлать все возможное, чтобы свести на нѣтъ мирныя Гаагскія конференціи. Международные договоры не мѣшаетъ провозглашать при случаѣ простыми клочками бумаги. А главное всегда слѣдуетъ быть готовыми къ защитѣ и нападенію.

Практическіе результаты подобныхъ разсужденій извѣстны: въ теченіе долгихъ лѣтъ Германія методически подго-

товлялась къ войнамъ, изобрѣтая самыя страшныя, но зато и самыя дѣйствительныя средства вредить врагу.

Такъ какъ врагу болѣе всего можно вредить, владѣя ключами къ его тайнамъ, то она постаралась до небывалаго виртуозничества довести свой шпіонажъ.

Во время войны — стоитъ-ли напоминать — нѣмцы обращались со своими союзниками, какъ съ вассалами и слугами; совершали ужасныя жестокости по отношенію къ военноплѣннымъ; обрекали на смерть сотни тысячъ своихъ собственныхъ солдатъ въ угоду успѣхамъ мгновеннымъ и незначительнымъ.

Для того, чтобы представить себѣ, чѣмъ была бы въ отношеніи всѣхъ своихъ побѣжденныхъ враговъ Германія-побѣдительница, достаточно вспомнить пресловутый Брестъ-Литовскій миръ, разбившій Россію на куски, отрубившій отъ нея важнѣйшія ея конечности и обрекавшій ее на рабство экономическое и политическое.

А какое было бы настроеніе умовъ у самихъ нѣмцевъ-побѣдителей? Почитайте такія книжки, какъ книжка Герцога, посвященная торговой германской программѣ послѣ побѣды, и вамъ станетъ это совершенно яснымъ. Послѣ побѣды въ міровой войнѣ Герцогъ предусматривалъ для своего отечества не успокоеніе на добытыхъ лаврахъ, не мирное экономическое и культурное строительство, а сплошную коммерческую войну его противъ всего міра, которую предстояло вести по всѣмъ правиламъ особаго военнаго искусства. Большинство лицъ, работающихъ въ области промышленности должно было быть включено въ спеціальную «государственную организацію, подобную организаціи арміи». — «Будущіе торговые трактаты должны бы были быть написаны кровью и носить на себѣ печать нѣмецкаго могущества и нѣмецкой справедливости».

Что же удивительнаго при такихъ условіяхъ, что столько государствъ выступили противъ Германіи? Преимущества политическаго режима, который она намѣревалась предписать человѣчеству, всѣмъ представлялись одинаково сомнительными; никто не жаждалъ ихъ. Напротивъ, опасность міроваго германскаго владычества бросалась каждому въ глаза и была страшна. И пусть здѣсь проявлялась *всемірная борьба противъ возможнаго самоутвержденія Морали въ международныхъ от-*

ношеніяхъ, борьба народовъ противъ Германіи Вильгельма II являлась естественной и неизбѣжной: современное человѣчество уже неспособно повѣрить, что regis voluntas suprema lex esto.

III.

Обратимся теперь непосредственно къ *міровой политикѣ.*

Для нея наиболѣе интересное и существенное въ Германіи — какъ мы ее описали, — это прежде всего ея имперіализмъ, затѣмъ ея роль консерватора въ партійной борьбѣ народовъ и, наконецъ, ея усилія разрѣшить международную проблему по преимуществу въ плоскости Морали. Иначе говоря, изученіе предреволюціонной Германіи въ свѣтѣ понятій міровой политики очень помогло бы намъ уяснить одновременно и то, въ чемъ заключается истинное существо *имперіализма,* — и то, чего имперіализмъ требуетъ отъ народовъ въ качествѣ программы *міроваго консерватизма,* — и то, чѣмъ является *Мораль* въ современной международной жизни и что можетъ ожидать ее потомъ въ качествѣ основы будущихъ международныхъ отношеній.

Начнемъ съ имперіализма.

Какъ терминъ, терминъ имперіализма — одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ въ современномъ политическомъ языкѣ. Какъ понятіе, это — одно изъ самыхъ спутанныхъ и безсодержательныхъ политическихъ понятій.

Для однихъ, имперіалистической является политика всѣхъ великихъ державъ; поэтому позволительно говорить о шести, семи или восьми имперіализмахъ. Для другихъ, даже быть великой державой не значитъ непремѣнно вести имперіалистическую политику; это — удѣлъ не болѣе, чѣмъ двухъ или трехъ самыхъ мощныхъ и самыхъ честолюбивыхъ изъ великихъ державъ. Третьи, напротивъ, склонны чрезмѣрно расширять число имперіалистическихъ государствъ, такъ что въ концѣ концовъ таковыми оказываются рѣшительно всѣ государства. Говорится, напримѣръ, о румынскомъ, сербскомъ и греческомъ имперіализмѣ.

Сокращеніе или расширеніе числа имперіалистическихъ государствъ всецѣло зависитъ отъ того, *что берется за отличительные признаки имперіализма.* Рядъ авторовъ полагаетъ,

что вести имперіалистическую политику могутъ лишь страны богатыя, обширныя, сильныя, имѣющія большое экономическое вліяніе на другія страны, и высококультурныя. Эти авторы, естественно, сокращаютъ въ своемъ представленіи количество имперіалистическихъ государствъ до предѣльнаго минимума. Другіе авторы, напротивъ, открываютъ проявленія имперіализма въ любыхъ усиліяхъ любыхъ государствъ, направленныхъ на самоусиленіе и саморасширеніе. А такъ какъ въ мірѣ едва-ли найдется хоть одно государство, которое не стремилось бы увеличить свои государственно-политическіе рессурсы, то выходитъ, что вовсе не можетъ существовать какихъ-либо неимперіалистическихъ государствъ.

Весьма по разному оцѣнивается и относительное значеніе различныхъ элементовъ имперіализма. Многіе любятъ попросту отождествлять имперіализмъ съ обладаніемъ колоніями. Соціалисты, какъ Каутскій, усматриваютъ сущность имперіализма въ стремленіи промышленныхъ капиталистическихъ государствъ «подчинить себѣ и включить въ свой составъ аграрныя области, независимо отъ національнаго состава ихъ населенія». Очень многіе выдвигаютъ на первый планъ экономическую сторону явленія. Имперіализмъ является для нихъ экономическимъ явленіемъ по своему происхожденію, по цѣлямъ, по средствамъ и по методамъ. Современная имперіалистическая политика тяготѣетъ болѣе къ экономическому завоеванію міра, чѣмъ къ завоеваніямъ политическимъ. Послѣднія приходятъ лишь какъ логическій результатъ перваго. Есть, однако, весьма авторитетные экономисты (изъ нихъ первый Шульце-Геверницъ), которые при анализѣ имперіализма экономическій моментъ подчиняютъ моменту психологическому. Съ ихъ точки зрѣнія, имперіализмъ есть прежде всего вѣра, подвигающая на героическія жертвы. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ культурнымъ устремленіямъ (Kulturbestrebungen), которыя дѣлаютъ націи великими. Предъ лицомъ этихъ устремленій политико-экономическія требованія могутъ оставаться неудовлетворенными или перестраиваться поновому. Главное, это — національная организація, воплощающая высшую культурную цѣнность.

Лично я предпочитаю говорить не столько объ имперіалистическихъ государствахъ, сколько объ *имперіалистической*

политикъ. А объ этой послѣдней слѣдуетъ, на мой взглядъ, говорить лишь въ томъ случаѣ, если ее возможно отчетливо отграничить отъ нѣкоторыхъ другихъ типовъ внѣшней политики государствъ. Но для того, чтобы империалистическую политику можно было отдѣлить отъ всякой неимпериалистической, на лицо должны быть три основныхъ условія:

1. Она должна обладать особыми политическими рессурсами.
2. Она должна преслѣдовать особыя политическія тенденціи.
3. Она должна примѣнять специфическіе средства и методы.

Только тѣ страны, политика которыхъ удовлетворяетъ всѣмъ тремъ перечисленнымъ условіямъ, могутъ по праву называться странами империалистическими; и никакія другія. А слѣдовательно, *все существо проблемы империализма сводится къ тому, чтобы узнать, какіе политическіе рессурсы, тенденціи и методы должны быть выдѣлены изъ всѣхъ остальныхъ, какъ такіе, что въ своей совокупности образуютъ совершенно особый типъ государственной политики: империализмъ.*

Что касается политическихъ *рессурсовъ*, то империалистическое государство должно обладать всѣми тѣми, которыми обладаютъ наиболѣе великія изъ современныхъ государствъ. Съ принудительной необходимостью оно должно быть очень обширнымъ и изобиловать всѣмъ, что требуется для процвѣтанія земледѣлія и главнѣйшихъ отраслей промышленности. Его промышленность должна быть развита настолько высоко, чтобы оно оказалось вынужденнымъ завоевывать иностранные рынки для своихъ товаровъ и пріобрѣтать громадныя заморскія колоніи, дабы обезпечивать себя сырьемъ и предметами питанія. Равнымъ образомъ и его торговля и его финансы должны находиться въ цвѣтущемъ состояніи, а общая его культура и цивилизація должны стоять на предѣльной для современности высотѣ и быстро двигаться по пути развитія все впередъ и впередъ. Политическій режимъ въ империалистическомъ государствѣ не можетъ не проявлять себя устойчивымъ и съ успѣхомъ удовлетворяющимъ основныя національныя нужды. Нельзя, конечно, требовать, чтобы онъ совершенно исключалъ всякое различіе политическихъ взглядовъ и политическихъ программъ. Тѣмъ не менѣе, различія эти не нарушаютъ сколько-нибудь замѣтно единства національныхъ вож-

деленій. Наиболѣе полное національное единство царитъ обычно въ тѣхъ странахъ, гдѣ населеніе связано общностью происхожденія, обычаевъ, нравовъ и культурныхъ традицій. Отсюда слѣдуетъ, что имперіалистическое государство есть непремѣнно *національное государство*, въ которомъ національное чувство гражданъ — національзмъ — представляетъ собой одну изъ характернѣйшихъ сторонъ ихъ духовнаго облика.

Обращаемся къ *тенденціямъ* имперіалистической политики.

Въ нихъ наиболѣе достопримѣчательною мнѣ представляется ихъ двойственность: *неизмѣнно оставаясь глубочайшимъ образомъ національными, онѣ въ тоже самое время непремѣнно сверхъ-національны, т. е. интернаціональны.*

Этимъ я хочу сказать слѣдующее: — всякое неимперіалистическое государство, какой бы минимальной ни была его національная притязательность, всегда въ основѣ своихъ устремленій узко эгоистично, націоналистично. Напротивъ, вопреки всему своему ненасытному національзму, имперіалистическія государства во всякую эпоху выступаютъ носителями стремленій къ международному прогрессу, т. е. силами общечеловѣческаго объединенія. И во всякомъ случаѣ, среди всѣхъ мыслимыхъ разновидностей національзма — какъ разъ національзмъ имперіалистическаго государства точнѣе всего отражается въ его международной и міровой программѣ и остается совершенно непонятнымъ внѣ этой программы.

Такимъ образомъ, *имперіалистическое государство есть такое государство, которое сознательно стремится разрѣшить международную проблему одними только своими силами, какъ спеціально предназначенное* для этой исторической миссіи.

Мнѣ могутъ возразить, что въ извѣстной степени всякое государство, сколько-нибудь значительное, стремится разрѣшить международную проблему.

Совершенно справедливо. Но именно поэтому-то мы и считаемъ, что «имперіалистическія» тенденціи не представляются единственнымъ признакомъ имперіализма. Передъ этимъ мы уже указали другой его признакъ: — исключительно великіе государственные рессурсы имперіалистическихъ державъ,

благодаря которымъ онѣ не только *хотятъ* по своему организовать человѣчество, но и *могутъ* при случаѣ сдѣлать это.

Теперь же намъ остается увидѣть третій и послѣдній отличительный признакъ имперіализма: — особый характеръ его средствъ и методовъ. Иначе намъ могли бы указать на такія великія современныя страны, которыя и хотѣли и могли разрѣшать по своему международную проблему (проблему политическаго объединенія всего человѣчества въ одно цѣлое), но которыя именно въ этотъ моментъ являлись наименѣе имперіалистическими среди всѣхъ.

Зато стоитъ только къ особой силѣ и особой волѣ имперіалистическаго государства прибавить признакъ его специфическихъ способовъ дѣйствія и методовъ, какъ имперіализмъ выступитъ предъ нами съ полной отчетливостью.

Каковы же способы дѣйствія и методы имперіализма?

Мы уже говорили о нихъ. Это: — насильственное навязываніе одной націей всѣмъ остальнымъ своей единоличной воли, подчиненіе ею себѣ нѣкоторыхъ странъ съ помощью прямого и открытаго принужденія, религія силы и неравенства, милитаризмъ; и въ особенности войны, войны, войны...

Такимъ образомъ, формула имперіализма, наиболѣе краткая и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе правильная, можетъ быть дана въ слѣдующихъ словахъ: это *политическая программа великаго народа, который, обладая максимальными государственными рессурсами, считаетъ себя предназначеннымъ за свой страхъ разрѣшить международную проблему методами принужденія и войнъ.*

Послѣ всего того, что мы знаемъ теперь относительно имперіализма, мы въ правѣ усматривать въ немъ адэкватное выраженіе *программы мірового консерватизма.* Вотъ почему, при желаніи, можно подмѣнить термины и вмѣсто того, чтобы спрашивать объ условіяхъ, необходимыхъ всякому имперіализму для осуществленія поставленныхъ имъ себѣ задачъ, можно спросить *объ условіяхъ, при которыхъ консервативная мировая программа оправдала бы себя съ двойной точки зрѣнія исторической и этической.*

Не будемъ повторять того, что уже нами излагалось однажды и что имѣло непосредственное отношеніе ко всякому вообще

консерватизму. Скажемъ коротко: для торжества мірового консерватизма нужно чтобы осущественіе его задачъ было поручено своего рода новой Германіи, но только еще во много разъ болѣе сильной, богатой, великой, культурной, націоналистичной, милитаристичной, традиціоналистской, религіозной, моральной, притязательной и заносчивой, чѣмъ такою была недавняя Германія Вильгельма II. Необходимо, далѣе, чтобы всѣ остальныя страны не были ни сильны, ни богаты, ни культурны, чтобы онѣ совершенно не имѣли національнаго самолюбія и въ рѣшительный моментъ новой міровой войны отказались бы отъ всякой самозащиты, предпочтя ей долгіе періоды порабощенія или подчиненія.

Если гдѣ- нибудь на свѣтѣ существуетъ такой ультра-великій «избранный народъ», пусть онъ дерзаетъ. Если, съ другой стороны, всѣ остальные народы вмѣстѣ, дѣйствительно, ровно ничего не стоятъ по сравненію съ нимъ, пусть они и не думаютъ ни о какомъ сопротивленіи, а подчиняются безпрекословно: такъ будетъ несравнимо лучше для всѣхъ.

По счастію, дѣйствительное положеніе вещей совсѣмъ иное сейчасъ.

Сейчасъ, послѣ военнаго пораженія Германіи въ концѣ 1918 года, не только не найти государства въ десять разъ болѣе имперіалистичнаго, чѣмъ она была еще недавно, но даже не найти и мало-мальски похожаго на нее по силамъ и устремленіямъ. Кое-кто, быть можетъ, и не прочь былъ бы взять съ нее примѣръ, да нѣтъ достаточныхъ данныхъ. У другихъ, быть можетъ, нашлись бы и нужные рессурсы, да нѣтъ желанія дерзать и рисковать. А главное, ни при какихъ обстоятельствахъ общая семья народовъ не согласилась бы проявлять себя безпомощной и безотвѣтной предъ лицомъ новой Германской имперіи новаго В и л ь г е л ь м а II.

И все же предположимъ на мгновеніе, что эта новая Германія неожиданно создалась гдѣ-то въ Европѣ, въ Америкѣ или въ Азіи и что она рѣшила навязать свою программу всемірной организаціи всѣмъ остальнымъ народамъ. Если бы ей это удалось, то — несомнѣнно — при томъ только главнѣйшемъ условіи, что основнымъ этическимъ двигателемъ ея была бы *Мораль* со всѣмъ, что съ нею связано. Успѣхъ ея самъ собой открылъ бы широкій путь къ тому, чтобы вся послѣдующая международная

жизнь начала развертываться преимущественно подъ знакомъ моральныхъ импульсовъ.

Но тогда возникаетъ вопросъ: — краток̆ъ этотъ путь или дологъ? — Легокъ или труденъ? Или — иначе: достаточно-ли было бы полной побѣды одного имперіалистическаго государства надъ всѣми остальными для того, чтобы въ будущемъ вся жизнь человѣчества управлялась преимущественно съ помощью моральныхъ силъ и нормъ абсолютныхъ, или же для этого понадобилось бы предварительно выполнить рядъ какихъ-то другихъ условій?

Таковъ послѣдній изъ вопросовъ, связанныхъ съ этико-соціологической критикой имперіализма.

На мой взглядъ, отвѣтъ на него долженъ быть безъ колебаній данъ въ смыслѣ второй альтернативы. *Міровое господство нѣкоего великаго «моральнаго» государства не сдѣлало бы тотчасъ же моральными всѣ вообще отношенія между государствами.* Для того, чтобы вся совокупность бывшихъ независимыхъ государствъ оказалась въ состояніи подчиняться прежде всего моральнымъ двигателямъ (въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу и къ общему поработителю), ей понадобилось бы прожить длинный историческій періодъ, въ теченіе котораго все безъ исключенія благопріятствовало бы развитію и укрѣпленію *международнаго моральнаго смысла.* Понадобилось бы также, чтобы всѣ народы выработали въ себѣ одинаковую религіозную концепцію государственной власти, чтобы въ ихъ средѣ ярко сталъ проявлять себя духъ пассивнаго повиновенія, чтобы этотъ духъ повиновенія постепенно трансформировался въ прочную священную традицію.

И это далеко еще не все.

Было бы совершенно необходимо, чтобы новое положеніе вещей начало постепенно восприниматься, какъ одинаково выгодное для всѣхъ и чтобы подъ водительствомъ — *отнынѣ отеческимъ* — «избраннаго парода» всѣ остальные народы сдѣлались бы болѣе или менѣе богатыми, счастливыми и быстро двигались бы по пути культурнаго прогресса. — Въ заключеніе они правильно и ко всеобщей радости подѣлили бы между собою культурный и производительный трудъ, такъ что одни стали бы почти исключительно земледѣльческими наро-

дами, другіе — промышленными, третьи — торговыми, четвертые и пятые — націями правителей, ученыхъ, артистовъ.....

Однако, довольно... Началась уже область фантазіи.

Отъ насъ требовалось лишь указать наиболѣе общимъ образомъ, что для торжества консервативной программы и моральнаго начала въ международныхъ отношеніяхъ (за счетъ началъ правового и политическаго) необходимо наличіе цѣлаго ряда почти неосуществимыхъ условій.

Укажемъ, впрочемъ, еще одно изъ нихъ, послѣднее и наиболѣе трудное: необходимо, чтобы тяжкія послѣдствія недавней міровой войны перестали давать себя знать и чтобы безпримѣрный международный хаосъ теперешнихъ дней вдругъ оказался не болѣе какъ плодомъ чего-то испуганнаго воображенія. Не правда-ли? — вѣдь, таково основное требованіе всякой консервативной политики: она съ успѣхомъ можетъ примѣняться только тамъ, гдѣ государственныя дѣла идутъ благополучно, соціальный механизмъ работаетъ правильно и всѣ основанія общественной жизни представляются наилучшими изъ возможныхъ и наиболѣе солидными. Слѣдовательно, выходитъ, что сначала придется возстановить международный порядокъ, а потомъ уже подготовлять почву для міровой консервативной программы, моральной и имперіалистической.

Однако, — если международный и міровой порядокъ способенъ возстановиться безъ имперіализма, зачѣмъ же мучиться тяготами имперіализма? Если международная жизнь способна прогрессировать безъ предварительнаго созданія особой международной морали, зачѣмъ мечтать объ этой морали, такъ трудно достижимой, зачѣмъ столѣтіями работать въ жестокихъ страданіяхъ надъ ея созданіемъ? По средствамъ-ли человѣчеству лелѣять идеалъ международной Морали въ качествѣ главной основы міровыхъ общественныхъ отношеній и не обманчивъ-ли этотъ идеалъ?

Тѣмъ, кто такъ любитъ судить и осуждать Германію и Вильгельма II, я предложилъ бы подходить къ нимъ именно съ этой точки зрѣнія.

Виновность ихъ несомнѣнна:

Германія и Вильгельмъ II виновны въ томъ, что сочли достаточнымъ быть *моральными* и служить моральнымъ цѣлямъ, чтобы рѣшительно всѣ ихъ дѣйствія были затѣмъ этически оправданы ими самими.

Германія и Вильгельмъ II виновны въ томъ, что предприняли грандіозную работу по переустройству всего міра съ помощью такихъ методовъ, которые заранѣе обрекали ихъ на неудачу.

Главная же вина Германіи и Вильгельма II — въ ихъ консерватизмѣ, имперіализмѣ и утрированномъ націонализмѣ.

Да, да; историческая виновность Германіи и Вильгельма II велика и несомнѣнна. Однако, я не хотѣлъ бы на этомъ заявленіи ставить точку. Слѣдуетъ еще посмотрѣть, *въ какой мѣрѣ* позволительно вмѣнять имъ ихъ вину и въ чемъ заключаются для нихъ смягчающія обстоятельства. Только тогда мы сумѣемъ извлечь для будущаго времени все поучительное, что заключено въ историческомъ примѣрѣ ихъ честолюбивыхъ заданій и въ ихъ трагической судьбѣ.

Что же увидимъ мы при этомъ?

Какъ бы ни были ошибочны политическіе планы нѣмцевъ, это были планы грандіознаго масштаба, рожденные творческими силами души великаго народа.

Нѣмецкій націонализмъ, какъ мы только что сказали, былъ однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ трагическихъ нѣмецкихъ ошибокъ. Но это былъ націонализмъ, толкавшій на великіе замыслы и ставившій себя на службу могучихъ цѣлей. Онъ былъ насквозь пропитанъ отравой милитаризма, но и самъ этотъ нѣмецкій милитаризмъ имѣлъ за себя серьезныя историческія обоснованія и оправданія. И несомнѣнно, — только тѣ изъ остальныхъ народовъ могутъ съ достаточнымъ правомъ судить и осуждать нѣмцевъ, что сами живутъ историческими планами не меньшей грандіозности, чѣмъ нѣмецкіе, но при томъ лучшими и болѣе справедливыми; — а для осуществленія этихъ плановъ располагаютъ силами бо̀льшими, чѣмъ обладали нѣмцы, да еще правильнѣе примѣняютъ и направляютъ ихъ. Иначе говоря, нѣмцевъ можно было бы безоговорочно осудить лишь въ томъ случаѣ, если бы кто-либо другой изъ наиболѣе великихъ народовъ предпринималъ одновременно съ ними иныя— лучшія и легче осуществимыя — попытки политической реорганизаціи міра, а нѣмцы имъ помѣшали.

Увы, ни одной такой попытки своевременно не было сдѣлано, если не считать тщедушныхъ и двуличныхъ Гаагскихъ

мирныхъ конференцій, не сумѣвшихъ не только разрѣшить, но и понять стоявшихъ передъ ними великихъ задачъ.

Наконецъ, если самою основною изъ всѣхъ нѣмецкихъ ошибокъ считать желаніе Германіи сдѣлать Мораль главнѣйшимъ двигателемъ всѣхъ міровыхъ политическихъ отношеній, то совершенно необходимо, чтобы остальнымъ націямъ посчастливилось одно изъ двухъ: либо такимъ двигателемъ вмѣсто Морали съ успѣхомъ сдѣлать Право или Политику либо даже установить правильную гармонію между всѣми тремя соціально-этическими двигателями — Моралью, Правомъ и Политикой; гармонію, которая одна способна обезпечить безусловное торжество справедливости среди людей и народовъ.

Въ процессѣ борьбы противъ Германіи остальныхъ народовъ, и благодаря этой борьбѣ, попытки разрѣшить международную проблему преимущественно на началахъ Права и Политики были слѣланы, наконецъ. Я имѣю въ виду во-первыхъ американскую попытку превратить міръ въ единую *Лигу Націй* и во-вторыхъ, русскую попытку *въ революціонномъ порядкѣ* перестроить всѣ внутригосударственныя и междугосударственныя отношенія, нераздѣльно сливъ ихъ воедино и установивъ на совершенно новыхъ принципахъ.

Объ американской попыткѣ и объ Америкѣ — въ ближайшій часъ, объ русской — въ послѣдующіе часы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МІРОВОЙ ЛИБЕРАЛИЗМЪ. АМЕРИКА И ВИЛЬСОНЪ.

МІРОВОЙ ЛИБЕРАЛИЗМЪ. АМЕРИКА И ВИЛЬСОНЪ.

I.

Здѣсь намъ предстоитъ имѣть дѣло съ Правомъ въ качествѣ второй изъ трехъ основныхъ соціально-этическихъ силъ.

Отличительные признаки Права и его функціи весьма сильно разнятся отъ тѣхъ, что въ предыдущей главѣ мы видѣли при анализѣ Морали. Начать съ того, что оно не претендуетъ ни на какое божественное или сверхъестественное происхожденіе.

Истинный создатель права самъ человѣкъ.

Онъ его творитъ, то въ формѣ закона, то въ формѣ договора. Можно сказать поэтому, что право есть постольку Право, поскольку въ основѣ своей оно является либо закономъ, либо договоромъ, соглашеніемъ. Обратнаго же утверждать нельзя, — такъ какъ ни одинъ законъ и, ни одно соглашеніе не обнаруживаютъ никакихъ свойствъ Права до тѣхъ поръ, пока они не установлены въ строго опредѣленномъ формальномъ порядкѣ.

Условному, относительному присхожденію Права соотвѣтствуетъ *относительный характеръ его нормъ.*

Въ принципѣ всякая юридическая норма обусловлена временемъ. Разумѣется, никому нельзя запретить толковать о правѣ «незыблемомъ», «нерушимомъ» и «вѣчномъ»; однако, всѣми подобными эпитетами можетъ высказываться лишь то, что право остается такимъ, каково оно есть, впредь до его отмѣны въ опредѣленномъ порядкѣ. Не болѣе. Иначе получаются весьма крупныя теоретическія и практическія ошибки.

Относительная сущность правовыхъ нормъ проявляется не въ одной только временности ихъ существованія, впредь до отмѣны. Въ гораздо большей степени она проявляется въ томъ, что онѣ отнюдь не притязаютъ воплощать велѣнія высшаго, абсолютнаго Добра или высшей, абсолютной Справедливости. Нѣтъ, это совсѣмъ не задача Права. Это задача Морали, какъ мы уже знаемъ. Право-же, напротивъ, выступаетъ на сцену по преимуществу какъ разъ тогда, когда или вовсе нѣтъ, подходящихъ абсолютныхъ нормъ, или когда онѣ непримѣнимы къ данному конкретному случаю. Главная же его задача заключается обычно въ томъ, чтобы *среди нѣсколькихъ возможныхъ правилъ поведенія выбрать и признать за обязательное одно какое-нибудь за счетъ всѣхъ остальныхъ.*

Благодаря всѣмъ этимъ своимъ свойствамъ, Право выступаетъ не какъ совокупность суверенныхъ предписаній, но какъ извѣстная *искусственная равнодѣйствующая противуположныхъ волъ и несогласимыхъ убѣжденій.*

Въ очень многихъ случаяхъ юридическимъ постановленіямъ повинуются противъ своего желанія. Однако, Праву довольно безразлично, что люди думаютъ о немъ или что имъ подсказываетъ внутренній голосъ ихъ совѣсти. Все, что ему надо отъ людей, — это лишь то, чтобы *внѣшнее поведеніе* ихъ согласовалось съ его постановленіями. И оно внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы постановленія его выполнялись аккуратно. Въ этой цѣли правовыя нормы снабжены въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ *принудительной санкціей;* — т. е. всякій, нарушившій Право и уличенный въ томъ, несетъ за свое нарушеніе соотвѣтствующее наказаніе. Такимъ образомъ, всякій правовой порядокъ покоится на внѣшнемъ принужденіи. Принужденіе и наказаніе, судъ и полиція всегда и всюду являются главнѣйшими орудіями защиты права противъ посягательствъ на него. Отсюда слѣдуетъ, что главная стихія Права, лучшая среда для его самообнаруженія, есть *государство.*

Чѣмъ лучше организовано государство, тѣмъ успѣшнѣе осуществляетъ оно функцію принужденія и наказанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ лучше организовано государство, тѣмъ больше оно связано въ осуществленіи этой своей функціи. Оно не можетъ принуждать и наказывать по произволу. Здѣсь

ему положены опредѣленныя границы и границами этими служитъ *свобода* людей. Вѣдь, обезпечивать взаимную свободу людей — главнѣйшая обязанность государства; поэтому и принуждать и наказывать государство должно въ идеалѣ лишь постольку, поскольку то необходимо ради обезпеченія общей свободы.

Тамъ, гдѣ людямъ приходится сталкиваться съ принудительнымъ воздѣйствіемъ на нихъ, необходимо, чтобы они знали заранѣе, что они могутъ дѣлать и чего не могутъ. Необходимо также, чтобы наказаніе нарушителей права было пропорціонально величинѣ ихъ преступленія. Благодаря этому, для Права становится неизбѣжнымъ точное и детальное изложеніе всѣхъ его предписаній, равно какъ наиболѣе подробное обозначеніе того, какому преступленію соотвѣтствуетъ какое наказаніе.

И вотъ, начиная съ этого момента, Право оказывается уже не въ состояніи обойтись безъ увѣсистыхъ кодексовъ и безъ ученыхъ юрисконсультовъ. Съ принудительной необходимостью всякое развитое право превращается въ право писаное. Высшимъ его достоинствомъ становится точность. Главная его забота сводится къ тому, чтобы предусмотрѣть рѣшительно всѣ случаи того, что должно и что не должно считаться запрещеннымъ и влечь за собой кару.

Но дѣйствительно-ли *всѣ* возможные случаи? Безъ исключенія? Даже и тѣ, которые цѣликомъ касаются лишь отдѣльнаго (изолированнаго) человѣка и совершенно безразличны рѣшительно для всѣхъ остальныхъ людей?

О, нѣтъ; Право такъ далеко не заходитъ. Оно стремится обслуживать человѣческое общество и не имѣетъ никакихъ другихъ функцій, кромѣ функцій соціальныхъ. Слѣдовательно, *его интересуютъ исключительно лишь явленія соціальной жизни людей.* Оно, заботится объ ея *удобствахъ.* Объ удобствахъ оно заботится, въ сущности, даже и тогда, когда ратуетъ за свободу. И не ради-ли этихъ удобствъ, обезпечиваемыхъ и защищаемыхъ имъ съ помощью свободы, люди соглашаются выносить его многочисленныя несправедливости и тяготы его принужденія?

Въ соотвѣтствіи съ природой и основнымъ соціальнымъ назначеніемъ Права складывается особая *правовая психологія*

людей; — та самая, что въ очень многихъ случаяхъ играетъ роль главнѣйшей движущей пружины всего ихъ поведенія.

Чтобы дѣйствовать строго опредѣленнымъ образомъ, — сплошь и рядомъ вопреки своимъ прямымъ интересамъ, — человѣку съ правовой психологіей вовсе не нужно прислушиваться къ голосу своего моральнаго сознанія. Есть писаные законы, которые опредѣляютъ все. Существуютъ законныя власти, которыя установили данный соціально-политическій режимъ и которыя въ случаѣ надобности могутъ его измѣнить. Человѣку надлежитъ лишь сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ существующими законами и больше отъ него рѣшительно ничего не требуется. Если въ результатѣ покорнаго выполненія законовъ случится что-нибудь весьма несправедливое, человѣкъ не долженъ этимъ смущаться. Никто за это не отвѣтственъ персонально; вина здѣсь падаетъ на самые законы, безличные и абстрактные. И наконецъ, какъ бы ни было временами несправедливо точное исполненіе предписаній данной правовой системы, въ среднемъ ея нормы непремѣнно согласуются съ требованіями свободы и справедливости. Иначе эта правовая система не могла бы держаться и непремѣнно измѣнилась бы въ порядкѣ легальномъ или насильственномъ.

Таковъ отправной пунктъ всякой въ основномъ своемъ существѣ *правовой* психологіи. Какъ и психологія моральная, она также можетъ играть роль главнаго внутренняго двигателя не только въ поведеніи отдѣльныхъ людей, но и въ поведеніи цѣлыхъ народовъ.

Что требуется для этого?

Для этого требуется наличіе цѣлаго ряда спеціальныхъ условій, по смыслу своему діаметрально противуположныхъ условіямъ моральной психологіи народовъ. Тамъ требуется, чтобы между самымъ отдаленнымъ прошлымъ народа и его настоящимъ сохранялись наиболѣе крѣпкія и живыя связи. Здѣсь, напротивъ, необходима извѣстная *грань*, отдѣляющая прошлое отъ настоящаго, нѣкоторый — не слишкомъ, правда, большой — *разрывъ* между ними. Тамъ каждый долженъ имѣть привычку уважать моральныя предписанія въ качествѣ нормъ неизмѣнныхъ, божественныхъ, абсолютныхъ. Здѣсь приходится подчиняться нормамъ условнымъ и несовершеннымъ, вовсе не обращая вниманія ни на ихъ условность, ни на

ихъ несовершенство. Народы, надѣленные по преимуществу моральными чертами характера, слѣпо повинуются предписаніямъ, ни въ какой мѣрѣ не зависящимъ отъ нихъ самихъ. Напротивъ, народы съ правовой психологіей прекрасно сознаютъ, что это ихъ собственная свободная воля является истиннымъ источникомъ всѣхъ обязательствъ и обязанностей соціальнаго порядка. Высшій принципъ народовъ моральной психологіи это — *долгъ.* Высшій принципъ народовъ съ правовой психологіей — *свобода.* Моральный характеръ народа несравнимо легче поддерживать и сохранять, чѣмъ намѣренно создавать. Напротивъ, свой правовой характеръ народы должны воспитывать предпамѣренно и сознательно, постоянно подмѣняя въ немъ однѣ черты другими, постоянно пополняя его все новыми и новыми «правовыми» чертами.

Какъ только правовая природа того или иного народа взяла въ немъ верхъ надъ моральной природой, такъ сейчасъ же весь стиль его жизни испытываетъ коренныя измѣненія. Вкусъ къ абсолютному уступаетъ мѣсто вкусу къ относительному. Слишкомъ возвышенныя цѣли больше не увлекаютъ его. Отнынѣ это уже не народъ, одухотворенный великой религіозной идеей и даже не народъ мыслителей и поэтовъ. Онъ уже не желаетъ жить ради выполненія какого-то высшаго предназначенія. Жажда самопожертвованія его тоже не томитъ. Искусство, наука, этика и религія все болѣе пріобрѣтаютъ для него второстепенное, служебное и подсобное значеніе. Зато внѣшній комфортъ, матеріальное благополучіе и техническій прогрессъ становятся для него жизненными центрами, къ которымъ тяготѣютъ всѣ его интересы и которые поглощаютъ всю его творческую энергію. И это, вѣдь, такъ естественно: — развѣ старые идолы не были разбиты имъ съ единственной цѣлью сдѣлать жизнь болѣе легкой и пріятной? И не потому-ли всецѣло удалось разбить эти старые идолы, что онъ сумѣлъ проявить себя въ нужные моменты достаточно трезвымъ, практичнымъ, terre à terre?

Весьма большое значеніе имѣетъ съ этой точки зрѣнія природное предрасположеніе народовъ. Не всѣ народы одинаково способны замѣнить въ своемъ сердцѣ девизъ: — «долгъ прежде всего» — другимъ девизомъ: — «свобода прежде всего». Очевидно, это несравнимо легче для тѣхъ народовъ, у которыхъ любовь къ свободѣ что называется въ крови.

Чрезвычайно существенно также для превращенія національнаго характера народа въ правовой, чтобы постепенно всѣ основныя условія его жизни претерпѣли серьезныя измѣненія. Въ особенности существенно, чтобы его отношенія съ другими народами не заставляли впредь неустанно думать о войнахъ и чтобы культъ силы и хитрости пересталъ быть главнымъ средствомъ его самозащиты отъ враговъ.

Чтобы закончить наше противупоставленіе народовъ съ правовымъ характеромъ и народовъ съ характеромъ моральнымъ, отмѣтимъ, что первые въ такой же мѣрѣ склонны къ *эволюціи*, въ какой вторые находятся во власти традиціи. Первые, такимъ образомъ, оказываются народами быстраго *соціально-политическаго прогресса, народами-либералами;* вторые же — народами-консерваторами. И въ концѣ концовъ несомнѣнно, что всякій быстрый, постепенный и послѣдовательный общественный прогрессъ лучше всего совершается въ лонѣ народовъ, обладающихъ именно правовой психологіей.

Въ современныхъ условіяхъ народъ правовой психологіи, народъ-прогрессистъ или либералъ, это прежде всего *республика,* основанная на принципѣ *народнаго суверенитета,* конкретно проявляющагося въ *формальной волѣ большинства.* Далѣе, это — *культъ демократизма и равенства, высоко развитое народное представительство,* пылкій, но лишенный шовинизма патріотизмъ. Въ области международныхъ отношеній — это народъ, преисполненный стремленій къ *миру,* несклонный вмѣшиваться безъ достаточныхъ основаній въ чужія дѣла, охотно идущій на заключеніе съ другими народами *соглашеній и союзовъ* (вплоть до созданія Лиги Націй даже), преимущественно на *началахъ международнаго равенства и самоопредѣленія народовъ.*

Взятый подъ историческимъ угломъ зрѣнія, народъ съ достаточно выраженной правовой психологіей представляется такимъ, который росъ и укрѣплялся не столько при помощи войнъ и завоеваній, сколько при помощи мирныхъ соглашеній, заселенія незанятыхъ земель, покупки и обмѣна территорій. Для того, чтобы мирное объединеніе частей государства, нѣкогда независимыхъ, могло произойти, необходимо, чтобы всѣ эти части испытывали передъ тѣмъ какую-то общую опасность, ради избѣжанія которой имъ лучше всего было пожертвовать

своею независимостью. И эта опасность должна давать себя знать достаточно долго уже и послѣ образованія новаго — по преимуществу, федеративнаго — государственнаго соединенія: для окончательнаго установленія новаго національнаго единства нужно время.

Въ чисто психологическомъ отношеніи такой народъ-либералъ или прогрессистъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ прежде всего своей любовью къ организованному индивидуализму или къ широкой индивидуальной свободѣ, совершенно заслоняющей въ немъ какъ привычку къ пассивному повиновенію, такъ и вкусъ къ возмущеніямъ и возстаніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, — несравнимо болѣе реалистъ, чѣмъ идеалистъ, — народъ правовой психологіи превосходно умѣетъ удовлетворять свои хозяйственныя нужды. Его промышленность находится въ цвѣтущемъ состояніи; его земледѣліе, финансы и торговля — предметъ зависти сосѣдей. Не потому-ли все это, что экономическіе интересы, — быть можетъ, незамѣтно для него самого — стали главнымъ рычагомъ всей его политики и главнымъ полемъ для игры его національнаго самолюбія?

По моему мнѣнію, *наиболѣе законченное воплощеніе народа-либерала или народа-прогрессиста съ правовой психологіей являетъ собой въ нашу эпоху* народъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

На немъ мы теперь и сосредоточимъ наше вниманіе.

II.

Во второй половинѣ XVIII-го столѣтія Англія владѣла по ту сторону Атлантическаго Океана чрезвычайно обширными колоніями. Населеніе этихъ колоній составлялось, по преимуществу, изъ выходцевъ съ европейскаго континента. Одни изъ нихъ покинули Старый Свѣтъ, побуждаемые страстью къ авантюрамъ, другихъ влекло за Океанъ недовольство политическимъ положеніемъ въ ихъ первомъ отечествѣ или религіозныя преслѣдованія. Третьи спасались отъ излишней внимательности къ нимъ отечественныхъ уголовныхъ законовъ и судебныхъ властей. Такъ или иначе, но всякій, вступавшій тогда на американскую землю, искалъ для себя и для другихъ *новыхъ условій общественной жизни.* Каждый приносилъ съ собой туда

долю обычаевъ и привычекъ своей родной страны и вмѣстѣ съ тѣмъ каждый былъ готовъ уважать привычки, обычаи и нравы всѣхъ остальныхъ странъ. Получалась весьма пестрая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній. Не напрасно же одинъ изъ американскихъ историковъ утверждаетъ, что первоначальныя американскія колоніи были настолько непохожи другъ на друга рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ, что несравнимо легче отмѣчать черты ихъ взаимныхъ отличій, чѣмъ черты ихъ сходства.

Не сдѣлалось вполнѣ однороднымъ населеніе Сѣверной Америки и въ позднѣйшее время. Вплоть до самой войны иммиграція играла первостепенную роль въ дѣлѣ увеличенія числа ея гражданъ. И кто только не иммигрировалъ въ Америку. Нѣмцы, ирландцы и итальянцы переселялись въ нее точь въ точь такъ же, какъ и поляки, евреи, чехи, венгры, китайцы и т. д., и т. д. Были года, когда общее число иммигрантовъ достигало 2 500 000. Едва-ли не половина современнаго населенія Соединенныхъ Штатовъ является американцами всего лишь въ третьемъ поколѣніи.

Въ образовавшемся подобнымъ образомъ населеніи Америки напрасно было бы искать элементовъ т. наз. «зоологическаго націонализма». Націонализмъ, точнѣе патріотизмъ, существуетъ въ современной Америкѣ, но онъ имѣетъ совсѣмъ иную природу и иныя предпосылки, чѣмъ націонализмъ и шовинизмъ большинства европейскихъ народовъ.

Прежде чѣмъ образовать одно федеративное государство, состоящее изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ независимыхъ государствъ, американцы жили въ небольшихъ колоніяхъ-общинахъ.

Не войны и не завоеванія, слѣдовательно, послужили основой для образованія будущей великой американской республики, а по преимуществу мирныя соглашенія, постепенно объединявшія маленькія политическія единицы во все болѣе и болѣе крупныя, неизмѣнно къ общему благу всѣхъ договаривавшихся. Объединиться для американцевъ не означало, однако, потерять какую-либо часть своихъ индивидуальныхъ свободъ. Напротивъ, всякое новое объединеніе неизмѣнно приносило имъ новыя выгоды и открывало для нихъ новую свободу.

Такъ, въ 1778 году американскими Штатами былъ заключенъ договоръ, превратившій ихъ въ конфедерацію (союзъ государствъ). Съ этихъ поръ для нихъ открылась возможность

совмѣстно направлять свою внѣшнюю политику, разрѣшать взаимные споры въ высшемъ третейскомъ судѣ, имѣть единую монетную систему, организовать Конгрессъ съ равнымъ представительствомъ всѣхъ Штатовъ. Лишенный исполнительной власти, Конгрессъ, не обладалъ, однако, достаточнымъ реальнымъ авторитетомъ. Жизненная необходимость подсказывала дальнѣйшее уплотненіе политическихъ связей между членами союза и вотъ черезъ девять лѣтъ, въ 1787 г., американскіе Штаты изъ конфедераціи превратились въ федерацію, изъ союза государствъ въ единое союзное государство. Въ какомъ же порядкѣ произошла эта новая трансформація Америки? Она и на этотъ разъ произошла въ порядкѣ мирнаго преобразованія и на основѣ новаго добровольнаго соглашенія; а вмѣстѣ съ тѣмъ — она лишній разъ обнаружила духъ взаимнаго уваженія, уступчивости, равенства и въ особенности свободы, неизмѣнно отличающій населеніе американскихъ Штатовъ. Снова былъ достигнутъ крупный политическій прогрессъ, создавшій мощную государственную власть, но не давшій ей больше правъ въ отношеніи индивидуума, чѣмъ раньше.

Отмѣтимъ также, что и все послѣдующее увеличеніе числа штатовъ великаго американскаго Союза происходило почти исключительно лишь мирными путями. Много новыхъ территорій вошло въ союзъ по собственной волѣ. Много другихъ было уступлено ему Англіей. Многія были куплены имъ у Испаніи, Франціи, Мексики, Россіи. Въ итогѣ — вмѣсто тринадцати первоначальныхъ звѣздочекъ, указывающихъ на національномъ американскомъ флагѣ количество Штатовъ въ Союзѣ, ихъ нынѣ сорокъ восемь на немъ.

Не смотря на разницу происхожденія американцевъ, на недавность пребыванія очень многихъ изъ нихъ въ своемъ новомъ отечествѣ, на различіе условій ихъ жизни, — уже очень давно съ полнымъ правомъ можно говорить объ единой американской націи, какъ о крѣпкомъ, цѣлостномъ и своеобразномъ духовномъ организмѣ. И эту американскую націю въ первую очередь создалъ «американизмъ», особый «американскій духъ», любовь къ политической свободѣ и приверженность къ опредѣленному порядку основныхъ политическихъ принциповъ.

Что же это за принципы?

Мы встрѣчаемся съ ними уже въ знаменитой деклараціи, подписанной на борту пакбота «Mayflower» будущими основателями Новой Англіи. Еще ярче они обнаруживаются въ Великой Хартіи и въ конституціонныхъ актахъ 1778 и 1787 гг. Наиболѣе основоположный изъ всѣхъ этихъ принциповъ можно, на мой взглядъ, формулировать слѣдующимъ образомъ: — *государство существуетъ ради личности, а не личность ради государства.* Полнота личныхъ правъ гражданина и предѣльная его свобода, не нарушающая свободы другихъ, есть всегда тотъ предѣлъ, который не смѣетъ перейти никакая власть, въ томъ числѣ и власть парламента. Отсюда вытекаетъ, что принципъ «народнаго суверенитета» въ качествѣ основы американской государственной идеологіи ни въ какой мѣрѣ не равнозначенъ съ признаніемъ абсолютнаго всемогущества народнаго представительства, осуществляющаго законодательную функцію. Большинство рѣшаетъ и направляетъ государственную жизнь страны, но оно не имѣетъ права посягать ни на свободу меньшинства, ни на свободу личности. Одной изъ характернѣйшихъ чертъ американской конституціи является то, что высшая судебная власть въ странѣ обязана слѣдить за тѣмъ, чтобы никакой законъ не былъ въ противорѣчіи съ конституціей, а слѣдовательно — съ тѣмъ основнымъ принципомъ, который только что указанъ нами.

Итакъ, съ полнымъ основаніемъ можно утверждать (какъ то и дѣлаютъ порой сами американцы), что американское пониманіе государства, американская публично-правовая концепція, характеризуется въ первую очередь его *индивидуализмомъ.* Индивидуализмъ же этотъ со своей стороны есть не что иное, какъ выраженіе любви американцевъ къ свободѣ. Первый не можетъ обойтись безъ второй; нѣтъ свободы тамъ, гдѣ отрицается чужая индивидуальность, какъ не возможенъ индивидуализмъ въ средѣ людей, допускающихъ свободу только лично для самихъ себя.

Взятые нѣсколько съ иной точки зрѣнія, тѣ же индивидуализмъ и свободолюбіе американцевъ съ наглядностью обнаруживаютъ, насколько въ существѣ своемъ *относительны* для нихъ нормы, опредѣляющія бытіе ихъ государства и требующія отъ нихъ точнаго выполненія. Американецъ лойяленъ не потому, что предписанія его законовъ представляются ему абсолютно справедливыми, но потому, что это американскіе, т. е. его соб-

ственные законы. Они обязательны для него прежде всего потому, что онъ самъ принимаетъ и утверждаетъ ихъ. А если онъ ихъ однажды принялъ и утвердилъ, то только потому, что они соотвѣтствуютъ *его* идеалу свободной общественной жизни. Къ тому же, американскіе законы принудительно защищаются и охраняются всѣми государственными силами Союза (снабжены принудительной санкціей), такъ что ихъ нельзя нарушать безъ риска испытать на себѣ противодѣйствіе этихъ силъ.

Въ согласіи съ американскимъ представленіемъ о государствѣ Соединенные Штаты Сѣверной Америки являютъ собой федерацію республики. Конституціи каждой изъ этихъ отдѣльныхъ республикъ (штатовъ) и ихъ общая федеральная конституція покоятся на принципахъ публичнаго права, представлявшихся американцамъ наиболѣе *прогрессивными* и наиболѣе обезпечивающими свободу всѣхъ и каждаго.

Намъ здѣсь нѣтъ необходимости останавливаться на изложеніи основныхъ элементовъ американскаго государственнаго права. Мы несравненно лучше уяснимъ себѣ *правовой* въ своей внутренней сущности національный характеръ американцевъ, если вмѣсто этого остановимся нѣкоторое время на организаціи и функціонированіи политическихъ партій въ ихъ странѣ.

Съ давнихъ поръ въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ двѣ большія конкуррирующія партіи: — республиканская и демократическая.

Обѣ эти партіи формируютъ политическое общественное мнѣніе Америки и въ качествѣ грандіозныхъ политическихъ агентствъ опредѣляютъ всѣ американскіе выборы — административные, парламентскіе, президентскіе. Ни одна изъ нихъ не можетъ считаться политически болѣе отсталой или болѣе передовой, чѣмъ другая; да и вообще онѣ не отличаются другъ отъ друга достаточно рѣзко и опредѣленно своими принципами и своей программой. По привычкѣ или въ силу разницы темпераментовъ — такъ отмѣчаютъ компетентные наблюдатели американской политической жизни — за кандидатовъ враждебныхъ партій сплошь и рядомъ вотируютъ люди, совершенно согласные между собою по большинству важнѣйшихъ вопросовъ.

Почему же, въ такомъ случаѣ, политическія партіи существуютъ въ Америкѣ?

Онѣ существуютъ по многимъ причинамъ.

Во-первыхъ, американскіе граждане должны періодически выбирать слишкомъ большое количество чиновниковъ разнаго рода, чтобы быть въ состояніи дѣлать это безъ всякаго спеціальнаго посредничества. — Затѣмъ, для американца — занимать какой-либо административный постъ или быть депутатомъ есть такое же «дѣло» и такое же «положеніе», какъ всякое другое. Однако, какъ же войти въ составъ администраціи или въ парламентъ, не пользуясь услугами особыхъ агентствъ по фабрикаціи списковъ и по производству выборныхъ кампаній? — Съ другой стороны, разъ только нужда въ политическихъ агентствахъ стала давать себя знать, созданіе ихъ естественно должно было представиться предпріимчивому американскому уму, какъ новый сортъ «дѣла» или «предпріятія». — И наконецъ, наиболѣе существенное: каждый американецъ слишкомъ погруженъ въ свою личную дѣловую жизнь, чтобы находить еще время внимательно слѣдить за ходомъ кропотливыхъ политическихъ дѣлъ. А между тѣмъ, политика для него такое же дѣло, какъ всякое другое, и потому ему нужно отдаваться цѣликомъ и быть въ немъ спеціалистомъ. Это и значитъ, что заниматься ею должны политики профессіоналы, неразрывно связывающіе себя съ цѣлымъ аппаратомъ данной политической партіи, знающіе тайны ихъ комитетовъ, поставляющіе въ нихъ ихъ «bosses» и не пугающіеся ихъ нравовъ, далеко не во всемъ строгихъ, (чтобы не сказать болѣе опредѣленно). Вмѣстѣ съ тѣмъ все это значитъ, что политическія партіи нужны въ Америкѣ и какъ обширныя предпріятія дѣлового характера и какъ почти оффиціальныя политическія установленія, *освобождающія американцевъ отъ обязанности быть политиками.*

Что же удивительнаго при указанныхъ условіяхъ, что отношеніе къ политикамъ и къ политическимъ партіямъ въ Америкѣ совершенно не то, къ какому привыкла Европа? Тамъ они не только не пользуются большимъ уваженіемъ, чѣмъ представители другихъ профессій или другихъ «предпріятій», но, пожалуй, даже меньшимъ. Какъ же возможно въ такомъ случаѣ, что имъ довѣряются судьбы страны? Почему подобное положеніе вещей не приводитъ страну къ быстрому политическому упадку и къ политической гибели? Удовлетворительно

отвѣтить на эти вопросы можетъ только тотъ, кто не упускаетъ изъ виду главнаго условія, на которомъ политическое вліяніе закрѣплено въ Америкѣ за политическими партіями. А условіе это состоитъ въ томъ, что партіи обязаны дѣйствовать въ строгомъ согласіи съ конституціей, — я сказалъ бы даже: во исполненіе конституціи, — т. е. *въ строгихъ предѣлахъ установленнаго права.* При такого рода условіи вполнѣ понятно, что господствующія политическія партіи Америки не отличаются одна отъ другой сколько-нибудь значительнымъ образомъ. При всей своей относительности, Право — охранитель свободы — является для американцевъ ихъ высшимъ соціально-этическимъ достояніемъ. Они прекрасно обходятся безъ абсолютныхъ этическихъ предписаній, потому что ихъ національный характеръ довольно безразличенъ ко всему абсолютному. Вмѣстѣ съ тѣмъ они и не настолько релятивисты въ соціально-этическомъ отношеніи, чтобы быть по преимуществу политиками; — болѣе релятивистическая, чѣмъ они это любятъ, политика — какъ сказано — въ представленіи американцевъ есть дѣло спеціалистовъ. Напротивъ, каждый американецъ обязанъ въ области соціальныхъ отношеній крѣпко стоять на почвѣ права, т. е. совокупности нормъ не вѣчныхъ и не мгновенныхъ, но такихъ, которыя при достаточно углубленномъ пониманіи слова «относительный» лучше всего назвать относительными.

Впрочемъ, для того, чтобы вполнѣ ясно усвоить себѣ, какимъ образомъ относительная концепція государства можетъ стать солидной основой государственнаго порядка, необходимо сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ. Необходимо признать, что индивидуализмъ, либерализмъ и релятивизмъ «правового» характера американцевъ неотдѣлимы въ нихъ отъ ихъ уваженія къ соціальному началу *равенства.* И это вполнѣ послѣдовательно: — всякій истинный индивидуалистъ не можетъ принимать индивидуальность всякаго другого лица иначе, какъ на основѣ равенства. Свобода, не признающая равенства, не есть свобода. Наконецъ, и само Право, въ которомъ равенство не является одной изъ самыхъ основныхъ предпосылокъ, должно неминуемо уступать мѣсто или аристократичной и іерархичной Морали или же сложной и измѣнчивой Политикѣ.

Что же касается спеціально американцевъ, то для нихъ равенство является движущимъ началомъ всей соціальной жизни. Они горды своимъ демократизмомъ, потому что онъ

служитъ для нихъ прямымъ выраженіемъ ихъ любви къ равенству. Они любятъ равенство, потому что безъ него не было бы никакого демократизма.

Стремленіе ихъ къ равенству проявляетъ себя не только въ равенствѣ правъ американскихъ гражданъ, или въ равномъ представительствѣ всѣхъ американскихъ штатовъ въ американскомъ сенатѣ; оно проявляетъ себя также — и это несравнимо болѣе показательно — въ области внѣшней политики Соединенныхъ Штатовъ.

Чтобы не приводить многихъ примѣровъ, напомнимъ лишь о той позиціи, которую великая заатлантическая республика заняла въ конфедеративномъ пан-американскомъ движеніи, — въ «пан-американизмѣ».

Въ 1881 году государственный секретарь Соединенныхъ Штатовъ, Джемсъ Бленъ, разослалъ всѣмъ правительствамъ американскаго континента циркулярную ноту съ приглашеніемъ на конгрессъ въ Вашингтонѣ. Какъ на цѣль конференціи, въ нотѣ указывалось на установленіе тѣснаго взаимнаго сотрудничества всѣхъ народовъ обѣихъ Америкъ, а въ особенности на устраненіе возможности войнъ между ними путемъ введенія третейскаго международнаго суда. Нота прибавляла, что Соединенные Штаты съ самаго начала отказываются играть роль «совѣтчика» въ отношеніи другихъ американскихъ государствъ и охотно соглашаются выступать со всѣми ними «на равной ногѣ». Четверть вѣка спустя на третьемъ пан-американскомъ конгрессѣ въ Ріо-де-Жанейро почетный предсѣдатель конгресса и государственный секретарь Соединенныхъ Штатовъ, Э. Рутъ, заявлялъ: — «Мы (американскій народъ) полагаемъ, что независимость и равенство правъ наиболѣе слабыхъ членовъ въ семьѣ народовъ должны уважаться такъ же, какъ и у самыхъ великихъ имперій; а въ сохраненіи этого уваженія мы усматриваемъ главнѣйшую защиту слабаго отъ угнетенія со стороны сильнаго. Мы не требуемъ и не желаемъ правъ, привилегій и полномочій, которыхъ сами мы цѣликомъ не признали бы за каждой изъ американскихъ республикъ. Мы хотимъ увеличить наше благосостояніе, расширить нашу торговлю; мы хотимъ новаго богатства, знанія и славы. Однако, наше представленіе о лучшемъ пути къ достиженію подобныхъ цѣлей сводится не къ тому, чтобы уничтожать другихъ и выигрывать отъ ихъ гибели, но чтобы въ дѣлѣ общаго процвѣтанія

помогать всѣмъ, какъ друзьямъ, и чтобы всѣмъ вмѣстѣ становиться больше и сильнѣе».

Съ перваго взгляда нелегко установить близкое сходство и тѣсную идейную связь между приведенными декларацiями Блена и Рута и знаменитой «доктриной Монро», общепризнанной оффиціальной основной всей внѣшней политики американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ теченіе многихъ десятилѣтій. А между тѣмъ, именно эта классическая американская доктрина съ наибольшей вѣрностью отображаетъ правовой національный характеръ американцевъ въ одно и тоже время тяготѣющій къ равенству, къ индивидуализму, къ прогрессу и безсознательно предпочитающій относительное абсолютному.

Изложенная въ очередномъ посланіи къ конгрессу отъ 2-го декабря 1823 года пятаго президента республики Джемса Монро, доктрина эта требуетъ прежде всего, чтобы въ будущемъ американскія территоріи, ставшія свободными и независимыми, не превращались въ колоніи европейскихъ державъ. Соединенные Штаты не вмѣшивались никогда и не будутъ никогда вмѣшиваться въ европейскія войны; точно также они никогда не станутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла европейскихъ странъ. Они будутъ разсматривать какъ законное всякое существующее правительство. Они постараются установить и поддерживать со всѣми державами дружескія отношенія посредствомъ политики открытой, твердой и мужественной, всегда считаясь съ законными притязаніями всякаго народа, но и не допуская ни съ чьей стороны несправедливости по отношенію къ себѣ. Къ самозащитѣ Соединенные Штаты стали бы приготовляться только въ томъ случаѣ, если бы ихъ права подверглись серьезной угрозѣ или имъ было бы нанесено оскорбленіе. Политическій режимъ въ европейскихъ странахъ совершенно отличенъ отъ того, который въ Америкѣ удалось установить цѣною весьма тяжкихъ жертвъ. Поэтому всякія попытки европейскихъ государствъ распространить ихъ политическіе принципы на какую-либо часть Западнаго Полушарія разсматривались бы Соединенными Штатами какъ опасныя для ихъ мира и благополучія.

Дѣйствительно, къ моменту провозглашенія только что изложенной доктрины между демократическими Соединенными

Штатами и европейскимъ Священнымъ Союзомъ, легитимистскимъ и реакціоннымъ, не было рѣшительно ничего общаго. Естественно, что они стремились самымъ рѣшительнымъ образомъ защитить себя отъ проявленій милитаризма и аннексіонизма Стараго Міра. Слишкомъ еще слабые въ ту эпоху своей исторіи для того, чтобы вовсе не обращать вниманія на намѣренія Европы, они вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовали уже въ себѣ достаточно силъ, чтобы заставить ее считаться съ принципами ихъ внутренняго политическаго устройства. Задача ихъ весьма сильно облегчалась географической отдѣленностью и удаленностью Америки отъ Европы. Океанъ, который такъ трудно было переплывать въ первую четверть 19-го вѣка, былъ, въ сущности, главнымъ покровителемъ американскаго демократизма. Основатели современной Америки отдавали себѣ въ этомъ совершенно ясный отчетъ и, повидимому, были бы еще болѣе рады, если бъ безграничное водное пространство совершенно и разъ навсегда отдѣлило Новый Свѣтъ отъ Стараго. Такъ, въ 1797 г. Джефферсонъ мечталъ объ «огненномъ океанѣ» между двумя материками. Съ годами мечта превратилась въ пророчество: — «Недалекъ день — предсказывалъ онъ почти четверть столѣтія спустя, — когда мы формально проведемъ по океану пограничный меридіанъ, раздѣляющій оба полушарія; по эту сторону меридіана никогда уже не будутъ слышны европейскіе выстрѣлы, а по ту сторону никто не услышитъ американскихъ».

Однако, если бы между обоими полушаріями лежали въ самомъ дѣлѣ непреодолимыя преграды и Европѣ съ Америкой не было бы никакого рѣшительно дѣла другъ до друга, то могло-ли бы федеративное движеніе въ Сѣверной Америкѣ такъ легко и быстро завершиться образованіемъ великаго федеративнаго государства? Не остались-ли бы въ такомъ случаѣ тринадцать колоній, образовавшихъ тринадцать штатовъ первоначальнаго Союза, навсегда разъединенными? И даже не оказались-ли бы онѣ вынужденными въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ усвоить европейскую политику интригъ, вражды и завоеваній? Въ частности, было совершенно необходимо, чтобы названныя колоніи испытывали на себѣ европейское давленіе въ лицѣ ихъ общей метрополіи, Англіи. Не менѣе необходимо было, чтобы опасность внѣшняго давленія достаточно долго оставалась непреодоленной и послѣ образованія Союза; на-

столько долго, чтобы въ немъ успѣло создасться и окрѣпнуть сознаніе новаго національнаго единства, покоющееся на совершенно новомъ пониманіи государства и на новыхъ принципахъ взаимныхъ отношеній между государствами.

Тотъ народъ, что не стѣсненъ изжитыми традиціями и не испытываетъ на себѣ непреодолимаго воздѣйствія силъ, парализующихъ всѣ порывы его творческой воли, естественнымъ образомъ предрасположенъ къ быстрому и широкому соціально-политическому прогрессу. Онъ тѣмъ болѣе предрасположенъ къ нему, если первыя его поколѣнія состояли изъ людей яркой практической инициативы и здороваго представленія о справедливомъ, порвавшихъ съ прошлымъ во имя будущаго по ихъ собственному вкусу и послужившихъ примѣромъ для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній.

Таковъ какъ разъ американскій народъ.

Онъ любитъ прогрессъ, потому что всякій прогрессъ всегда что-нибудь улучшаетъ, потому что онъ практически выгоденъ, дѣлая жизнь или болѣе легкою или болѣе пріятною. Всякій прогрессъ долженъ быть для него прежде всего прогрессомъ въ области повседневной жизни и матеріальной культуры. Но если этотъ прогрессъ требуетъ время отъ времени крупныхъ измѣненій въ самыхъ формахъ жизни, ихъ нужно допускать, какъ любыя другія. Можно сказать больше: американецъ любитъ прогрессъ ради самого прогресса, какъ онъ любитъ жизнь ради самой жизни. Жизнь и прогрессъ для него одно и тоже. Порою эта любовь къ прогрессу и жизни превращается у него въ нездоровую страсть къ стремительности, новизнѣ и грандіозности, ничѣмъ не оправдываемымъ. Быть можетъ, весьма скоро страсть эта сдѣлается серьезной опасностью для всей американской цивилизаціи. Однако, отъ этого она отнюдь не становится менѣе характерной для современныхъ американцевъ и для всего современнаго «американизма».

Оставимъ въ сторонѣ техническій и матеріальный прогрессъ въ новѣйшей Америкѣ, достаточно извѣстный всѣмъ и каждому. Обратимъ вниманіе лишь на отличительныя черты ея политическаго прогресса, на который далеко не всегда обращается должное вниманіе.

Еще въ 1776 году общественное мнѣніе большинства будущихъ соединенныхъ штатовъ было опредѣленно враждебно

всякой идеѣ независимости. Новая Англія одна рѣшительно выступила тогда на защиту этой идеи. И тѣмъ не менѣе эта одна колонія сумѣла увлечь за собою всѣ остальныя и недолго спустя независимость была провозглашена. Точно также совсѣмъ наканунѣ Филадельфійскаго конгресса въ маѣ 1787 года американское общественное мнѣніе было еще рѣзко противъ превращенія Конфедераціи въ единое федеративное государство съ сильной центральной властью законодательной, исполнительной и судебной. И тѣмъ не менѣе новая конституція, ознаменовавшая собой такой рѣшительный политическій прогрессъ, была принята въ теченіе того же еще 1787 года.

Чудесныя превращенія испытанныя знакомой уже намъ доктриной Монро, въ теченіе всего лишь нѣсколькихъ десятилѣтій, со своей стороны могутъ служить превосходной иллюстраціей быстроты развитія политическаго сознанія въ Америкѣ.

Мы видѣли ее въ ея первоначальномъ, оригинальномъ текстѣ и мы охарактеризовали ее какъ доктрину, провозглашающую начало невмѣшательства. Но уже совсѣмъ не въ такомъ видѣ выступаетъ она въ интерпретаціи нѣсколько болѣе позднихъ государственныхъ дѣятелей Америки, какъ-то Полкъ, Дэвисъ и Грантъ. Наконецъ, она едва-ли не становится своимъ собственнымъ отрицаніемъ у государственнаго секретаря Ольнея, доказывавшаго въ 1895 году, что длительная политическая связь между какимъ-либо европейскимъ государствомъ и государствами американскими (читай между Англіей и ея заатлантическими доминіонами) «и неестественна и нецѣлесообразна».

И далѣе, текстуально: — «Въ настоящее время Соединенные Штаты поистинѣ представляютъ собой сувереновъ американскаго континента и воля ихъ обладаетъ силой закона тамъ, гдѣ они считаютъ нужнымъ свое вмѣшательство. Почему? Не потому что ихъ одушевляетъ безкорыстная дружба; не потому также, что они достигли весьма высокой ступени цивилизаціи или что дѣйствія ихъ неизмѣнно преисполнены мудрости, права и справедливости. Помимо всѣхъ прочихъ мотивовъ причина здѣсь та, что грандіозность ихъ рессурсовъ вмѣстѣ съ изолированностью дѣлаютъ ихъ господами положенія, практически позволяя имъ быть неуязвимыми ни для какого другого

государства, ни для всѣхъ другихъ государствъ, объединившихся вмѣстѣ».

Проходитъ еще двадцать лѣтъ со времени деклараціи Ольнея и вотъ доктрина Монро вновь выступаетъ на историческую сцену на этотъ разъ въ качествѣ предлагаемой Америкою базы для *всемірной Лиги Націй!*

Я имѣю въ виду посланіе къ конгрессу американскаго президента въ самомъ началѣ 1917 года. Въ немъ говорится между прочимъ: — «Я предлагаю, чтобы всѣ націи, по общему соглашенію, приняли доктрину президента Монро въ качествѣ міровой нормы, а именно, чтобы ни одна нація не стремилась къ распространенію своего господства надъ другой, но чтобы каждому народу было предоставлено право свободнаго самоопредѣленія, а также право слѣдованія по избранному имъ пути развитія безъ препятствій и безъ угрозъ; слабымъ такъ же, какъ и сильнымъ».

Но такимъ образомъ мы уже, — въ Америкѣ президента Вильсона съ его грандіознымъ планомъ международно-правовой реорганизаціи всего міра и съ его знаменитыми «четырнадцатью пунктами». Пусть же намъ будетъ позволено закончить нашу бѣглую характеристику американскаго соціальнаго духа бѣглымъ наброскомъ портрета этого безусловно выдающагося человѣка. Для меня является совершенно несомнѣннымъ, что какъ индивидуальность и государственный дѣятель Вильсонъ въ такой же мѣрѣ характеренъ для американизма нашихъ дней, въ какой Вильгельмъ II былъ характеренъ для германизма до 1918 года.

Итакъ, что представляетъ собою Вудро Вильсонъ?

III.

Внукъ Джемса Вильсона, эмигрировавшаго въ Америку въ 1807 году и сынъ Жозефа Вильсона, пастора и профессора, будущій «великій американскій президентъ» болѣе всего обязанъ своимъ воспитаніемъ своему отцу. Вслѣдъ за отцомъ наибольшее вліяніе оказали на выработку характера Вильсона два великихъ его соотечественника, Вашингтонъ и Линкольнъ. Въ превосходно написанной имъ обширной біографіи Вашингтона Вильсонъ ярко выразилъ свое преклоненіе предъ величіемъ души основателя современ-

ной Америки, предъ его настойчивостью и постоянствомъ въ предпринятыхъ имъ дѣлахъ, предъ вѣрностью его взятымъ на себя обязанностямъ. Что же касается Линкольна, то онъ для Вильсона «образецъ американца», «лучшая американская кровь». «Онъ вышелъ изъ наиболѣе грубыхъ круговъ, но все его формировало, образовывало, преобразовывало. Онъ приступалъ къ дѣлу, не зная ничего, но тотчасъ же онъ уже зналъ все... Удивительная фигура». Подобныя восторженныя описанія двухъ наиболѣе великихъ людей своей страны обнаруживаютъ предъ нами Вильсона такимъ, какимъ онъ хотѣлъ бы быть самъ. Его идеалъ, не навязанъ ему принудительно всѣмъ прошлымъ его народа или средой, свято берегущей вѣковыя традиціи. Онъ нашелъ его въ живомъ настоящемъ этого народа и въ его пламенной любви къ свободѣ и прогрессу. Персонально онъ легко могъ бы имѣть какой-либо совершенно иной идеалъ или вовсе не имѣть никакого идеала, но развѣ тогда Америка призвала бы его выполнить позже то высокое назначеніе, какое выпало на его долю въ качествѣ президента всего Союза? Но даже если бы эти его идеалы ему достались по наслѣдству, то все же далась-ли бы ему возможность продолжить дѣло своихъ учителей и кумировъ безъ долгой и упорной работы его надъ собой и безъ высокихъ личныхъ качествъ? Могъ-ли бы онъ без нихъ выйти на ту широкую историческую дорогу, на которую только по праву рожденія выходитъ порой самый посредственный изъ монарховъ?

У Вильсона были, говорятъ, отъ природы богатыя ораторскія данныя; онъ значительно усовершенствовалъ ихъ путемъ сознательнаго упражненія и долгой практикой. Онъ всегда хорошо писалъ; но этого ему не было достаточно. Ему хотѣлось достичь абсолютной ясности своего стиля, сдѣлать его точнымъ, убѣдительнымъ, живымъ. И онъ достигъ этого. Для того чтобы чувствовать себя вполнѣ въ своей сферѣ въ государственныхъ дѣлахъ, необходимо знать исторію своего народа, его современное состояніе, правовыя основы его государственной жизни, главнѣйшія условія и требованія его дальнѣйшаго политическаго прогресса. Какъ извѣстно, до начала своей чисто политической карьеры Вильсонъ былъ профессоромъ публичнаго права. Его перу принадлежитъ нѣсколько весьма цѣнныхъ сочиненій по конституціонному праву вообще и по конституціонному праву Соединенныхъ Шта-

товъ, въ частности. По природѣ своей Вильсонъ, согласно свидѣтельству людей лично знающихъ его, энергиченъ и настойчивъ. Съ годами энергія и темпераментъ государственнаго человѣка въ немъ лишь все увеличивались. Итакъ, еще разъ: — Вильсонъ имѣлъ въ себѣ отъ природы и сильно развилъ цѣной настойчивой работы всѣ качества, необходимыя въ передовой современной странѣ государственному дѣятелю, призваніе котораго быть знаменоносцемъ политическаго прогресса быстраго и послѣдовательнаго.

Не взирая на свой искренній и глубокій идеализмъ, Вильсонъ чрезвычайно трезвъ, практиченъ, «почвененъ». Онъ ищетъ только реальнаго; онъ любитъ только результаты. — «Въ политикѣ — говоритъ онъ — я прагматистъ. Первая моя мысль всегда: дастъ-ли это результаты?» — Въ политикѣ.... Но развѣ мы знаемъ Вудро Вильсона, стоящаго внѣ политики или, точнѣе, внѣ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ? Даже въ качествѣ человѣка науки онъ практиченъ и прагматиченъ. Онъ не создаетъ и не защищаетъ никакой новой теоріи или тезы, онъ не выискиваетъ неизданныхъ документовъ и не занимается толкованіемъ текстовъ подъ тѣмъ или инымъ оригинальнымъ угломъ зрѣнія. Нѣтъ, ничто это его не интересуетъ. Напротивъ, ему интересно показать своимъ читателямъ, каковы практическіе недочеты американской конституціи и каковы должны быть практическія реформы для того, чтобы впредь правительство функціонировало лучше, чѣмъ до сихъ поръ. Или, напримѣръ, онъ систематизируетъ громадный фактическій матеріалъ, касающійся устройства государственной жизни во всѣ времена и у всѣхъ народовъ съ тѣмъ, чтобы матеріалъ этотъ можно было весьма удобнымъ образомъ использовать въ практическихъ учебныхъ цѣляхъ.

Сочетаніе въ Вильсонѣ идеализма съ практицизмомъ, широкаго полета воли съ даромъ трезваго разсчета, на мой взглядъ, также представляется типично американскимъ свойствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всецѣло въ стилѣ націй съ «*правовымъ*» характеромъ.

Съ другой стороны, не является-ли еще болѣе американскимъ въ Вильсонѣ то, что спрошенный однажды о читаемыхъ имъ книгахъ, онъ отвѣтилъ:

«Вотъ уже четырнадцать лѣтъ, какъ я не прочелъ ни одной серьезной книги. Лишь нѣсколько уголовныхъ романовъ спо-

собны были удержать мое вниманіе. Современные романы слишкомъ перегружены проблемами. А съ меня достаточно уже проблемъ. Иногда нѣсколько стиховъ: — я открываю когО-либо изъ моихъ излюбленныхъ поэтовъ. У Теннисона есть мѣста, которыя чрезвычайно пригодились мнѣ. Я не знаю никого, кто лучше, чѣмъ Теннисонъ, изложилъ бы теорію народоправства».

Быть можетъ, я заблуждаюсь и преувеличиваю, но мнѣ представляется, что въ приведенныхъ словахъ такого законченнаго американца, каковымъ по праву можетъ считаться Вильсонъ, можно усмотрѣть *одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ* всей современной американской цивилизаціи. По нимъ можно судить объ ея положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ. На нихъ можно наглядно показывать всю глубину различія между цивилизаціей въ Новомъ Свѣтѣ и европейской цивилизаціей. А въ особенности, быть можетъ, они пригодны для того, чтобы прослѣдить различіе между національными характерами «моральнымъ» и «правовымъ».

Въ самомъ дѣлѣ: —

Вильгельмъ II, будучи Гогенцоллерномъ и нѣмцемъ, не довольствовался своимъ назначеніемъ быть высшимъ политическимъ, военнымъ и религіознымъ представителемъ своей страны. Онъ стремился быть также и выразителемъ ея чисто культурныхъ запросовъ. Поэтому-то онъ такъ часто выступалъ, то въ качествѣ мудраго покровителя наукъ, то въ качествѣ художника, чьи символическія картины были выставлены въ Національномъ берлинскомъ музеѣ, то въ качествѣ автора проектовъ скульптурныхъ произведеній. Рѣшительно ничто въ культурной жизни его народа не проходило мимо него. Онъ открывалъ памятники, основывалъ музей, посѣщалъ театры и концерты, сидѣлъ рядомъ со студентами на университетскихъ лекціяхъ и въ Академіяхъ Искусствъ. Онъ то и дѣло приглашалъ къ себѣ во дворецъ профессоровъ, писателей и артистовъ, чтобы побесѣдовать съ ними, послушать ихъ и тѣмъ выразить имъ свое вниманіе и уваженіе.

Быть можетъ, онъ дѣлалъ все это главнымъ образомъ въ цѣляхъ популярности. Что жъ изъ того? Это могло бы только означать, что современный германскій императоръ и прусскій король не могъ разсчитывать на большую популярность,

если бы онъ не стоялъ на высотѣ широкихъ и сложныхъ культурныхъ теченій своего времени и своей страны.

Напротивъ современный американскій президентъ, одинъ изъ лучшихъ выразителей національныхъ американскихъ устремленій, — воленъ въ теченіе 14 лѣтъ не читать ничего, кромѣ Шерлока Холмса и Ната Пинкертона! — Даже если онъ по временамъ открываетъ книжечку со стихами, то вѣдь и то, какъ оказывается, потому только, что она могла «чрезвычайно пригодиться» ему. И наконецъ, не характерно-ли: — профессоръ государственнаго права признается, что лучшее изложеніе теоріи народоправства имъ нойдено.. именно въ сборникѣ стиховъ. Нѣтъ, все это не можетъ быть ни случайностью, ни чѣмъ-то чисто индивидуальнымъ. Подъ всѣмъ этимъ чувствуется нѣчто соціологически *закономѣрное*, если не неизбѣжное.

А кстати, по поводу Теннисона: — какова его формула демократизма или народоправства, которая такъ восхитила Вильсона-профессора и Вильсона-президента наканунѣ его перевыборовъ въ президенты?

Она выражена поэтомъ въ слѣдующихъ словахъ:

A nation yet the rulers and the ruled
Some sense of duty, something of a faith
Some reverence for the laws ourselves have made
Some patient force to change them when we will
Some civic manhood firm against the crowd*)

«Some» ... «Some» ... «Some» ... «Нѣкотораго рода» ... «Нѣкоторое» ... «Извѣстное» ... Воистину, *если* Теннисонъ *правильно передалъ въ приведенныхъ своихъ стихахъ смыслъ народоправства и демократизма, то это потому, что онъ вѣрно уловилъ самое существенное въ нихъ: относительный, релятивный характеръ нормъ, служащихъ главнымъ ихъ основаніемъ.* А когда Вильсонъ аплодируетъ подобному поэтико-политическому вдохновенію Теннисона, то не дѣлаетъ-ли онъ это вольно или невольно въ честь *принципіальнаго правового релятивизма,*

*) „Нація—это тѣ что управляютъ и тѣ, кѣмъ управляютъ. Нѣкоторое чувство долга, нѣкоторая доля вѣры, извѣстное уваженіе къ законамъ, которые мы сами установили для себя, нѣкоторая терпѣливая сила для того, чтобы измѣнить ихъ, когда мы того хотимъ, нѣкоторое гражданское мужество въ отношеніи толпы“ . . .

какъ одного изъ трехъ исконныхъ методовъ направленія соціальной жизни, создающаго рѣшительный перевѣсъ правовыхъ импульсовъ надъ импульсами моральными и чисто политическими? Но въ такомъ случаѣ, это, вѣдь, всецѣло подтверждаетъ то, что мы утверждали выше: народы съ отчетливо выраженнымъ правовымъ національнымъ характеромъ не ищутъ абсолютныхъ правилъ для своего поведенія; а вслѣдствіе этого ихъ цивилизація не можетъ обладать ни той глубиной, ни тѣмъ величіемъ, которыя — на это не приходится закрывать глаза — до сихъ поръ были неотдѣлимы отъ «абсолютистскаго» (моральнаго) воспріятія жизни, отъ любви къ абсолютному, отъ тоски по абсолютному.

Но вернемся непосредственно къ Вильсону.

Въ его интеллектуальномъ обликѣ есть еще другія черты, одинаково характерные для него и какъ для индивидуальности, и какъ для типичнаго американца.

Вильсонъ не любитъ революцій. Въ немъ нельзя обнаружить ни малѣйшей симпатіи даже къ французской революціи. Онъ съ похвалой отзывается о Берке, «уловившемъ разрушительное начало въ Революціи», и со своей стороны подчеркиваетъ заразительность и опасную эпидемичность этого начала. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его собственныя реформы проводились имъ съ энергіей, быстротой и настойчивостью почти революціонными. Ни въ какой мѣрѣ не приходится считать Вильсона и за консерватора. Но тѣмъ не менѣе онъ принадлежалъ къ правому крылу демократической партіи, любилъ старую Англію, проповѣдовалъ педагогическую пользу древнихъ языковъ, упрекалъ современную науку во впѣдреніи пренебреженія къ историческому прошлому. Съ полнымъ основаніемъ можно утверждать поэтому, что Вильсонъ одинаково близокъ и одинаково чуждъ какъ революціонному экстремизму, такъ и консерватизму. Въ своей мысли и въ своихъ дѣйствіяхъ онъ неизмѣнно выдерживаетъ какую-то среднюю пропорціональную между тѣмъ и другимъ. Но вѣдь именно таковымъ является по самой своей природѣ и по своему соціальному назначенію всякій либерализмъ и всякій правовой эволюціонизмъ, типичнымъ выразителемъ которыхъ Вильсонъ, несомнѣнно, является.

Духъ либерализма и эволюціоннаго правового прогресса больше всего обнаруживается въ любви къ реформамъ и въ

самихъ реформахъ. Способность и любовь Вильсона къ реформамъ воистину замѣчательны.

Такъ, въ качествѣ президента Принстонскаго университета онъ предпринялъ полную реорганизацію не только всей системы университетскаго преподаванія, но и порядка жизни студентовъ и даже ихъ нравовъ. Противъ него поднимается чрезвычайно сильная оппозиція. Онъ не смущается. Продолжаетъ начатое дѣло, борется и одерживаетъ крупныя побѣды. Не его вина, если побѣды эти оказались лишь временными.

Послѣ президентства въ Пристонѣ мы выдимъ Вильсона въ должности губернатора штата Нью-Джерси. Тамъ также — въ теченіе всего навсего одного года — имъ были осуществлены чрезвычайно важныя реформы. Онъ провелъ законъ, предписывающій публичность собраній политическихъ партій и устанавливающій особый порядокъ назначенія партійныхъ кандидатовъ. Благодаря ему прошелъ законъ, значительно усовершенствовавшій систему мѣстнаго самоуправленія въ штатѣ. Онъ подчинилъ болѣе сильному контролю финансовыя общества.

Ясно, что если бы въ 1912 году американскій народъ хотѣлъ имѣть у себя президента, лишеннаго иниціативы, безъ авторитета и безъ индивидуальности, если бы ему казалось необходимымъ и впредь слѣдовать привычными путями, то онъ ни за что не довѣрилъ бы самаго высокаго въ государствѣ поста такому лицу,какъ Вильсонъ. Напротивъ, если Вильсонъ не только былъ избранъ въ президенты въ 1912 году, но и переизбранъ въ 1916-мъ, то это потому главнымъ образомъ, что въ этотъ моментъ своей исторіи американскій народъ былъ преисполненъ яркихъ *либеральныхъ* настроеній и особенно жаждалъ *реформъ и прогресса.*

Въ качествѣ президента Вильсонъ былъ всемогущъ. Осуществляя свои многочисленныя и значительныя реформы въ общегосударственномъ масштабѣ, онъ умѣлъ легко устранять со своей дороги всѣ препятствія и парализовать всякую оппозицію, до оппозиціи конгресса включительно. Какимъ образомъ достигалъ онъ этого? Онъ этого достигалъ тѣмъ, что обращался непосредственно къ общественному мнѣнію всякій разъ, какъ нуждался въ поддержкѣ. И онъ неизмѣнно оказывался правъ въ своихъ разсчетахъ. Вполнѣ довѣряя законно избранному главѣ государства и въ согласіи со своимъ правовымъ націо-

нальнымъ характеромъ, американскіе граждане заранѣе обезпечивали ему свою поддержку — безъ колебаній. Не правда-ли, какая разница между этимъ типомъ поддержки и тою, какою могъ пользоваться императоръ и король Вильгельмъ II, опиравшійся на вѣковыя традиціи, на божественный ореолъ своей власти, на чувство пассивнаго повиновенія своего народа?

Само собой разумѣется, что только благодаря мощной поддержкѣ національнаго общественнаго мнѣнія Вильсонъ и могъ предпринять наиболѣе грандіозное изъ всѣхъ дѣлъ своей жизни — переустройство по своему всей международной жизни на совершенно новыхъ *юридическихъ* основаніяхъ.

Я имѣю сейчасъ въ виду его попытку организаціи центральной международной власти во образѣ Лиги Націй.

Остановимся на ней съ должнымъ вниманіемъ.

Прежде чѣмъ дойти до сознанія возможности и необходимости созданія Лиги Націй, Вильсонъ былъ вынужденъ продѣлать цѣлый рядъ этаповъ и испробовать совершенно различные политическіе пути. И это обстоятельство само по себѣ чрезвычайно характерно. Гдѣ же, кромѣ Америки, можно было въ столь короткій срокъ совершить столь быструю эволюцію и пойти навстрѣчу столь рѣшительному правовому прогрессу? Гдѣ, кромѣ современной Америки, одному человѣку — во имя и на основѣ права — была бы предоставлена безграничная свобода дѣйствій въ такомъ вопросѣ, отъ разрѣшенія котораго должны зависѣть въ будущемъ судьбы всего человѣчества? И вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько бы радикальной и чисто индивидуальной ни представлялась работа Вильсона въ области переустройства основъ международнаго права, все, что имъ ни дѣлалось, дѣлалось чрезвычайно *по американски* и всецѣло согласовалось *съ основными представленіями о правѣ и о прогрессѣ всего американскаго народа.*

Думаю, что съ этимъ безъ труда согласится всякій, кто проанализируетъ многочисленныя рѣчи, ноты и посланія этого замѣчательнаго президента за время, относящееся ко второй половинѣ великой войны.

Для примѣра укажемъ лишь на два мѣста изъ нихъ.

Въ своемъ январьскомъ обращеніи къ сенату въ 1917 году президентъ Вильсонъ говоритъ не только «какъ обыкновен-

ное лицо» и «отвѣтственный глава одного изъ великихъ правительствъ», но и — *«отъ имени либеральныхъ умовъ, отъ имени тѣхъ, кто въ каждой націи являются друзьями человѣчества во всемъ его цѣломъ»*. Американскій народъ не можетъ не играть выдающейся роли въ возстановленіи *всеобщаго мира.* Къ этой роли онъ въ правѣ считать себя нарочито подготовленнымъ. Его готовили къ ней какъ общіе принципы и цѣли всей его политики, такъ и установившіеся у его правительства методы дѣйствія съ тѣхъ самыхъ поръ, когда американская нація создалась во имя возвышенной и благородной надежды служить человѣчеству свѣточемъ на пути къ свободѣ. «Миръ, который предстоитъ заключить въ итогѣ безпримѣрной въ исторіи войны, долженъ получить одобреніе всего человѣчества» и не въ правѣ служить лишь частнымъ интересамъ или непосредственнымъ цѣлямъ заинтересованныхъ народовъ. Вильсонъ превосходно сознаетъ, что *никакое новое право не можетъ обойтись безъ принужденія* и безъ принудительной санкціи; одни соглашенія — указываетъ онъ — безсильны обезпечить прочный миръ. — «Поэтому является совершенно необходимымъ, чтобы была создана такая сила, которая служила бы гарантіей прочности состоявшагося соглашенія». — «Эта сила должна быть могущественнѣе не только каждой изъ нынѣ воюющихъ націй, но даже и любой коалиціи въ прошедшемъ и будущемъ, такъ чтобы никакой народъ и никакая возможная комбинація народовъ не могли противостоять ей». Иначе говоря, всеобщій миръ необходимо обезпечить «организованнымъ превосходствомъ силы всего человѣчества». «Нужно не равновѣсіе силъ, а объединеніе силъ; не организованное соперничество, а организованный общій миръ». Но это еще не все. — «Только тотъ миръ можетъ считаться долговѣчнымъ, который заключенъ между *равными,* который основанъ *на принципѣ равенства и равнаго* участія въ общихъ благахъ. Чувство правды и чувство международной справедливости настолько же нужны для установленія прочнаго мира, насколько необходимо для этого правильное разрѣшеніе жгучихъ вопросовъ территоріальнаго, племенного и національнаго характера». — Равенство націй, на которомъ должно покоиться зданіе прочнаго мира, выражалось бы въ ихъ равноправіи. «Взаимныя гарантіи этого равноправія не должны дѣлать различія между великими и малыми націями, между могущественными и слабыми». И еще дальше: —

«Никакой миръ не можетъ и не долженъ быть длительнымъ, если онъ не признаетъ и не принимаетъ *принципа, въ силу котораго правительства получаютъ всѣ свои полномочія на основаніи согласія управляемыхъ народовъ,* такъ что нигдѣ не можетъ существовать права, позволяющаго передавать народы отъ одного властителя другому, какъ если бы они были простою собственностью». И вотъ здѣсь-то мы приходимъ къ основной мысли всего заявленія, требующей, — «чтобы всѣ націи, по общему соглашенію приняли доктрину Монро въ качествѣ міровой нормы». Соглашеніе всѣхъ державъ не налагаетъ никакихъ путъ. «Когда всѣ объединяются для дѣйствія въ одномъ направленіи и съ одной цѣлью, то всѣ дѣйствуютъ въ общемъ интересѣ и имѣютъ возможность жить собственной жизнью подъ общей защитой.»

Еще болѣе конкретнымъ и отчетливымъ образомъ условія всеобщаго мира были указаны президентомъ Вильсономъ въ его рѣчи 8-го января 1918 года и въ его знаменитыхъ «четырнадцати пунктахъ». Оставимъ въ покоѣ тѣ изъ этихъ пунктовъ, которые предусматриваютъ спеціальный режимъ нѣкоторыхъ странъ и напомнимъ остальные, имѣющіе общее значеніе.

Пунктъ первый. — «Открытое обсужденіе условій мира, послѣ котораго никакія частныя международныя соглашенія не будутъ допускаться, а дипломатія будетъ дѣйствовать открыто и на глазахъ у общественнаго мнѣнія.»

Пунктъ второй: — «Полная свобода морей за предѣлами территоріальныхъ водъ, какъ въ мирное такъ и въ военное время, за исключеніемъ случаевъ, когда моря могутъ быть закрыты въ цѣляхъ выполненія международныхъ договоровъ.»

Пунктъ третій: — «Устраненіе, насколько это возможно всѣхъ экономическихъ барьеровъ и установленіе равенства условій торговли для всѣхъ націй, заключившихъ миръ и объединившихся для его поддержанія.»

Пунктъ четвертый: — «Достаточныя гарантіи должны быть даны въ томъ, что вооруженныя національныя силы будутъ сокращены до предѣловъ строго необходимыхъ для поддержанія внутренней безопасности.»

Пунктъ пятый: — «Свободное, искреннее и абсолютно безпристрастное изслѣдованіе всѣхъ колоніальныхъ притязаній со строгимъ соблюденіемъ принципа, согласно которому инте-

ресы затрагиваемыхъ націй должны имѣть съ точки зрѣнія суверенитета ту же цѣну, что и претензіи правительствъ, чьи права подлежатъ опредѣленію».

И наконецъ, послѣдній — четырнадцатый — пунктъ:

— «*Должна быть создана всеобщая Лига Націй съ международными гарантіями для обязательнаго обезпеченія политической независимости и территоріальной цѣлости одинаково и большихъ и малыхъ государствъ.*»

Да, всѣ эти заявленія — по ихъ формѣ и языку, точно такъ же, какъ и по ихъ содержанію — это весь Вильсонъ и вся новѣйшая Америка съ ея либерализмомъ, демократизмомъ, индивидуализмомъ, съ ея любовью къ прогрессу и равенству; словомъ, — Америка съ ея преимущественно правовымъ подходомъ къ соціальной жизни и соціальнымъ оцѣнкамъ.

IV.

Съ точки зрѣнія міровой политики, которая насъ здѣсь интересуетъ болѣе всего, знаменитый четырнадцатипунктный планъ Вильсона есть не что иное, какъ *федералистическая программа въ міровомъ масштабѣ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ — наиболѣе законченная программа *мірового либерализма.*

Изслѣдовать соціологическіе основы и элементы этого плана — значитъ далеко подвинуться впередъ въ пониманіи соціальной природы международнаго федерализма, условій его дальнѣйшаго прогресса, видовъ на его окончательную побѣду, какъ одного изъ трехъ основныхъ методовъ разрѣшенія международной проблемы. Но съ другой стороны, съ увѣренностью можно сказать, что только тотъ способенъ въ полной мѣрѣ оцѣнить историческое значеніе замѣчательной попытки Вильсона, кто достаточно ясно представляетъ себѣ соціальную природу всякаго федерализма вообще и теоретическую сущность международнаго федерализма, въ частности.

Федерализмъ...

Несмотря на весьма многочисленныя научныя изслѣдованія, посвященныя проблемамъ федерализма, сущность этого

явленія до сихъ поръ остается невыясненной. Обычно за проявленія федералистическаго духа принимаются всѣ тѣ историческія событія, которыя приводятъ къ сліянію малыхъ политическихъ единицъ въ болѣе обширныя или къ уплотненію взаимныхъ юридическихъ связей между государствами. Но съ другой стороны, если какое-либо унитарное (централизованное) государство распадается и въ итогѣ этого распаденія превращается въ сложное «союзное» государство или даже въ союзъ государствъ, то и фактъ подобнаго распаденія принимается за проявленіе все того же федерализма.

Разумѣется, отсюда сами собой вытекаютъ безчисленныя неясности и противорѣчія. Если федерализмъ съ такимъ же успѣхомъ обнаруживается въ уплотненіи политическихъ связей, какъ и въ ихъ распаденіи, то не выступаетъ-ли онъ въ роли весьма странной причины, при равныхъ условіяхъ производящей діаметрально противуположныя послѣдствія? Далѣе, становится совершенно неясно, способствуютъ-ли процессы федерализаціи развитію и укрѣпленію интернаціонализма или же они направлены принципіально противъ интернаціонализма и на пользу государству независимому и изолированному? Наконецъ, *въ высшей степени ошибочно видѣть въ федерализмѣ* — какъ это дѣлается сплошь и рядомъ — *единственную форму для всякаго интернаціонализма.* Мы уже имѣли случай констатировать раньше, что даже наиболѣе имперіалистическія государства по своему служатъ дѣлу интернаціонализма. Нѣсколько позже мы познакомимся съ основаніями революціоннаго соціалистическаго интернаціонализма, который также имѣетъ мало чего общаго съ подлиннымъ международнымъ федерализмомъ (какъ проявленіемъ міровою либерализма).

Въ чемъ же основная причина неясностей и противорѣчій въ вопросѣ о существѣ федерализма?

На мой взглядъ, она заключается въ томъ, что въ силу создавшейся научной традиціи федерализмъ принято усматривать во всякой наличной «федераціи» и «конфедераціи»: — обычное обманываніе понятій словами. *Федерализмъ благодаря этому неизмѣнно берется подъ чисто юридическимъ угломъ зрѣнія, а не подъ угломъ зрѣнія политическимъ.* Никто не придаетъ ему значенія опредѣленной соціальной *силы,* опредѣленной *тенденціи* и *методы.*

А между тѣмъ, — точь въ точь такъ же, какъ имперіализмъ, — федерализмъ по преимуществу характеризуется именно своими свойствами особой соціальной силы и послѣдовательной исторической тенденціи. Онъ прежде всего полный политическій антагонистъ имперіализма. Теоріи права, пожалуй, совершенно нечего дѣлать съ нимъ. Это всецѣло обязанность теоріи политики выяснить и опредѣлить, какимъ специальнымъ политическимъ надобностямъ отвѣчаютъ движенія федералистическія, какъ отличныя отъ всѣхъ остальныхъ политическихъ надобностей и отъ всѣхъ остальныхъ движеній. Кромѣ того, мы уже знаемъ, что всѣ крупные политическіе процессы имѣютъ свой собственный психологическій базисъ и соотвѣтствуютъ особымъ состояніямъ и предрасположеніямъ въ психикѣ націй и отдѣльныхъ людей. Слѣдовательно, разъ федерализмъ можетъ существовать въ качествѣ особаго рода политической силы и тенденціи, то необходимо, чтобы онъ покоился на какой-то особой *федералистической психологіи.*

Имперіализмъ — говорили мы — проистекаетъ изъ потребности (соціальной, политической и психологической) въ неравенствѣ, въ господствѣ, принужденіи и подчиненіи, въ эгоизмѣ, консерватизмѣ и централизаціи. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ федерализмомъ. *Онъ отвѣчаетъ потребности людей въ равенствѣ, содружествѣ, взаимномъ уваженіи, въ согласіи и добровольныхъ соглашеніяхъ, въ извѣстной долѣ альтруизма, въ либерализмѣ, въ планомѣрномъ эволюціонномъ прогрессѣ и децентрализаціи.*

Такимъ образомъ, съ чисто политической точки зрѣнія федерализмъ представляется намъ силой, направленной на объединеніе ранѣе независимыхъ политическихъ единицъ и на уплотненіе взаимныхъ связей между составными частями одной и той же единицы. И непремѣнно на основѣ соглашенія и равенства. Что же касается спеціально области *международныхъ отношеній,* то здѣсь федерализмъ выражаетъ собой *движеніе въ сторону объединенія всего человѣчества въ одно единое политическое цѣлое на основѣ свободнаго соглашенія всѣхъ націй, равныхъ въ своихъ правахъ и стремящихся отстоять свою національную индивидуальность.*

Вотъ почему, въ конечномъ итогѣ, могутъ существовать и конфедераціи и федераціи, не имѣющія рѣшительно ничего

общаго съ какимъ-либо федерализмомъ. И обратно: существуютъ имперіи, въ которыхъ федералистическій духъ проявляется со все большей и большей отчетливостью. Такъ напримѣръ, рейнская конфедерація 1806—1813 гг. и германская федерація 1871—1918 гг. заключали въ себѣ чрезвычайно мало подлинно федералистическихъ элементовъ. Зато, напротивъ, новѣйшая исторія взаимоотношеній между метрополіей и доминіонами въ Британской имперіи есть исторія совершенно послѣдовательной подстановки федералистическихъ началъ на мѣсто имперіалистическихъ.

Изслѣдуя природу имперіализма, мы предпочли говорить больше объ имперіалистической политикѣ, чѣмъ объ имперіалистическихъ странахъ. Точно также, обращаясь къ федерализму, слѣдуетъ сначала говорить о федералистической политикѣ (приводящей къ особому федеративному праву), а уже только потомъ — о *федералистическихъ* и федеративныхъ странахъ.

Точь въ точь какъ имперіалистическая политика, политика федерализма должна удовлетворять тремъ кардинальнымъ условіямъ: — 1. опираться на свои собственные методы; — 2. имѣть свои собственныя, специфическія тенденціи; — и 3. обладать особаго рода рессурсами, необходимыми для ея успѣха.

Два слова о каждомъ изъ этихъ условій: —

Методы федерализма намъ уже извѣстны: они выражаются въ его исхожденіи изъ начала равенства націй, изъ дружескаго согласованія ихъ дѣйствій, изъ соглашеній между ними, изъ ихъ взаимнаго уваженія, изъ извѣстнаго альтруизма, изъ вкуса ихъ къ децентрализаціи.

Что касается *специфическихъ тенденцій* федерализма, то они обнаруживаютъ себя прежде всего въ томъ, что онъ стремится *разрѣшить международную проблему созданіемъ міроваго юридическаго режима, для всѣхъ равнаго, съ помощью общей воли и объединенныхъ дѣйствій всѣхъ націй вмѣстѣ.*

Остается вопросъ объ особаго рода *рессурсахъ*, необходимыхъ федерализму для достиженія имъ желанныхъ успѣховъ. Однако, да будетъ намъ позволено этотъ вопросъ подмѣнить другимъ, очень близкимъ: — *объ условіяхъ успѣха міроваго федерализма.* Иначе говоря, мы хотимъ спросить себя: —

каковы наиболѣе существенныя условія должны быть выполнены для того, чтобы всѣ націи міра могли объединиться другъ съ другомъ на федеративныхъ началахъ. Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы тѣмъ самымъ будемъ знать, *при какихъ обстоятельствахъ міровой либерализмъ въ качествѣ одного изъ трехъ главныхъ путей мірового прогресса можетъ восторжествовать надъ своими противниками* — міровымъ консерватизмомъ и міровой революціей.

Здѣсь намъ снова предстоитъ вернуться непосредственно къ Америкѣ.

«Либеральный темпераментъ» и либеральныя настроенія восторжествовали въ Америкѣ надъ всѣми остальными политическими темпераментами вслѣдствіе особаго положенія Соединенныхъ Штатовъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ государствамъ и вслѣдствіе ихъ экономическаго благосостоянія, непрерывно возраставшаго. При создавшемся къ извѣстному моменту политическомъ положеніи дальнѣйшій прогрессъ не могъ бы имѣть мѣста. Значитъ, нужны были реформы. Тогда американцы, достаточно сильные политически, достаточно богатые экономически и достаточно привычные къ разнаго рода реформамъ, обратились къ реформамъ и нововведеніямъ наиболѣе быстрымъ и наиболѣе смѣлымъ Признаемъ въ такомъ случаѣ, что *первымъ условіемъ также и для успѣховъ мірового федерализма является то, чтобы всѣ государства были сильны, богаты и благополучны, чтобы прогрессъ въ области устройства ихъ международныхъ отношеній обѣщалъ лишь очевидныя выгоды и чтобы необходимыя реформы представлялись легко осуществимыми.*

Приведенное первое условіе логически влечетъ за собой второе: — для того, чтобы полезность федерализаціи была одинаково очевидна для всѣхъ американскихъ колоній и штатовъ, абсолютно необходимо было, чтобы всѣ они жили одними и тѣми же политическими воззрѣніями и политическими чаяніями. Въ данномъ случаѣ американскій примѣръ отнюдь не исключеніе. Напротивъ, всякая федеративная программа для своего осуществленія требуетъ извѣстнаго единства взглядовъ заинтересованныхъ соціальныхъ единицъ, которое одно способно запечатлѣть ихъ рано или поздно въ строго юридическомъ порядкѣ. Говоря другими словами, *правовое разрѣшеніе меж-*

дународной проблемы въ формѣ мірового федерализма (либерализма) *должно опираться на согласованное правовое сознаніе большинства націй.*

А теперь послѣднее условіе: — съ давнихъ поръ для Америки существовала — а быть можетъ, существуетъ, еще и по сегодня — немаловажная *внѣшняя* опасность, противъ которой лучше всего должно было защищать Америку тѣсное согласіе и сотрудничество всѣхъ американцевъ. Точно также мы въ правѣ сказать, что *и міровой федерализмъ*, какъ всякій вообще либерализмъ, *требуетъ для своего успѣха наличія серьезной опасности, которую только съ его помощью и можно парализовать.*

Отмѣтимъ, наконецъ, что если въ итогѣ великой войны 1914—1918 гг. Америка выдвинулась въ качествѣ лидера мірового либерализма, то это случилось какъ разъ благодаря совмѣстному дѣйствію трехъ вышеуказанныхъ факторовъ. Она могла побудить остальныя націи къ выполненію своей международной программы, потому что въ этотъ моментъ она являлась самою сильною изъ странъ и потому что всѣ страны нуждались въ ея помощи. Помимо этого, она была въ этотъ моментъ почти вся цѣликомъ за торжество демократическихъ идеаловъ, за свободу и за *юридическое* разрѣшеніе международной проблемы. А въ довершеніе всего рѣшительная побѣда въ войнѣ той или иной европейской державы, будь то Германія или кто-нибудь изъ ея противниковъ, непремѣнно грозила бы опасностью Америкѣ, такъ какъ всякая держава-побѣдительница непремѣнно стала бы имперіалистичной, реакціонной и агрессивной по отношенію къ другимъ державамъ.

Съ другой стороны, — *это также все по тѣмъ же тремъ основнымъ причинамъ державы Согласія одержали верхъ надъ своими противниками въ качествѣ своего рода міровой либеральной партіи, выступившей противъ міровой консервативной партіи.* Въ своей совокупности онѣ оказались несравнимо болѣе сильными и богатыми, чѣмъ враждебныя имъ Центральноевропейскія державы. Въ лицѣ этихъ послѣднихъ всѣ онѣ имѣли предъ собой страшную и непосредственно ощутимую опасность. И что особенно важно, — чтобы парировать эту опасность торжества Германіи и германизма, онѣ образовали *большинство* націй, согласившихся въ критическій моментъ

на принятіе однихъ и тѣхъ же основныхъ правовыхъ принциповъ международнаго равенства, международной свободы и устройства тѣснаго международнаго союза.

Но какъ все въ мірѣ сразу и рѣзко измѣнилось съ конца 1918-го года! Какъ мало сегодняшній день похожъ на вчерашній! Какъ наивны, оказывается, были надежды тѣхъ, кто искренно повѣрилъ въ возможность полнаго переустройства міра на новыхъ правовыхъ и политическихъ основаніяхъ!

Въ самомъ дѣлѣ: —

Стоило съ побѣдой надъ Германіей исчезнуть непосредственной внѣшней опасности, стоило народамъ въ итогѣ борьбы съ Германіей ослабить свои военныя національныя силы и растратить накопленное національное достояніе, какъ всѣ члены противугерманской коалиціи увидѣли себя лицомъ къ лицу съ затрудненіями, внутренними и внѣшними все болѣе многочисленными и все болѣе и болѣе непреодолимыми. Удивительно-ли, что каждый изъ нихъ началъ тогда изо всѣхъ силъ бороться противъ этихъ затрудненій за свой собственный страхъ и рискъ, совершенно не считаясь со своими вчерашними друзьями и союзниками? Удивительно-ли, что многообѣщавшіе «четырнадцать пунктовъ» Вильсона превратились въ оскорбительный для идеи международнаго прогресса Версальскій трактатъ, что съ каждымъ днемъ все больше и больше говорятъ о новыхъ и новыхъ войнахъ и что за минуту до начала этихъ войнъ самъ мудрый Эдипъ не въ состояніи окажется разрѣшить, кто кому въ нихъ будетъ врагъ и кто кому другъ?!

Для теоретика международныхъ отношеній все это свидѣтельствуетъ лишь объ одномъ: — едва только отпали три основныхъ условія для существованія и успѣха міроваго либерализма, какъ немедленно рухнула и вся оффиціальная программа этого либерализма. Во всякомъ случаѣ, нынѣ она менѣе, чѣмъ когда-либо способна преодолѣть ужасающій хаосъ, охватившій міръ и разливающійся по міру все болѣе и болѣе пьяной волной. И сколько еще лѣтъ продолжится это «нынѣ»! Да и настанетъ-ли еще когда-либо день, когда здоровый и уравновѣшенный правовой эволюціонизмъ снова (во образѣ міроваго *федерализма*) сдѣлается главнѣйшимъ факторомъ міроваго политическаго прогресса? Не будемъ, ни гадать, ни

пророчествовать, ни высказывать своихъ личныхъ вѣрованій или надеждъ. Ограничимся лишь тѣмъ единственнымъ выводомъ, на который насъ логически уполномачиваютъ всѣ наши предыдущія наблюденія и размышленія.

Мы въ правѣ спросить себя: —

Если когда-нибудь описанный хаосъ будетъ все же преодоленъ и преодоленъ не индивидуальными усиліями нѣкой новой имперіалистической націи и не съ помощью идеала и методовъ страшной всемірной революціи, то въ какомъ же порядкѣ можетъ случиться это? Не очевидно-ли, что это можетъ случиться лишь въ силу общаго дружественнаго соглашенія всѣхъ націй, снова ставшихъ могучими, богатыми, ревнующими о самомъ строгомъ взаимномъ равенствѣ; — націй, преисполненныхъ самаго искренняго взаимнаго уваженія и вошедшихъ въ единую федералистическую организацію, отражающую согласованность ихъ правового и соціальнаго сознанія. Другими словами говоря, это можетъ случиться лишь въ формѣ новаго — и на этотъ разъ уже окончательнаго — торжества знакомаго намъ *міроваго федерализма или либерализма.*

Предыдущую главу я закончилъ своего рода защитительной рѣчью въ пользу имперіалистической Германіи и Вильгельма II. Какъ побѣжденныхъ въ борьбѣ, обманувшихся, обманувшихъ другихъ и за все это обвиненныхъ своими побѣдителями несравнимо болѣе, чѣмъ допустимо, ихъ естественно было защищать тому, кто не принадлежитъ ни къ лагерю побѣжденныхъ, ни къ лагерю побѣдителей. Но кто подумалъ бы, что можетъ наступить часъ, когда понадобится защита Вильсона и Америки отъ упрековъ и обвиненій, отнюдь не вполнѣ напрасныхъ? А между тѣмъ, часъ этотъ уже наступилъ, мы живемъ въ немъ. Америка сама довольно недвусмысленно высказалась противъ Вильсона, — а, слѣдовательно, и противъ самой себя со своими горделивыми мечтаніями — рѣшивъ при очередныхъ президентскихъ выборахъ стать болѣе эгоистичной, болѣе консервативной, и болѣе безразличной къ интересамъ міроваго прогресса. Даже Америка, значитъ, не сумѣла *осуществитъ задачи: въ одно цѣлое спокойно и гладко соединитъ юридическими нормами человѣчество, которое еще такъ привыкло житъ разъединеннымъ и*

которое совершенно еще не имѣетъ единаго правового сознанія, абсолютно необходимаго для всякой небутафорской Лиги Націй.

Однако, если даже Америка, — даже она и въ такой исключительно благой пріятной міровой обстановкѣ! — не сумѣла выполнить такой задачи, то не является-ли она попросту исторически неосуществимой въ нашу эпоху? И если все же человѣчеству суждено болѣе менѣе скоро придти къ прочному политическому объединенію, то удастся-ли это ему безъ обращенія къ послѣднему, оставшемуся неиспользованнымъ въ міровомъ масштабѣ методу, — къ методу *революціонному?*

Иначе говоря, — быть или не быть *міровой революціи?*

Это тотъ вопросъ, надъ которымъ задумалась сейчасъ Исторія и который въ утвердительномъ смыслѣ хочетъ разрѣшить за нее Россія.

Такъ или иначе, но очередное *міровое слово* сейчасъ за Россіей и только за ней.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

МІРОВАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.
РОССІЯ И ЛЕНИНЪ.

МІРОВАЯ РЕВОЛЮЦІЯ. — РОССІЯ И ЛЕНИНЪ.

I.

Обычно Политику опредѣляютъ какъ «планомѣрное воздѣйствіе на государственныя дѣла» или какъ «сознательную государственную практику». Одни ея свойства обнаруживаютъ черты искусства и потому о Политикѣ говорятъ, какъ объ *искусствѣ* государственнаго управленія. Но въ ней есть и другого рода свойства: — тѣ, что приближаютъ ее къ области знанія, къ Наукѣ: — «политика есть *наука* о государственномъ управленіи».

Почему-то ученый споръ, давно уже тлѣющій вокругъ вопроса о существѣ Политики, сосредоточивается по преимуществу на одномъ этомъ пунктѣ: чѣмъ Политика является *больше*, искусствомъ или наукой? Или — нѣсколько въ другой формѣ: какимъ образомъ элементы искусства сочетаются въ Политикѣ съ элементами науки?

На мой взглядъ, всѣ приведенныя опредѣленія и контроверзы покоются на совершенно очевидномъ заблужденіи и ни въ какой степени не помогаютъ уясненію того, чѣмъ является Политика по своему существу и каково ея назначеніе.

Мнѣ представляется несомнѣннымъ, напримѣръ, что даже самая неискусная политика въ той же степени имѣетъ всѣ свойства Политики, что и самая ловкая, самая тонкая. Значитъ, элементы искусства не должны почитаться чѣмъ-то особенно характернымъ для Политики. Что же касается Политики какъ науки, то наукой она оказывается ни чуть не больше, чѣмъ любое другое жизненное явленіе, которое способно остановить на себѣ сознаніе людей и чрезъ это превратиться

въ предметъ научнаго постиженія. Слѣдовательно, свойства «знанія» и «науки» также не могутъ признаваться за основныя, опредѣляющія свойства Политики и конституировать ея понятіе.

Остается отождествленіе Политики со всякимъ вообще государственнымъ управленіемъ. Имъ также трудно удовлетвориться. Во-первыхъ, не всякое государственное управленіе есть непремѣнно политика; а, во-вторыхъ, не всякая политика есть непремѣнно государственное управленіе. *Она лишь особый родъ, особой способъ государственнаго управленія;* и вмѣстѣ съ тѣмъ она безусловно есть *нѣчто гораздо большее, чѣмъ только это.*

Говоря короче, *всякій ищущій опредѣлить существо Политики, съ самаго начала долженъ признать, что даже для того, чтобы выступать какъ искусство, какъ наука и какъ государственное управленіе, она прежде всего должна существовать сама по себѣ, быть чѣмъ-то сама по себѣ, — быть Политикой.*

Итакъ, что же она такое?

Она есть прежде всего *одна изъ трехъ основныхъ силъ соціально-этическаго порядка, управляющихъ измѣненіями и прогрессомъ въ соціальной жизни людей.* Такъ мы опредѣлили ее въ первой главѣ, такъ мы должны опредѣлять ее и теперь. Мы знаемъ уже, что легче всего можно понять природу Политики въ томъ случаѣ, если поставить ее въ соотношеніе съ категоріями Справедливости и Времени. *Мораль* — говорили мы — стремится управлять соціальной жизнью людей съ помощью нормъ абсолютныхъ, независимыхъ отъ условій эпохи и безусловно обязательныхъ для сознанія всѣхъ и каждаго. *Право* направляетъ человѣческія отношенія посредствомъ нормъ, установленныхъ въ принудительномъ порядкѣ, обязательныхъ лишь для той или иной опредѣленной массы людей и дѣйствительныхъ лишь въ теченіе опредѣленнаго періода или впредь до отмѣны въ предустановленномъ порядкѣ. Что же касается Политики, то она выражаетъ собой требованія отдѣльнаго, индивидуальнаго случая, отдѣльной неповторяемой ситуаціи; такимъ образомъ, ее спеціальное назначеніе въ томъ, чтобы обслуживать справедливое въ мо-

ментѣ и на моментъ *(какъ бы длителенъ порою моментъ ни былъ).*

Политика имѣетъ свои «общія правила», но она мало обращаетъ на нихъ вниманія, если съ ихъ помощью не достигается какая-нибудь непосредственная цѣль. Въ случаѣ надобности, — и это случается на каждомъ шагу, — она попросту передѣлываетъ, искажаетъ, вывертываетъ наизнанку эти свои «общія правила», лишь бы только они стали въ данномъ конкретномъ случаѣ ея послушными орудіями.

Въ Политикѣ есть и свои санкціи. Она всегда дѣйствуетъ въ границахъ, которыя не смѣетъ перейти безъ риска... безъ риска *провалиться.* И вотъ этотъ-то *рискъ провала,* эта *опасность неуспѣха и есть въ области Политики главнѣйшая изъ санкцій.* Напротивъ, если успѣхъ важнаго политическаго дѣла требуетъ рѣзкаго нарушенія права или наталкивается на противодѣйствіе моральныхъ заповѣдей, политикъ перешагиваетъ и черезъ право и черезъ мораль. Иначе онъ не былъ бы уже политикомъ, но либо охранителемъ права, либо слугой моральнаго долга. Именно по этой причинѣ Л. Толстой могъ утверждать, что человѣкъ, обладающій хоть минимальнымъ моральнымъ сознаніемъ, не можетъ быть политикомъ.*)

Изъ сказаннаго не вытекаетъ, однако, что Политика не имѣетъ ничего общаго ни съ Правомъ, ни съ Моралью. Напротивъ, — какъ нами отмѣчалось уже въ свое время, — она связана съ ними крѣпкими и тѣсными связями.

Въ самомъ дѣлѣ: —

Въ очень многихъ случаяхъ Политика стремится удовлетворить требованіямъ воистину моральнымъ, но только она прибѣгаетъ при этомъ къ методамъ и средствамъ, для морали совершенно непріемлемымъ. Въ другихъ случаяхъ это она, Политика, дѣлаетъ въ зависимости отъ обстоятельствъ момента окончательный выборъ между двумя конкуррирующими нормами Морали. Наконецъ, въ тѣхъ спорахъ между Моралью и

---

*) Не только нравственная, но не вполнѣ безнравственная личность не можетъ бытъ на престолѣ или министромъ или законодателемъ, рѣшителемъ и опредѣлителемъ судьбы цѣлыхъ народовъ. Нравственный, добродѣтельный государственный человѣкъ есть такое же внутреннее противорѣчіе, какъ нравственная проститутка, или воздержанный пьяница или кроткій разбойникъ. Дѣятельность всякаго правительства есть рядъ преступленій — („Единое на потребу. — О государственной Власти“).

Правомъ, въ которыхъ никто изъ нихъ не въ состоянiи одержать верхъ надъ противникомъ, окончательное рѣшенiе очень часто остается опять- таки за Политикой.

Еще болѣе тѣсны, пожалуй, отношенiя Политики къ Праву. Съ полнымъ основанiемъ можно было бы утверждать даже, что первая находится на службѣ у второго, если бы одновременно нельзя было съ такимъ же основанiемъ утверждать и обратнаго. И дѣйствительно, политика проявляетъ себя всюду, гдѣ нѣтъ на лицо подходящихъ юридическихъ нормъ; такимъ образомъ она замѣняетъ Право. — Когда новая правовая норма стремится войти въ жизнь, Политика подготовляетъ ее прiятiе пропагандой въ прессѣ, обезпеченiемъ ей большинства въ парламентѣ, устраненiемъ заинтересованныхъ противодѣйствiй ей. — Самый текстъ законовъ сплошь и рядомъ оказывается простой равнодѣйствующей многообразныхъ и противорѣчивыхъ политическихъ влiянiй. — Проведенный въ установленномъ порядкѣ законъ можетъ легко остаться мертвой буквой, если Политика не обезпечитъ ему достаточнаго уваженiя и строгаго выполненiя. — Но вотъ правовое предписанiе отжило свое время, становится непрактичнымъ, несправедливымъ и нуждается въ замѣнѣ его новымъ; Политика снова тутъ, чтобы провести эту замѣну. — Существующiя въ каждой цивилизованной странѣ политическiя партiи организуются и взаимно отгораживаются по признаку ихъ отношенiя къ существующей системѣ права, которую онѣ хотятъ или поддерживать, или планомѣрно усовершенствовать, или разрушать. — Самый успѣхъ политическихъ партiй и ихъ методы дѣйствiя также находятся въ прямомъ соотношенiи съ Правомъ. Если Право на высотѣ своей задачи, политическая жизнь развертывается нормально, политическая борьба протекаетъ въ легальныхъ формахъ, консервативныя партiи — господа положенiя. Если Право требуетъ серьезныхъ реформъ, но само же указываетъ и пути къ реформамъ, тогда руководящую роль получаютъ въ странѣ либеральныя партiи. Если же, наконецъ, правовой порядокъ пересталъ быть устойчивымъ, практичнымъ и справедливымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не найдено еще путей для его планомѣрнаго и безболѣзненнаго усовершенствованiя — тогда руководящее значенiе получаютъ революцiонныя настроенiя, революцiонныя партiи, революцiонная политика.

Чтобы еще отчетливѣе усвоить себѣ соціальную природу и соціальное назначеніе Политики, слѣдуетъ неизмѣнно имѣть въ виду три наиболѣе характерныя изъ ея чертъ: — 1. она по самому существу своему всегда *персональна* (въ личномъ или групповомъ смыслѣ); — 2. она обнаруживаетъ себя почти исключительно лишь въ *дѣйствіи;* — 3. она *чрезвычайно сложна,* такъ какъ рѣшительно ничто не безразлично ей, все на нее вліяетъ и на все она сама вліяетъ.

Нѣтъ Морали тамъ, гдѣ внутреннее сознаніе человѣка не служитъ ему проводникомъ абсолютныхъ велѣній. Нѣтъ Права тамъ, гдѣ соотвѣтствующимъ образомъ формулированныя предписанія не установлены принудительно и не поддерживаются принудительно «законными властями». Въ Политикѣ несущественно, кто и какъ дѣйствуетъ и по какимъ побужденіямъ, но только вовсе нѣтъ Политики тамъ, гдѣ никто и никакъ не дѣйствуетъ.

Будучи по преимуществу дѣйствіемъ, Политика особенно интересуется всѣмъ тѣмъ, что способно произвести немедленный, непосредственный эффектъ. Политикъ съ величайшимъ вниманіемъ относится иногда къ самымъ ничтожнымъ нюансамъ и штрихамъ событій и къ явленіямъ мгновеннымъ и безслѣдно проходящимъ. Отдалъ-ли г. X визитъ г-ну У и когда; любитъ или не любитъ г. Z играть въ бриджъ; была-ли г-жа W любезна и почему на пріемѣ у Т г. R такъ мало говорилъ, все это для политика можетъ составлять вопросы первостепенной важности и таитъ въ себѣ причины его успѣховъ или пораженій.

Умѣніе разбираться въ смѣнѣ событій и пользоваться наиболѣе случайными и неожиданными сочетаніями ихъ — едва-ли не все въ Политикѣ. Но, вѣдь, всякій обреченъ жить въ особомъ сочетаніи обстоятельствъ, быть своимъ собственнымъ центромъ ихъ, и принимать рѣшенія по преимуществу на свой личный страхъ. Вотъ почему Политика всегда столь персональна и тяготѣетъ одновременно ко многимъ центрамъ. Вотъ почему не можетъ быть настоящимъ политикомъ человѣкъ, неспособный дѣйствовать за свою личную отвѣтственность и не имѣющій своихъ собственныхъ политическихъ видовъ, цѣлей и путей. Великіе политики это непремѣнно крупные самостоятельные характеры, созданные для того, чтобы навязывать

свою волю другимъ, управлять по своему событіями или, по крайней мѣрѣ, дѣлать видъ, что управляютъ ими. И чѣмъ больше кто-нибудь «персоналенъ», «личенъ» въ своей политической дѣятельности, тѣмъ болѣе онъ значителенъ въ качествѣ политика.

II.

Теперь спросимъ себя: —

Всякое чисто персональное дѣйствіе не есть-ли, по самому характеру своему, *дѣйствіе революціоннаго порядка, маленькая или большая революція;* и, во всякомъ случаѣ нѣтъ-ли въ немъ чего-то весьма *родственнаго съ революціонными дѣйствіями и съ революціоннымъ духомъ?*

Революціонеръ не имѣетъ уваженія къ авторитетамъ и ставитъ себя внѣ законовъ Морали и Права, выше ихъ. Онъ всегда борется. Онъ любитъ разрушать. Онъ организаторъ. Онъ хочетъ въ чрезвычайно неблагопріятныхъ обстоятельствахъ достичь осуществленія поставленной себѣ задачи.

А политикъ?

Онъ совершенно въ томъ же положеніи. Но здѣсь не сходство, а именно взаимопроникновеніе понятій. *Наиболѣе чистый типъ политика нужно искать среди революціонеровъ; а политикою, наиболѣе свободною отъ всѣхъ постороннихъ примѣсей (моральныхъ и правовыхъ), несомнѣнно является политика революціонная.*

Фактъ этотъ можно объяснить и иначе. Мы уже отмѣчали однажды тѣсную взаимную связь между моральными устремленіями и консерватизмомъ. Всякій консерваторъ есть лицо, поддерживающее существующій публичный порядокъ. Чтобы дѣйствовать въ качествѣ политика, консерваторъ не имѣетъ необходимости опираться только на политику. На его мельницу льютъ воду и Мораль съ ея абсолютными предписаніями и санкціями, и Право со всѣмъ его могучимъ аппаратомъ принужденія. Слѣдовательно, онъ можетъ достигать чисто политическихъ эффектовъ, дѣйствуя въ качествѣ человѣка преисполненнаго Морали, или слѣдующаго путями Права. Приблизительно также обстоитъ дѣло и съ либераломъ или прогрессистомъ. Этотъ — въ первую очередь опирается на Право

и лишь во вторую на Мораль, но и онъ, слѣдовательно, сверхъ чисто политическихъ рессурсовъ располагаетъ въ своей дѣятельности еще и рессурсами моральными и правовыми. Напротивъ, совсѣмъ въ иномъ положеніи находится революціонеръ. Установленная Мораль сдѣлалась, съ его точки зрѣнія, служанкой недопустимаго соціально-политическаго порядка и потому она для него не Мораль. — Равнымъ образомъ и Право, выражающееся въ нормахъ, которыя слѣдуетъ безъ остатка разрушить, не есть для него Право. Поэтому-то онъ и возстаетъ противъ ихъ обоихъ. Онъ протестуетъ противъ нихъ. Онъ борется противъ нихъ всѣми возможными для него средствами; не бѣда при этомъ, что многія среди нихъ кажутся совершенно «невозможными» его противникамъ. Борьба противъ старыхъ Права и Морали становится всей его жизнью. Все для этой борьбы. Все ради того, чтобы она завершилась побѣдой . . .

Если существующій правовой порядокъ и моральныя традиціи достаточно еще крѣпки и ихъ трудно сокрушить, революціонеръ идетъ на то, чтобы пожертвовать своей жизнью. Его повѣсятъ, но смерть его найдетъ широкій откликъ, а его идеи, благодаря ней, найдутъ новыхъ послѣдователей. Когда же вмѣсто того, чтобы умереть — болѣе *практичнымъ* и *цѣлесообразнымъ* становится вести секретную пропаганду или дѣйствовать заграницей, революціонеръ поселяется въ конспиративныхъ квартирахъ, «уходитъ въ подполье» или превращается въ политическаго эмигранта. Если удобнѣе всего расшатывать существующій политическій строй возстаніями, революціонеръ устраиваетъ возстанія. Если онъ находитъ моментъ подходящимъ для революціоннаго взрыва, онъ и его товарищи выкидываютъ красный революціонный флагъ.

Короче говоря, все поведеніе и вся психологія подлиннаго революціонера цѣликомъ обусловлены возложенной имъ на себя политической задачей, но отнюдь не «моральными предразсудками» или «уваженіемъ къ праву». Какимъ образомъ въ этомъ революціонномъ служеніи, при всѣхъ его отрицательныхъ сторонахъ, отражаются все же велѣнія Высшаго Добра и дѣйствительно Абсолютной Справедливости — это совершенно иной вопросъ. Чрезвычайно интересный и серьезный, онъ цѣликомъ относится къ области философской этики и здѣсь, къ сожалѣнію, не можетъ быть ни разрѣшенъ, ни даже разсмотрѣнъ.

Человѣкъ безъ большой силы характера и безъ энергіи не годится въ революціонеры. Но однихъ характера и энергіи въ данномъ случаѣ недостаточно. Главное въ революціонерѣ — *способность къ жертвамъ.* Нужно умѣть порвать всѣ нити, привязывающія человѣка къ его окружающимъ. Нужно привыкнуть къ нуждѣ, къ необезпеченности завтрашняго дня, къ преслѣдованіямъ. Больше: истинный революціонеръ долженъ умѣть жертвовать не только своей собственной жизнью, но и жизнью своихъ лучшихъ сотрудниковъ и друзей. Въ случаѣ надобности, онъ долженъ безъ колебанія посылать ихъ въ тюрьмы, на баррикады, на казнь. Чтобы привлекать все новыхъ и новыхъ послѣдователей, ему приходится преувеличивать успѣхи революціоннаго дѣла, а иногда и просто лгать. Лжетъ онъ и для того, чтобы скрыть отъ непосвященныхъ или отъ враговъ свои истинныя намѣренія, — иначе самая его дѣятельность сдѣлалась бы невозможною. Обстоятельства могутъ заставить его дѣлать и много другихъ предосудительныхъ, съ обычной точки зрѣнія, поступковъ и, даже вообще считать, что ему рѣшительно все позволено ради его дѣла. Да, да — ради дѣла онъ готовъ идти на все. Все ради побѣды! Однако, потому-ли только дѣлаетъ онъ все это, что онъ революціонеръ? Нѣтъ, на мой взглядъ — прежде всего потому, что онъ политикъ.

Когда революціонныя настроенія достаточно назрѣли въ странѣ, создается цѣлая градація революціонныхъ типовъ. Одни изъ нихъ стремятся оставаться вѣрными первоначальнымъ идеаламъ и предпочитаютъ работать съ помощью испытанныхъ революціонныхъ пріемовъ; другіе находятъ выгоднымъ войти въ контактъ и соглашеніе съ нереволюціонными, но прогрессивными кругами; третьи, напротивъ, все болѣе и болѣе повышаютъ свои революціонныя требованія, провозглашаютъ догматы все болѣе радикальные и предпринимаютъ дѣйствія, все болѣе «крайнія», «экстремистскія».

И вотъ — революція вспыхнула.

Что приноситъ она съ собою въ первую очередь?

Она разрушаетъ старый правовой строй, отодвигаетъ на задній планъ вѣковыя моральныя традиціи и затѣмъ сама склоняется предъ капризами и порывами «революціоннаго момента». Герои революціи появляются на шумной исторической сценѣ, дѣйствуютъ нѣкоторое время и затѣмъ исчезаютъ кто безнадежно скомпрометтированный, кто запуганный ходомъ

событій, кто, — поплатившись жизнью за мигъ творчества, власти и славы.

У каждаго своя собственная идея революціи. Каждый воленъ дѣйствовать по собственному плану и за свой личный рискъ и страхъ. У революціоннаго процесса есть и своя логика, и своя психологія, но логика и психологія, недоступныя пониманію всѣхъ или большинства. Нужна какая-то особая интуиція, чтобы умѣть понять ихъ, пользоваться ими и направлять ихъ. Однимъ словомъ, для этого нужно обладать *геніемъ революціоннаго вождя;* а обладать имъ, естественно, могутъ однѣ только единицы. Зато лицо, надѣленное такого рода геніемъ, не можетъ не являться одновременно *геніальнымъ политикомъ.*

Ясно почему: —

Все въ подлинной революціи зависитъ отъ момента. Одна рѣчь, одинъ батальонъ солдатъ или поѣздъ съ провіантомъ могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, рѣшить судьбу всей революціи. Слѣдовательно, нужно имѣть талантъ быстро принимать вѣрныя рѣшенія, быстро и легко лавировать ради достиженія данной временной цѣли, внезапно мѣнять свои намѣренія, обѣщанія, методы дѣйствія, находить новые рессурсы.

Говоря другими словами: — это именно во время революціи необходимо прежде всего *дѣйствовать:* — это революціонеры умѣютъ дѣйствовать съ наибольшей рѣшительностью и энергіей; — это революція, наконецъ, съ наибольшей неумолимостью парализуетъ всякое право и всякую мораль. Слѣдовательно, *состояніе революціи совершенно исключительно благопріятно для того, чтобы Политика сдѣлалась главнѣйшей движущей пружиной соціальной жизни за счетъ Морали и за счетъ Права.*

Съ этой точки зрѣнія можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что чѣмъ больше въ той или иной странѣ существуетъ благопріятныхъ условій для революціи, тѣмъ болѣе Политика беретъ въ ней, въ качествѣ соціальнаго двигателя, верхъ надъ Моралью и Правомъ. И обратно: — чѣмъ больше въ данной соціальной средѣ Политика беретъ верхъ надъ двумя другими силами соціальнаго прогресса, тѣмъ больше тамъ благопріятныхъ условій для революціи.

Отъ этого заключенія самъ собой напрашивается переходъ къ другому заключенію, для насъ здѣсь еще болѣе важному.

А именно:

Если въ средѣ народовъ есть такіе, которые надѣлены по преимуществу «политическимъ» характеромъ, какъ есть другіе съ характеромъ по преимуществу «правовымъ» (Америка Вильсона) или «моральнымъ» (Германія Вильгельма II), то это безусловно должны быть народы, живущіе въ наиболѣе ненормальныхъ, неустойчивыхъ соціально-политическихъ условіяхъ и наиболѣе предрасположенные къ революціямъ.

Главнѣйшими изъ условій, предрасполагающихъ страны къ революціямъ, мнѣ представляются нижеслѣдующія: —

Весьма отсталое государственное устройство.

Правительство, кажущееся весьма сильнымъ и опирающееся на господствующія меньшинства при полномъ пренебреженіи къ интересамъ подавляющаго большинства населенія.

Полная невозможность измѣнить правительственный строй въ порядкѣ мирномъ и съ помощью средствъ легальныхъ.

Мало удовлетворительное внутреннее состояніе государства и, въ особенности — плохое его экономическое положеніе.

Непосредственныя внѣшнія опасности.

Весьма отсталая цивилизація.

Разительныя соціальныя неравенства.

Бурное историческое прошлое страны, заполненное внезапными политическими перемѣнами, возстаніями и революціями разнаго рода и разнаго значенія.

Недовольство народа существующимъ положеніемъ вещей, превратившееся въ его естественное состояніе.

Почти полное отсутствіе политическаго опыта и интереса къ политическимъ дѣламъ у подавляющаго большинства народныхъ массъ.

Общественное мнѣніе слабое и раздробленное.

Исключительно сильное вліяніе отдѣльныхъ личностей въ качествѣ вождей партій или публицистовъ.

Существованіе въ теченіе долгаго времени и относительно весьма сильное вліяніе революціонныхъ обществъ и группировокъ.

И, наконецъ, — быть можетъ, наиболѣе существенное условіе: —

Революціонный духъ долженъ владѣть въ такомъ народѣ не широкими народными массами (революціи никогда не дѣлаются большинствомъ), но лишь сравнительно очень небольшимъ числомъ лицъ, интересующихся ходомъ политическихъ дѣлъ и стремящихся защищать массы противъ угнетенія ихъ господствующими классами. Что же касается самихъ массъ, то онѣ должны представляться лишь удобнымъ горючимъ матеріаломъ въ рукахъ революціонеровъ по призванію, готовымъ проявить себя въ подходящій моментъ сборищемъ людей, лишенныхъ правового смысла и отказавшихся отъ всѣхъ моральныхъ устоевъ.

Такимъ образомъ, у народовъ — «консерваторовъ» съ ярко выраженнымъ «моральнымъ» характеромъ *моральными* должны являться (хотя бы въ принципѣ) *всѣ*. У народовъ — «либераловъ» или «прогрессистовъ», обладающихъ «правовымъ» характеромъ, право должно поддерживаться *большинствомъ* населенія. У народовъ — «революціонеровъ» съ ихъ преимущественно «политическимъ» темпераментомъ революціонную политику дѣлаютъ *меньшинства и отдѣльныя единицы.*

Но съ другой стороны: —

Когда въ той или иной странѣ, Мораль оказывается доминирующей соціальной силой, то она дѣйствуетъ лишь въ интересахъ *отдѣльныхъ правящихъ единицъ и ничтожныхъ меньшинствъ.* Когда Мораль уступаетъ первенствующее мѣсто Праву, то выгодами Права начинаетъ пользоваться *организованное (формальное?) большинство населенія.* Когда же въ процессѣ внезапно разразившейся революціи ходомъ соціальныхъ дѣлъ единовластно берется править Политика, тогда *на первый планъ выдвигаются воля и прихоти* всѣхъ, *тогда* всѣ *должны быть относительно удовлетворены и* всѣ *рѣшаютъ участь революціи.*

Отсюда — новый характерный признакъ Политики, какъ источника всякой революціи: —

Вмѣсто того, чтобы покоиться на началѣ неравенства и іерархіи, какъ Мораль, — или на началѣ равенства, какъ

Право, революціонная Политика ищетъ свою опору въ принципѣ *неразличенія и единства.*

Единство есть самая основная категорія всякой Революціи. Объединеніе всѣхъ — ея первая цѣль, потому что только цѣль объединенія и можетъ увлечь одновременно в с ѣ х ъ.

Въ полномъ согласіи съ только что отмѣченной необходимостью для революціи опираться на дезорганизованныя, своевольныя массы и затѣмъ ихъ объединять вырабатываются обычно *революціонныя программы.*

Въ маленькой странѣ достаточно бываетъ иногда весьма скромныхъ требованій, чтобы зажечь революцію и вести ее подъ ихъ флагомъ. Но подобныя революціи не могутъ получить широкаго размаха и заканчиваются сравнительно мало существенными перемѣнами. Мы же здѣсь интересуемся лишь странами, мощно вліяющими на ходъ всей международной жизни и, слѣдовательно, вниманіе наше мы можемъ обращать лишь на тѣ изъ революцій, которыя способны пріобрѣсти значеніе революціи міpового масштаба.

Мы, значитъ, спрашиваемъ себя:

— Каково должно быть содержаніе революціонной программы для того, чтобы очень большая страна могла увлечься ею?

— Наличіе какихъ условій требуется для того, чтобы подобнаго рода программа могла осуществиться хотя бы временно?

— При какихъ условіяхъ революція въ одной изъ крупныхъ странъ способна превратиться въ міровую революцію?

Отвѣчаемъ: —

Очень большая страна, правительственное устройство которой находится въ весьма отсталомъ состояніи, и въ которой относительныя спокойствіе и благополучіе поддерживаются путемъ гнета и принужденія, — предполагаетъ населеніе весьма пестраго національнаго состава, части котораго живутъ своею обособленною жизнью и держатся въ повиновеніи цѣлому на основаніи девиза: divide et impera, раздѣляй и властвуй. Желая привлечь къ себѣ въ такихъ странахъ симпатіи наиболѣе широкихъ народныхъ массъ — т. е. массъ, стоящихъ въ большинствѣ на очень низкомъ культурномъ уровнѣ и находящихся въ самыхъ разнообразныхъ культурныхъ условіяхъ, соотвѣт-

ствующая революціонная программа должна быть въ состояніи удовлетворять всѣхъ и каждаго безъ различія ихъ національнаго происхожденія, степени духовнаго развитія и при единственномъ лишь условіи, что пріемлющій ее тяжко страдаетъ отъ существующаго соціальнаго и политическаго неустройства.

По этой причинѣ революціонная программа, о которой рѣчь, должна быть весьма простой по составу своихъ мыслей и для всѣхъ легко понятной. Она должна содержать въ себѣ требованія, весьма заманчивыя для всякаго, кто страдаетъ и морально и матеріально. Она должна обращаться къ инстинктамъ и чувствамъ наиболѣе простымъ и естественнымъ. Она должна взывать къ справедливости, но къ справедливости упрощенной, грубой, карающей и обѣщающей награды.

Чѣмъ болѣе обширна и радикальна революціонная программа, тѣмъ лучше она должна быть разработана и тѣмъ дольше принуждена она ожидать своего возможнаго осуществленія. Силою вещей революціонеръ съ широкими политическими горизонтами, не желающій довольствоваться посредственными результатами или преходящими успѣхами и принимаемый за утописта даже въ средѣ своихъ ближайшихъ друзей, превращается въ *теоретика революціи.*

Онъ развиваетъ и оттачиваетъ программу своей партіи. Онъ старается укрѣпить и углубить ея научныя основы. Онъ заботливо собираетъ и систематизируетъ всѣ данныя, историческія, статистическія и другія, такъ или иначе полезныя для революціоннаго дѣла. Онъ тщательно изучаетъ основы революціонной тактики. Онъ ясно отдаетъ себѣ отчетъ во всемъ, что теоретически благопріятно или неблагопріятно для революціи, что можетъ обусловить ея окончательный успѣхъ или, напротивъ, полное ея крушеніе.

Еще разъ: — какое разительное отличіе отъ либерала, а тѣмъ болѣе отъ консерватора. Консерваторъ не призванъ создавать нѣчто совершенно новое и преодолѣвать непреодолимыя препятствія. Для своей текущей работы онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи все, что ему нужно. Всѣ основныя проблемы его политическаго направленія обдуманы и разрѣшены съ давнихъ поръ. Все заранѣе приготовлено; на все имѣется традиція, привычка, система и порядокъ. Ему достаточно лишь *продолжать* — почти автоматически, совершенно спокойно. Свое вниманіе ему при-

ходится обращать лишь на детали и на нюансы, на измѣненія второстепеннаго значенія. Даже наиболѣе рѣшающія событія ему не представляются исключительными и чрезвычайными, требующими новыхъ методовъ дѣйствія и новыхъ принципіальныхъ предпосылокъ. Онъ вообще не способенъ представить себѣ, чтобы возможны были такія обстоятельства, при которыхъ возникалъ бы вопросъ о новыхъ методахъ и о новыхъ предпосылкахъ. А тогда для чего же ему всякія «теоретическія обоснованія», всякія проблемы тактики, упорныя подготовительныя работы — словомъ все то, что отъ противниковъ его, революціонеровъ, требуетъ исключительныхъ личныхъ качествъ и почти сверхчеловѣческаго напряженія воли?

Въ конечномъ счетѣ отмѣченная разница въ положеніи революціонера и консерватора сводится къ очень простому общему правилу: чѣмъ труднѣе данному лицу достичь желанной политической цѣли, тѣмъ больше разнаго рода усилій должно быть сдѣлано имъ. И обратно: чѣмъ легче цѣль, тѣмъ меньше нужно для нея усилій. При желаніи можно прибавить: въ той мѣрѣ, въ какой невозможно достичь желаемаго эффекта съ помощью однихъ только «честныхъ» пріемовъ, политикъ по необходимости обращается къ пріемамъ менѣе безукоризненнымъ, а то и просто безчестнымъ. Послѣднее въ одинаковой мѣрѣ относится не только къ политикамъ-революціонерамъ, но и къ либераламъ и къ консерваторамъ. Либерализмъ и консерватизмъ, стало быть, ни съ какой стороны не являются гарантіей максимальной этической безукоризненности своихъ служителей. Здѣсь, быть можетъ, съ особенной наглядностью сказывается, насколько мало способны покрывать другъ друга представленія объ этически совершенномъ *(о нравственности)* и представленія о моральности и правѣ.

Въ современную намъ эпоху — а, по существу, и во всѣ вообще эпохи — наиболѣе широкой, законченной и типичной революціонной программой является программа *революціоннаго соціализма.* Взятыя въ своемъ чисто политическомъ аспектѣ, сущность и руководящая тенденція соціализма сводятся къ *полному объединенію* условій жизни всѣхъ людей, къ единству всѣхъ, къ требованію единой организаціи всѣхъ въ качествѣ людей трудящихся. Долой всякое неравенство и лживое, искусственное равенство. Впередъ отъ демократіи, лице-

мѣрно провозглашающей это равенство, чтобы вѣчно поддерживать самыя разительныя неравенства! Пусть будутъ отмѣнены права большинства надъ меньшинствами. Каждому по потребностямъ. Соединяйтесь же пролетаріи всѣхъ странъ, чтобы — побѣдивъ всѣхъ враговъ своихъ — стать въ будущемъ единой соціальной силой во всемъ мірѣ и во всемъ человѣчествѣ! Во имя этой высокой цѣли — безпощадная борьба со всѣми притѣснителями и эксплуататорами. А послѣ ... послѣ уже болѣе никакой закамепѣлой морали и никакого двуличнаго права; но самое совершенное и неукоснительное приспособленіе всѣхъ соціальныхъ правилъ ко всѣмъ рѣшительно, даже наиболѣе случайнымъ и преходящимъ, требованіямъ соціальной жизни. То-есть: — неограниченное господство Политики.

Соціалисты всегда отчетливо сознавали, насколько трудно въ современныхъ условіяхъ достичь подобнаго идеала. Потому-то, несомнѣнно, они и выработали съ такимъ трудолюбіемъ и съ такой настойчивостью свою «научную» соціалистическую доктрину; потому-то они такъ крѣпко и держатся за нее, какъ за главнѣйшее свое оружіе; потому-то они и являются лучшими спеціалистами въ вопросахъ тактики, виртуозами революціонной пропаганды и суровыми рыцарями дисциплины.

Однако, я говорю здѣсь, конечно, не о тѣхъ соціалистахъ, что соціалисты лишь по названію, и не о тѣхъ революціонерахъ, что революціонеръ лишь по паспорту.

III.

Среди всѣхъ великихъ народовъ *Русскій Народъ* наиболѣе предрасположенъ играть міровую роль съ помощью средствъ по преимуществу «политическихъ» и революціонныхъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить его исторію, его этническій составъ, его правительственный строй до марта 1917 года, основной характеръ его политической идеологіи.

Русская исторія ...

Насколько она мятежна, хаотична, изначально лишена всего, что было бы въ состояніи кристаллизоваться и сдѣлаться прочнымъ и устойчивымъ. Сколько разнаго рода кризисовъ,

неожиданныхъ перемѣнъ, революцій, войнъ, соціальныхъ движеній! Какіе разные люди — и какъ по разному — правили ею!

Не станемъ слишкомъ далеко углубляться въ вѣка и вызовемъ въ памяти лишь черты Россіи царскаго «Московскаго» періода и періода «Петербургскаго», императорскаго.

Цѣною героическихъ усилій народныхъ массъ, гибкостью, осторожностью и настойчивостью московскихъ князей Русь избавилась отъ тяготѣвшаго надъ нею татарскаго ига и широкимъ шагомъ пошла на встрѣчу новой жизни. Раньше всего ей предстояло укрѣпить державную царскую власть и защитить шаткія государственныя границы отъ многочисленныхъ опасныхъ враговъ.

Выполненію первой задачи много содѣйствовалъ царь Иванъ IV Грозный, сознательно и безжалостно искоренявшій старинное русское боярство, враждебное идеѣ сильной монархической власти. Этому царю, собственноручно убившему одного изъ своихъ собственныхъ сыновей, наслѣдовалъ царевичъ Федоръ, богобоязненный, слабый, неврастеничный, игрушка своихъ окружающихъ, а въ первую очередь — послушное орудіе Бориса Годунова. Послѣдній, татаринъ по происхожденію, умудрился сдѣлаться шуриномъ новаго царя, умертвилъ другого его брата, а по смерти Федора самъ взошелъ на тронъ православныхъ царей московскихъ. Далѣе слѣдуетъ безпокойный періодъ междуцарствія, — «Смутное Время», — занятіе Москвы поляками, созданіе народныхъ ополченій на защиту родной страны, земскіе Соборы. Наконецъ, открывается царствованіе Дома Романовыхъ, продолжавшееся съ небольшимъ триста лѣтъ.

За первыми двумя Романовыми, Михаиломъ и Алексѣемъ, архаическими и безличными, появляется Петръ Великій, революціонеръ на тронѣ, сразу превратившій Святую Русь въ государство европейской складки (хотя бы лишь по заданіямъ), — въ «имперію». Первый русскій императоръ не остановился передъ тѣмъ, чтобы приговорить къ смерти единственнаго сына за противодѣйствіе своимъ стремительнымъ и грандіознымъ реформамъ, вслѣдствіе чего, по смерти Петра, тронъ русскій перешелъ къ его женѣ императрицѣ Екатеринѣ I, простой лифляндкѣ, необразованной и не отличавшейся чрезмѣрной добродѣтельностью. За первой импе-

ратрицей послѣдовало въ итогѣ дворцовыхъ переворотовъ нѣсколько другихъ императрицъ, весьма разнообразнаго происхожденія, управлявшихъ Россіей при помощи своихъ любовниковъ, иногда весьма многочисленныхъ, главной политической обязанностью которыхъ было бороться противъ державныхъ притязаній высшаго или средняго дворянства. Попутно были убиты одинъ претендентъ на престолъ и одинъ детронированный своею женой императоръ: Петръ III (мужъ Екатерины II).

Послѣ Екатерины II, выдающейся государственной дѣятельницы, много содѣйствовавшей прогрессу въ Россіи и крѣпко дружившей съ предшественниками французской революціи, пока не наступила сама эта революція, императоромъ всероссійскимъ сдѣлался ея сынъ, Павелъ I. Это былъ человѣкъ совершенно неуравновѣшенный, чтобы не сказать ненормальный; истинное его происхожденіе внушало серьезныя сомнѣнія. Его убили въ порядкѣ очередного дворцоваго переворота, — съ вѣдома двухъ его сыновей. Старшій изъ этихъ сыновей, Александръ I, сталъ вмѣсто отца у кормила Россійскаго правленія. Мистикъ, мечтатель, заклятый врагъ всякаго деспотизма, настоятельно стремившійся въ началѣ своего царствованія къ введенію въ Россіи радикальной конституціи западнаго образца, онъ кончилъ тѣмъ, что оказался оплотомъ не только страшной внутренней реакціи, но и реакціи міровой — сдѣлавшись главой недоброй памяти Священнаго Союза. Потомъ онъ вдругъ загадочно сошелъ съ исторической сцены и, по народному мнѣнію, кончилъ свою жизнь святымъ отшельникомъ въ далекой Сибири, въ Томской губерніи. Преемникомъ этого императора явился его братъ, Николай I, взявшій власть въ свои руки въ трагической обстановкѣ революціи 14 декабря 1825 года. Грубый, невѣжественный, ограниченный, закоренѣлый реакціонеръ, онъ тридцать лѣтъ держалъ Россію въ страшныхъ тискахъ, а затѣмъ отравился въ итогѣ неудачъ Крымской войны. Сынъ его, Александръ II, началъ свое царствованіе съ того, что рѣшительно порвалъ съ политикой своего отца и открылъ короткую «эпоху великихъ реформъ», за которой послѣдовала долгая эпоха реакціи. Когда Александръ II палъ жертвой революціоннаго террора, на престолъ вступилъ «царь-миротворецъ» Александръ III, болѣзненно пристрастный къ вину и отъ вина умершій. Слѣдующая очередь оказалась за послѣднимъ изъ

Романовыхъ, Николаемъ II, отдавшимся во власть темному проходимцу Распутину и безсудно разстрѣленнымъ вмѣстѣ съ семьей во время своей ссылки, въ 1918 году.

Такова личная судьба русскихъ самодержцевъ почти за четыре послѣднихъ столѣтія русской исторіи. Какъ и во всякой другой абсолютистской или полуабсолютистской странѣ, она по необходимости составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ частей исторіи Россіи вообще.

Не правда-ли, какая характерная, — какая ужасающе яркая картина?

Всѣ эти цари, императоры и императрицы, смѣшанной и даже сомнительной крови, весьма часто совершенно чуждые управляемой ими странѣ, одни ограниченные, другіе сумасшедшіе, третьи чадоубійцы и даже отцеубійцы, почти всѣ до одного плохо начавшіе или плохо кончившіе, — разумѣется, менѣе всего на свѣтѣ были призваны внушить русскому народу идею устойчивости и святости верховной государственной власти. Тщетно было бы искать у нихъ прекрасныхъ и благородныхъ въ своей вѣковой закрѣпленности моральныхъ традицій или трезваго и продуманнаго уваженія къ праву. Мораль и право были одинаково непонятны и ненужны имъ. Превыше ихъ была для нихъ ихъ собственная воля, проявлявшая себя совершенно по разному въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Одни изъ нихъ являлись, какъ мы видѣли, подлинными реформаторами, почти революціонерами, далеко обгонявшими въ своей дѣятельности и развитіе своего народа и свое время, другіе были реакціонерами, третьи — сначала реформаторами, потомъ реакціонерами. Абсолютные владыки въ своей странѣ, они гораздо больше повиновались, чѣмъ повелѣвали. Повиновались собственнымъ страстямъ, заинтересованнымъ нашептываніямъ своихъ окружающихъ, но прежде всего, — обстоятельствамъ, моменту. Это были самые послушные слуги момента и потому-то въ большинствѣ случаевъ такіе плохіе политики.

Какъ можно было заранѣе ожидать, наиболѣе надежной опорой русскаго престола сдѣлалось русское дворянство, а въ особенности высшая русская аристократія. Потомки владѣтельныхъ русскихъ князей, боровшихся въ свое время противъ усиленія на Руси единой царской власти, постепенно потеряли память о своемъ собственномъ быломъ самодержавіи и стали

платить царямъ рабской преданностью за великія милости и привилегіи, получаемыя отъ нихъ. И тѣмъ не менѣе русскіе аристократы оказались большими мастерами дворцовыхъ переворотовъ, не мало ихъ участвовало въ разное время въ революціонныхъ движеніяхъ и возстаніяхъ, а нѣкоторые дѣйствовали даже въ качествѣ террористовъ. Въ частности, убійство отвратительнаго Распутина лицами, весьма близкими къ царской фамиліи и ко двору, невольно вызываетъ въ памяти технику русскихъ государственныхъ переворотовъ въ XVIII вѣкѣ. И развѣ накапунѣ февральской революціи 1917 года не обсуждались въ Петроградѣ планы убійства Николая II, т. е. новаго дворцоваго переворота, въ цѣляхъ радикальнаго разрѣшенія безнадежно запутавшагося политическаго кризиса? Въ настоящее время сообщенія объ этихъ планахъ передаются преимущественно лишь какъ слухи; но если исторія подтвердитъ ихъ, то она подтвердитъ одновременно и то, что подобный типъ революціонныхъ настроеній и замысловъ гнѣздился главнымъ образомъ въ средѣ высшаго русскаго дворянства.

Такъ или иначе, но мы въ правѣ считать, что «революціонный духъ» не былъ вполнѣ чуждъ ни самому царствующему дому, ни вѣрнѣйшимъ его слугамъ голубой крови и бѣлой кости.

А какого рода жизнью жили тѣмъ временемъ русскія народныя массы?

Воистину невыносимой.

Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ многочисленныя народныя волненія, возстанія, и бунты по причинамъ то религіознаго, то политическаго, то экономическаго и соціальнаго характера. Въ XVII-мъ столѣтіи, напримѣръ, русское правительство жестоко расправилось съ громаднымъ количествомъ противниковъ церковной реформы, — «старовѣрами». Въ томъ же XVII-мъ вѣкѣ широкія волны недовольныхъ устремились къ границамъ русской земли и за границу, за предѣлы досягаемости царя и его страшныхъ слугъ. Все болѣе организованною и грозною силою становится свободолюбивое, вольное казачество съ его своеобразнымъ анархо-коммунистическимъ укладомъ жизни. Нѣкій воръ и разбойникъ, Степька Разинъ, устраиваетъ грандіозное возстаніе, распространившееся на всѣ необъятные просторы матушки-Волги и причинившее не мало

хлопотъ и заботъ батюшкѣ-царю. Въ слѣдующемъ, XVIII-мъ столѣтіи крестьяне, прикрѣпленные къ помѣщикамъ и къ ихъ помѣстьямъ, массами поднимаются противъ своихъ угнетателей и жгутъ, рѣжутъ и грабятъ въ имѣніяхъ и городахъ подъ водительствомъ казака Емельки Пугачева. Въ XIX-мъ вѣкѣ, особенно въ царствованіе Николая I, крестьянскія волненія и возстанія дѣлаются все болѣе и болѣе частыми. Позже они наводятъ Царя-Освободителя на мысль, что «лучше дать реформу сверху, чѣмъ ждать, что она сама сдѣлается снизу». Едва только начала вставать на ноги русская промышленность и сталъ образовываться русскій рабочій классъ, какъ открылся — во второй половинѣ XIX-го вѣка — періодъ безпрерывныхъ рабочихъ волненій.

Было бы странно ожидать, чтобы, живя среди всѣхъ этихъ потрясеній, народъ русскій выработалъ въ себѣ какое-либо чувство порядка или любовь къ создавшемуся быту. Жертва тираннической власти своихъ монарховъ, поверженный въ самую глубокую нужду, сознательно оберегаемый отъ просвѣщенія, нарочито пріучаемый правительствомъ къ пьянству въ цѣляхъ поддержанія бюджетнаго равновѣсія въ государствѣ («пьяный бюджетъ»), вплоть до самаго послѣдняго времени лишенный элементарнѣйшихъ гражданскихъ и публичныхъ правъ, — откуда могъ бы нашъ камаринскій мужикъ почерпнуть уваженіе къ Праву или создать въ себѣ прочные устои Морали? Религія настойчиво внушала ему сносить всякое иго. Значитъ, надо было сносить и иго государства, подавляя въ себѣ ненависть къ нему только для того, чтобы она все болѣе и болѣе накоплялась гдѣ-то въ глубинахъ души. Однако, даже и подъ цѣлительнымъ покровомъ церкви нельзя терпѣть безъ конца и безъ малѣйшей надежды на лучшіе дни. И надежда была у темнаго русскаго народа. Наивная и смутная надежда, что все измѣнится вдругъ въ одинъ прекрасный день и что вѣковыя страданія сразу будутъ искуплены. Зазвонятъ колокола невидимаго града Китежа, «проснется земля» . . . Кто же произведетъ желанное чудо? Про то, пожалуй, даже и старики не знаютъ; а коли и знаютъ, такъ не сказываютъ. Быть можетъ, его сдѣлаетъ тотъ же царь, который самъ-то къ народу добрый и хочетъ для него правды, да только окруженъ плохими, корыстолюбивыми приближенными. Такъ вотъ пошлетъ царь всѣхъ своихъ совѣтниковъ къ чертямъ и дастъ

странѣ законы, какіе надо, настоящіе. Онъ ихъ уже, можетъ быть, и далъ давно, да только министры скрываютъ ихъ отъ народа. А коли не царь, такъ тамъ въ Питерѣ, да въ Москвѣ найдутся люди, которые разберутъ . . . Тамъ есть такіе люди . . .

Легко себѣ представить послѣ всего сказаннаго, какіе запасы страшнаго взрывчатаго или горючаго матеріала таила въ себѣ душа русскаго простолюдина.

Легко себѣ представить и то, на что способна русская народная душа, однажды воспламененная.

Чѣмъ тогда остановить страшный взрывъ ея чувствъ и дикій пожаръ ея воли?

Религіей?

Призывами къ Морали?

Нѣтъ. Въ глубинахъ своей совѣсти даже и знаменитый камаринскій мужикъ твердо знаетъ, что религія и мораль на его сторонѣ.

Правомъ?

Но онъ рѣшительно ничего не понимаетъ въ правѣ и не имѣетъ къ нему ни малѣйшаго вкуса.

Здравый смыслъ и практическій разсчетъ выручатъ?

Однако, откуда у него взяться этимъ западно-европейскимъ добродѣтелямъ? — Пріученный къ самымъ тяжелымъ страданіямъ, онъ не боится ничего. Ему нечего терять. Ему нечего жалѣть.

Но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ никакъ нельзя забывать, что русскій народъ — великій народъ, богатый лучшими душевными качествами, чрезвычайно способный къ самоусовершенствованію и прогрессу и осуществляющій прогрессъ съ поразительной быстротой. Россія пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и та, какой она была ко дню революціи, это двѣ совершенно разныя Россіи. Несмотря на отсталое состояніе своей цивилизаціи, она не только сумѣла отстоять себя отъ всѣхъ болѣе цивилизованныхъ сосѣдей, угрожавшихъ ей, но расширить безгранично свои предѣлы и осуществить громадную культурную миссію внутреннюю и внѣшнюю.

Ко времени революціи населеніе Россіи состояло болѣе чѣмъ изъ 160 различныхъ народностей. Среди нихъ великорусская народность являлась тою, которая устроила русское государство и которая оставила наиболѣе сильный отпечатокъ

на всей культурѣ. Остальныя народности вошли въ составъ Россіи въ силу самыхъ разнообразныхъ основаній: болѣе всего — въ порядкѣ мирной колонизаціи русскими элементами земель инородцевъ, часто путемъ завоеванія, иногда въ итогѣ добровольнаго присоединенія къ Россіи, иногда черезъ переселеніе въ Россію чужеродныхъ ей элементовъ. Вся относительная заботливость правительства о населеніи цѣликомъ сосредотачивалась на однихъ только русскихъ, которые въ правовомъ отношеніи обладали всѣми признаками «господствующей націи». Напротивъ, очень многія изъ національностей имѣли достаточно основаній считать себя угнетаемыми Россіей и таили противъ нея острую горечь уязвленнаго національнаго самолюбія.

Уже самый этотъ фактъ политическаго угнетенія весьма значительной части россійскаго населенія — включая сюда отчасти даже украинцевъ — создавалъ въ Россіи атмосферу, исключительно благопріятную для разнаго рода революціонныхъ броженій. Всегда оказывались на лицо группировки, готовыя по національнымъ мотивамъ дѣйствовать противъ русскаго правительства и жаждущія его окончательнаго низверженія.

Едва-ли не еще большее значеніе имѣлъ отмѣченный фактъ для политической психологіи самихъ русскихъ. Однако, дойдя до настоящаго пункта, мы въ дальнѣйшемъ должны сосредоточить все наше вниманіе исключительно на русскихъ *образованныхъ классахъ* — или на т. наз. русской «интеллигенціи»,— какъ на главнѣйшихъ носителяхъ русскаго политическаго сознанія.

IV.

Это она, по преимуществу, — русская интеллигенція — отражала и формировала русское общественное мнѣніе. Это она невольно пріобрѣла монополію представлять политическую волю русскаго народа. Нѣсколько раньше нами отмѣчалась та роль, которую у «политическихъ» народовъ играютъ меньшинства и вожаки. Именно эту роль и выполняла русская интеллигенція въ отношеніи всѣхъ остальныхъ массъ русскаго народа: она была его политически руководящимъ меньшинствомъ (и какимъ ничтожнымъ меньшинствомъ!), а вмѣстѣ съ

тѣмъ это она же поставляла для него политическихъ и общественныхъ вождей.

Русскіе интеллигенты обречены были особенно тяжко страдать отъ чудовищныхъ недостатковъ политическаго строя родной страны, т. к. видѣли эти недостатки лучше, чѣмъ кто-либо иной. Въ силу своей утонченной духовной организаціи они были болѣе всѣхъ чувствительны къ несправедливости и къ окружающему ихъ злу. Безъ риска преувеличенія можно утверждать, что положеніе самой русской интеллигенціи въ Россіи было въ высшей степени трагическимъ.

И вотъ почему: —

Она чувствовала себя частью народа великаго, сильнаго, богатаго, способнаго къ прогрессу. Она знала прошлое своей страны. Она въ правѣ была ожидать для нея великаго будущаго. И вмѣстѣ съ тѣмъ, приходилось жить подъ гнетомъ архаическаго режима, видѣть надъ собой правительство, опирающееся на народную темноту и ее поощряющее, отчетливо сознавать тяжесть положенія всѣхъ тѣхъ, кто не принадлежитъ къ маленькой группѣ привилегированныхъ, безнадежно развращенныхъ привычкой къ привилегіямъ. Русскому интеллигенту хотѣлось быть гордымъ своимъ отечествомъ и онъ не могъ быть гордымъ имъ, зная всю его отсталость, всю его несправедливость, все его неустройство. Въ большинствѣ великороссы, сплошь и рядомъ дворяне и лица, окончившія университетъ, интеллигенты наши пользовались такими преимуществами правового положенія, которое при прочихъ русскихъ условіяхъ вполнѣ могло бы сдѣлать имъ ихъ личную жизнь легкой и пріятной. Но какъ же было имъ пользоваться какими-либо выгодами, когда главнѣйшей ихъ задачей было радикально измѣнить правовое положеніе всѣхъ и каждаго? Они стремились служить прогрессу своей страны, — это было чрезвычайно трудно, такъ какъ всякій прогрессъ признавался правительствомъ опаснымъ или подозрительнымъ. Лучше было бы, конечно, просто ни о чемъ не думать, не ставить себѣ никакихъ задачъ, а жить въ свое собственное удовольствіе. Однако, глубокое сознаніе соціальной отвѣтственности рѣшительно запрещало это русскому интеллигенту. Жить только для того, чтобы наслаждаться жизнью, означало бы для него перестать быть интеллигентомъ.

«Народъ» русскій погруженъ во тьму — нужно его просвѣщать. Онъ живетъ среди ужасающей нищеты — нужно улуч-

шить его матеріальное благосостояніе. Онъ безпомощенъ въ борьбѣ съ болѣзнями — необходимо его лѣчить. У него нѣтъ никакихъ правъ — у него должны быть права человѣка и гражданина. Весьма многіе изъ русскихъ подданныхъ лишены важнѣйшихъ правъ только потому, что они нерусскаго происхожденія — будемъ же бороться рука объ руку съ ними за расширеніе ихъ національныхъ правъ. Россія вынуждена жить въ сосѣдствѣ съ западными народами, унаслѣдовавшими отъ прошлаго весьма высокую цивилизацію; — слѣдовательно, нужно сдѣлать такъ, чтобы она какъ можно скорѣе оказалась въ состояніи зажить съ этими народами одной общей жизнью. Каждый народъ непремѣнно выполняетъ ту или иную историческую миссію; малый народъ — малую, великій — великую. Необходимо, чтобы великій русскій народъ осозналъ свое міровое призваніе и принялся сознательно выполнять его. Все это русскіе интеллигенты считали *себя* обязанными дѣлать за весь русскій народъ — во имя его и его именемъ.

Короче говоря, въ вѣчномъ россійскомъ хаосѣ на интеллигенціи русской лежала обязанность удовлетворять всѣмъ очереднымъ требованіямъ соціальнаго прогресса родной страны. Въ одно и тоже время ей приходилось служить выразительницей и ея моральныхъ запросовъ, и ея жажды права, и ея политическаго дѣйствованія. Отсюда-то — *по преимуществу этическій характеръ жизнепониманія русской интеллигенціи и ея совершенно исключительное значеніе въ новой и новѣйшей исторіи Россіи.*

Думать и дѣйствовать за русскій народъ въ условіяхъ жизни деспотической и полудеспотической Россіи было для русскихъ интеллигентовъ подвигомъ весьма труднымъ. Такъ какъ правительство неизмѣнно обнаруживало самую суровую жестокость по отношенію ко всѣмъ ихъ попыткамъ служить народу, то приходилось «идти противъ правительства» и обрекать себя на всевозможныя кары. Въ силу этого, противодѣйствіе правительству сдѣлалось какъ бы традиціей въ русскихъ интеллигентскихъ кругахъ. Знаменитый Герценъ получалъ для своей газеты «Колоколъ» такія свѣдѣнія о всѣхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ правительства, которыя могли исходить лишь изъ круговъ, наиболѣе близко стоящихъ къ министерствамъ и ко Двору. Такъ далеко заходило это противодѣй-

ствіе. Скрывать у себя запрещенную революціонную литературу и помогать всячески революціонерамъ считалось какъ бы обязательнымъ для каждаго порядочнаго человѣка. Быть «подъ надзоромъ полиціи» или подвергнуться «высылкѣ», носить титулъ «политическаго преступника» являлось предметомъ гордости для русскаго интеллигента и обезпечивало ему уваженіе даже его враговъ и преслѣдователей. Сверхъ всего, «работать на пользу народа» значило отказаться отъ жизни мало-мальски удобной и пріятной, утратить вкусъ ко всякому комфорту, перестать быть практичнымъ и экономнымъ, отодвинуть на задній планъ радости семейныя и личныя. Немного выше мы уже говорили обо всемъ этомъ, какъ объ условіяхъ жизни и дѣятельности всякихъ истинныхъ революціонеровъ вообще; не наша вина, что теперь тоже самое намъ пришлось снова повторить, описывая духовный обликъ русскихъ интеллигентовъ. Воистину, они менѣе чѣмъ кто-либо стремились составить себѣ состояніе или обезпечить себѣ видное положеніе или прочно обезпечить благополучіе своей семьи. Ихъ жизненный укладъ весьма рѣдко сообразовался съ какимъ-либо заранѣе выработаннымъ планомъ, въ которомъ все было бы и предусмотрѣно и взвѣшено.

Въ постоянномъ единоборствѣ съ правительствомъ и правящими кругами, русскій интеллигентъ не сумѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно близко подойти къ «народу», которому служилъ и ради котораго жертвовалъ всѣмъ. Какъ очень часто говорится еще и до сихъ поръ, — онъ не сумѣлъ «слиться съ нимъ». И дѣйствительно: — *онъ служилъ ему именно потому, что не былъ, какъ онъ.* «Народъ» и интеллигенты не понимали другъ друга въ Россіи. Психологія, бытъ, обычаи и привычки, воспитаніе и политическія воззрѣнія — все было различно и какъ-то несоизмѣримо въ русскихъ народныхъ массахъ и въ русской интеллигенціи. Отсюда- то и проистекала трагическая тщетность всѣхъ попытокъ этой послѣдней «слиться» и «возсоединиться» съ народомъ.

Прочное духовное единство народа и интеллигенціи въ Россіи, несомнѣнно, являлось однимъ изъ высшихъ русскихъ культурныхъ идеаловъ. Но пока идеалъ этотъ оставался недостигнутымъ и недостижимымъ, русскіе интеллигенты были обречены чувствовать себя изолированными въ своей странѣ, — «безпочвенными», — лишенными достаточныхъ реальныхъ

силъ, чтобы воздѣйствовать планомѣрно на правительство или руководить народомъ и опредѣлять такимъ путемъ ходъ русской политической жизни.

Эта изолированность и слабость русской интеллигенціи обнаруживались съ тѣмъ большею яркостью, что и въ ея собственныхъ рядахъ не было единства мыслей и близости политическихъ темпераментовъ. Благодаря исключительно суровой цензурѣ, отсутствію права собраній и союзовъ (все это вплоть до XX-го вѣка) русская политическая идеологія не имѣла возможности правильно развиваться и выдѣлить какую-либо одну господствующую доктрину. Отдѣльныя теченія этой идеологіи шли по самымъ разнообразнымъ направленіямъ, то временно сливаясь, то пересѣкаясь, то оставаясь все время независимыми другъ отъ друга. Главной связью между разрозненными группами русскихъ интеллигентовъ — помимо чисто формальнаго идеала прогресса и общаго блага — обычно служили выдающіеся русскіе публицисты, «властители думъ», «учителя» и «вожди», одинаково уважаемые всей русской интеллигенціей, а особенно — русскимъ юношествомъ. Навѣрное, эта-то именно внутренняя разрозненность русской интеллигенціи и была главной причиной, почему такъ велика бывала во всѣхъ русскихъ политическихъ движеніяхъ роль отдѣльныхъ личностей, и почему русскіе интеллигенты такъ привыкли *слѣдовать* за кѣмъ-нибудь какъ за учителемъ и вождемъ.

Такъ какъ контрастъ между идеаломъ и дѣйствительностью неизмѣнно оказывался чрезвычайно рѣзкимъ, такъ какъ надежды на достиженіе достаточнаго общественно-политическаго прогресса рушились одна за другой, то волей-неволей русскимъ интеллигентамъ приходилось сосредоточивать все свое вниманіе на принципахъ самаго общаго характера, на формулахъ, наиболѣе элементарныхъ, и на цѣляхъ, наиболѣе далекихъ, теоретичныхъ и абстрактныхъ при всей ихъ жизненной необходимости. Детали программы и ея систематическое развитіе ихъ интересовали несравнимо менѣе. Мы въ правѣ были бы поэтому утверждать, что русская интеллигенція проявляла себя «непрактичной» не только въ своей жизни и въ своихъ дѣйствіяхъ, но и въ своей мысли: идеи и доктрины притягивали ее къ себѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онѣ оказывались широкими, абстрактными и неосуществимыми.

Послѣднее обстоятельство въ свою очередь объясняетъ намъ ту чрезвычайно характерную и существенную черту былой русской дѣйствительности, что съ давнихъ уже поръ Россія оказывалась обычно въ весьма близкомъ соприкосновеніи со всѣми идейными теченіями *Запада.*

Разумѣется, западныя политическія идеи интересовали русскаго интеллигента прежде всего потому, что онѣ давали ему оружіе противъ оффиціальной Россіи и подкрѣпляли въ немъ духъ протеста. Затѣмъ, онѣ были важны ему тѣмъ, что — «шли впереди» русскихъ политическихъ идей и намѣчали успѣшное разрѣшеніе многихъ проблемъ, важныхъ не только для западной, но и для русской жизни. Сталкиваясь съ этими проблемами, и пытаясь разрѣшить ихъ на свой собственный ладъ, русскій интеллигентъ естественно желалъ предварительно посмотрѣть, какъ разрѣшались онѣ въ другихъ странахъ, — людьми болѣе искушенными въ политической жизни, чѣмъ онъ самъ.

Однако, только что указанныхъ причинъ едва-ли достаточно, чтобы объяснить огромное вліяніе въ Россіи западныхъ политическихъ идей. Главною причиною была здѣсь, быть можетъ, слѣдующая:—научные и философскіе авторитеты культурнаго, передового Запада весьма успѣшно удовлетворяли во-первыхъ потребность русскаго интеллигента въ непререкаемыхъ авторитетахъ, — въ только что упомянутыхъ «властителяхъ думъ», — а во-вторыхъ, въ виду своей явной непримѣнимости на русской почвѣ, политическія идеи тѣмъ-то и были особенно хороши, что шли на встрѣчу его потребности въ теоріяхъ и принципахъ самыхъ прогрессивныхъ, самыхъ отвлеченныхъ и самыхъ неосуществимыхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, истина требуетъ сказать, что русская политическая мысль рѣдко довольствовалась чисто пассивнымъ усвоеніемъ иностранныхъ ученій. Напротивъ. Она постоянно и настойчиво стремилась приспособить иностранныя ученія на спеціально русскую потребу, для чего охотно занималась ихъ трансформированіемъ, а если встрѣчалась надобность, то и рѣшительнымъ ихъ преодолѣніемъ, отрицаніемъ. Въ этой борьбѣ съ западными идеями, наряду со стремленіемъ воспринимать ихъ, ярче всего, пожалуй, сказывалась самая завѣтная мечта русской интеллигенціи — видѣть свою родину, идущею нога въ ногу со всѣмъ передовымъ человѣчествомъ, обезпечившею

себѣ широкое участіе въ творчествѣ всемірнаго прогресса и по праву занимающею *свое особое мѣсто среди народовъ.*

Каково должно быть это международное мѣсто Россіи и что Россія имѣетъ сказать своего человѣчеству? — Изъ всѣхъ проблемъ, стоявшихъ передъ русской политической мыслью, это была, несомнѣнно, самая трудная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе важная проблема всей вообще русской политической идеологіи.

Подводя итогъ всему сказанному до сихъ поръ о наиболѣе характерныхъ чертахъ и тенденціяхъ русской политической мысли въ ея интеллигентскомъ отображеніи, мы въ правѣ формулировать его слѣдующимъ образомъ:

Политическая мысль дореволюціонной русской интеллигенціи требовала:

Бороться противъ настоящаго Россіи.

Служить дѣлу наиболѣе высокаго политическаго и соціальнаго прогресса въ Россіи.

Служить — значитъ жертвовать всѣмъ поставленному предъ собой идеалу.

Примириться и объединиться, слиться съ народомъ и даже вовсе устранить всякое различеніе «народа» и правящихъ, низшихъ и высшихъ.

Войти въ наиболѣе тѣсное и правильное сотрудничество съ остальнымъ человѣчествомъ.

Понять и выполнить спеціальную историческую миссію Россіи, выпадающую на ея долю въ качествѣ великаго народа и могучей исторической и этической силы.

Слѣдуетъ-ли прибавлять, что эти черты и тенденціи проявляли себя весьма различно, въ зависимости отъ эпохи и отъ политическаго темперамента дѣйствующихъ лицъ? Однако, относящіяся сюда различія, въ свою очередь, поучительны въ самой высокой степени.

Лично я подраздѣляю каждое изъ главнѣйшихъ теченій русской политической и соціальной мысли, начиная съ конца XVIII-го вѣка, на три основныхъ періода:—на періодъ великихъ

индивидуальныхъ попытокъ, — на періодъ попытокъ коллективныхъ, групповыхъ и кружковыхъ, и на періодъ образованія и работы политическихъ партій.

Первый періодъ характеризуется для меня прежде всего исключительнымъ вліяніемъ отдѣльныхъ личностей въ ихъ роли «вождей» или даже — ихъ совершенно индивидуальнымъ дѣйствованіемъ. Въ такихъ условіяхъ работали въ свое время Новиковъ, Радищевъ, Пестель, Чаадаевъ, а позже Герценъ и Бакунинъ.

Въ теченіе второго своего періода каждая данная политическая идеологія становится широкимъ «движеніемъ», охватывающимъ большое число единомышленниковъ, но она еще не имѣетъ ни обязательной программы, ни строго опредѣленной организаціи. Во главѣ движенія по-прежнему остаются его выдающіеся родоначальники. Будучи лицами крупныхъ дарованій, они по-прежнему оказываютъ огромное вліяніе на своихъ послѣдователей; однако, теперь вліяніе каждаго изъ нихъ въ отдѣльности уменьшается т. ск. пропорціонально числу лицъ, совмѣстно руководящихъ однимъ и тѣмъ же движеніемъ.

Что же касается третьяго періода, — періода политическихъ партій, — то для революціонныхъ теченій онъ начинается незадолго до 1905 года съ его конституціонными преобразованіями, а для теченій либеральныхъ и консервативныхъ онъ связывается уже съ созданіемъ и функціонированіемъ Государственной Думы. Благодаря революціи, длящейся до сего дня, этотъ послѣдній періодъ былъ сравнительно весьма короткимъ. Краткость срока не помѣшала ему, тѣмъ не менѣе, произвести весьма серьезныя измѣненія въ русской политической психологіи.

Ослабленіе цензуры въ годы русскаго конституціонализма, установленіе права собраній и союзовъ, возможность пользоваться трибуной Государственной Думы для открытаго выраженія своихъ политическихъ взглядовъ, — все это послѣ 1905 года умиротворило однихъ, дало легальные пути для заявленія своихъ протестовъ другимъ, ослабило надежды на возможность новой революціи у третьихъ. Создался цѣлый рядъ политическихъ партій и группировокъ, принявшихся бороться другъ съ другомъ за политическое вліяніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и начавшихъ искать формъ взаимнаго сотрудничества ко всеобщему

благу. Пришлось заняться вопросами, стоящими на очереди дня и имѣющими непосредственное практическое значеніе, т. к. общественное мнѣніе прежде всего захотѣло дѣла и реальныхъ результатовъ. Довольно мечтаній и отвлеченныхъ теорій. Надо становиться трезвыми. И, дѣйствительно, большинство русскихъ интеллигентовъ становится значительно болѣе трезвыми, чѣмъ еще недавно. Въ частности, какъ разъ тѣ изъ нихъ, что вошли въ составъ Государственной Думы, не являются уже исключительно лишь служителями народа. Вырабатывается постепенно типъ политика и даже — политикана. Нужно, вѣдь, не только умѣть жертвовать собой, но и въ благопріятномъ свѣтѣ выступить передъ своими избирателями, и обезпечить себѣ избраніе или переизбраніе. Пророки и «властители думъ» не такъ уже необходимы теперь. Страна потребовала прежде всего — депутатовъ.

По всѣмъ приведеннымъ причинамъ представители русской политической мысли въ періодъ послѣ 1905 года и по 1917-ый оказываются совсѣмъ не тѣми, чѣмъ они были раньше, и общественно-политическое вліяніе ихъ уже не имѣетъ былыхъ размѣровъ. Въ большей своей части русская политическая мысль сдѣлалась значительно прозаичнѣе, реалистичнѣе. Цѣною утраты своей былой смѣлости и возвышенности она пріобрѣла способность *давить* на правительство и дѣловымъ образомъ участвовать въ направленіи хода государственныхъ дѣлъ.

Не будемъ, однако, забывать, что мы все время говоримъ о русской интеллигенціи, что именно въ ея лонѣ обнаружились по преимуществу измѣненія политической психологіи, произведенныя въ Россіи созданіемъ конституціоннаго (или, вѣрнѣе, полуконституціоннаго) режима. Психологія же русскихъ «народныхъ массъ» осталась почти такою же или даже совершенно такою же, какъ была раньше.

А въ чемъ же проявилось основное измѣненіе интеллигентской русской психологіи? Въ томъ, очевидно, что русскій интеллигентъ началъ постепенно терять представленіе о себѣ какъ объ особой и единственной силѣ русскаго прогресса. Глубоко этическій подходъ къ жизни началъ замѣняться въ немъ болѣе поверхностнымъ отношеніемъ къ ней. И во всякомъ случаѣ, если онъ все еще стремился «служить народу», «жертвовать» ради него всѣмъ, если ему все еще оставались дороги

мечты объ исторической миссіи Россіи, то теперь все это постепенно становилось совсѣмъ инымъ... «Новыя птицы — новыя пѣсни», сказалъ бы русскій интеллигентъ 40-хъ или 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, взирая на своихъ наслѣдниковъ въ наши дни. И онъ въ правѣ былъ бы прибавить, что и птицы и пѣсни въ массѣ своей далеко не стали лучше въ позднѣйшихъ, предреволюціонныхъ условіяхъ русской жизни.

Наконецъ, — послѣднее замѣчаніе:

Въ теченіе послѣдняго періода развитія русской политической мысли, оказавшагося одновременнымъ для всѣхъ ея развѣтвленій, — теченія консервативное, либеральное и революціонное выявились и самоопредѣлились въ ней съ большой отчетливостью. Измѣненіе психологическаго типа русскаго интеллигента произошло, несомнѣнно, во всѣхъ трехъ лагеряхъ — и у консерваторовъ, и у либераловъ, и у революціонеровъ. *Но не вездѣ оно сказалось въ одинаковой мѣрѣ.* Всего разительнѣе оно было въ лагерѣ консервативномъ; всего незамѣтнѣе — въ лагерѣ революціонномъ. *На революціонеровъ русскихъ какъ бы сама собой легла задача статъ главными хранителями русскихъ интеллигентскихъ традицій.* И чѣмъ болѣе крайнимъ проявлялъ себя русскій революціонеръ, тѣмъ больше стараго русскаго интеллигентскаго духа выражалось въ немъ.

Этому факту приходится придавать совершенно исключительное историческое и политическое значеніе. Быть можетъ, только тотъ и способенъ вполнѣ понять природу и значеніе Великой Русской Революціи, кто положитъ его въ центръ своего отношенія къ ней. Октябрьская революція есть прежде всего интеллигентская русская революція. Именно поэтому она сумѣла стать Великой Русской. Если же волею судебъ русской революціи придется найти завершеніе въ революціи міровой, то въ этомъ прежде всего проявится міровое значеніе думъ и устремленій русской интеллигенціи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

МІРОВАЯ РЕВОЛЮЦІЯ. РОССІЯ И ЛЕНИНЪ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

МІРОВАЯ РЕВОЛЮЦІЯ. — РОССІЯ И ЛЕНИНЪ.

(Продолженіе).

Наиболѣе блестящая эпоха русскаго консерватизма совпадаетъ съ расцвѣтомъ въ первой половинѣ XIX вѣка такъ называемаго «славянофильства».

Представители этой школы заимствовали изъ нѣмецкой идеалистической философіи мысль объ исторической миссіи народовъ и примѣнили ее къ Россіи.

Согласно имъ Западъ «сгнилъ». Онъ больше уже не въ состояніи дать что-либо человѣчеству. Будущее принадлежитъ Россіи.

Будущее принадлежитъ Россіи потому, что она унаслѣдовала традиціи религіозной культуры Востока, что она одна только способна продолжить дѣло Византіи и что только она одна выражаетъ истинное христіанство.

Чтобы выполнить свою историческую миссію, Россія должна оставаться вѣрной тремъ высшимъ принципамъ, неразрывно связаннымъ другъ съ другомъ. Согласно позднѣйшей, наиболѣе сжатой и нѣсколько огрубленной формулировкѣ этихъ принциповъ, они сводятся къ слѣдующему: — къ *православію* въ области религіи; — къ *самодержавію* царя въ качествѣ незыблемаго политическаго режима; — и къ русской *народности* — въ качествѣ основы культуры.

Однако, эти триединыя самодержавіе, православіе и народность не слѣдуетъ брать такими, каковы онѣ были въ современной славянофиламъ дѣйствительности. Ихъ нужно брать въ наиболѣе углубленномъ, въ истинномъ смыслѣ, а историческаго ихъ воплощенія искать по преимуществу въ прошломъ, въ допетровскую эпоху.

Смысломъ русскаго православія является гармоническое сочетаніе единства вѣрующихъ съ ихъ свободой въ христіанской любви.

Смыслъ русскаго самодержавія заключается въ томъ, чтобы управлять и быть управляемыми, подчиняясь лишь чистымъ вдохновеніямъ добра, т. е. въ наиболѣе тѣсной связи *между царемъ и народомъ* на основѣ ихъ взаимной любви, а не въ силу правовыхъ постановленій и взаимоотношеній, всегда несправедливыхъ. Моральный долгъ царя въ томъ, чтобы быть единственнымъ и неограниченнымъ источникомъ необходимыхъ въ общежитіи юридическихъ нормъ, а главное — единственнымъ полномочнымъ политическимъ руководителемъ своей страны. А долгъ русскаго народа, не имѣющаго нужды въ несовершенныхъ правахъ и не знающаго, что такое политика, заключается въ повиновеніи однимъ только абсолютнымъ этическимъ требованіямъ, — морали; а слѣдовательно, царю.

Что же касается смысла, вкладываемаго славянофилами въ понятіе русской народности, то онъ столько же вытекаетъ изъ ихъ представленій о русскомъ православіи и русскомъ самодержавіи, сколько и изъ общиннаго владѣнія русскихъ крестьянъ землею. Русская народность неотдѣлима отъ русской крестьянской общины, а община эта въ свою очередь основывается (какъ и власть, и церковь) на своего рода врожденной взаимной любви русскихъ крестьянъ другъ къ другу или на ощущеніи ими ихъ мистическаго родства.

Не трудно видѣть, что начало любви, какъ абсолютное, служитъ центральной осью для всей славянофильской философіи. Съ помощью этого начала — моральнаго по самой своей природѣ и не допускающаго ничего, кромѣ морали — славянофилы надѣялись найти способы улучшить условія грустной россійской дѣйствительности безъ того, чтобы хоть сколько-нибудь потрясти исконные устои русской жизни.

Сами славянофилы были убѣждены, что требуя нѣкоторыхъ общественно-политическихъ измѣненій, они одинаково отличались и отъ отечественныхъ революціонеровъ и отъ отечественныхъ консерваторовъ. Но, конечно, гораздо болѣе правъ былъ московскій попечитель Назимовъ, отрекомендовавшій правительству славянофиловъ въ качествѣ «людей весьма мирныхъ, благочестивыхъ отцовъ семействъ, вовсе не помышляющихъ о нарушеніи законнаго порядка вещей». Въ этой харак-

теристикѣ славянофилы выступаютъ какъ подлинные *консерваторы.* Не даромъ одинъ изъ главныхъ ихъ вождей, А. С. Хомяковъ, заявилъ однажды въ небольшомъ кружкѣ, что «нашъ девизъ taceamus igitur».

И дѣйствительно: достаточно вспомнить элементный составъ консерватизма и психологическій портретъ консерватора, намѣченные нами выше, чтобы признать русскихъ славянофиловъ наиболѣе типичными и законченными консерваторами. На лицо всѣ до одной необходимыя черты. Глубокая религіозность, духъ традиціи, ищущій поученія лишь въ прошломъ, націонализмъ, монархизмъ и имперіализмъ, не говоря уже о воинственныхъ и аристократическихъ вкусахъ, — все подтверждаетъ здѣсь нашу основную мысль о томъ, что тождественная соціальная необходимость порождаетъ одинаковую политико-соціальную идеологію въ условіяхъ, внѣшне достаточно различныхъ.

Изъ всѣхъ главнѣйшихъ теченій русской политической мысли славянофильское теченіе, будучи наиболѣе консервативнымъ, наименѣе отражало ея типическія черты. Оппозиція славянофиловъ правительству ни въ какой мѣрѣ не была активной. Ихъ жертвенные порывы исчерпывались религіознымъ смиреніемъ и покаянными мотивами. Ихъ стремленіе къ единенію съ народомъ разряжалось въ идеализаціи русскаго мужичка, довольно неопредѣленной и чисто платонической. Проблему взаимоотношенія между Россіей и Западомъ они разрѣшали въ направленіи категорическаго отрицанія европейской цивилизаціи и весьма мало оправдываемаго дѣйствительностью превознесенія цивилизаціи россійской.

Что же удивительнаго въ такомъ случаѣ, что даже въ наиболѣе блестящую эпоху славянофильства его вожди и приверженцы вращались въ очень тѣсномъ кругу и не встрѣчали сочувствія въ широкихъ слояхъ русской интеллигенціи?

Въ послѣдующіе же періоды своего существованія славянофильство или отказывалось отъ большинства важнѣйшихъ своихъ догматовъ, чтобы въ концѣ концовъ породить одну изъ революціонныхъ русскихъ идеологій (даже оно приводило къ этому), или же, оставаясь вѣрнымъ своей консервативной природѣ, становилось все болѣе и болѣе ретрограднымъ, пока не выродилось въ махровый обскурантизмъ Константина Леонтьева. Согласно этому послѣднему, «въ наше время

основаніе сноснаго монастыря полезнѣе учрежденія двухъ университетовъ и цѣлой сотни реальныхъ училищъ». — Леонтьевъ взываетъ къ царю «быть съ нами построже». Совѣтуетъ «подморозить Россію, чтобы она не жила». По его мнѣнію, Россіи нужны «ретроградныя реформы»... Ей «пора научиться дѣлать реакцію».

Послѣ введенія въ Россіи конституціи, русскій консерватизмъ почти полностью отрѣшился отъ всѣхъ своихъ чисто славянофильскихъ чертъ и, потерявъ всѣ свои яркія краски, ограничился преслѣдованіемъ конкретныхъ политическихъ цѣлей. Свои принципы онъ оказался вынужденнымъ черпать отнынѣ — какъ то сдѣлалъ «Союзъ 17 октября», — въ незавершенныхъ правительственныхъ актахъ и невыполненныхъ правительственныхъ обѣщаніяхъ.

Иными были судьбы русскаго либерализма.

Сдѣлавшись мощнымъ теченіемъ русской политической мысли въ то же самое время, что и славянофильство, онъ объединилъ подъ именемъ «западниковъ» всѣхъ тѣхъ, кто «не ждалъ свѣта съ Востока или изъ нѣдръ рабской Россіи». Въ то время какъ славянофилы, по ихъ же собственнымъ признаніямъ, внушали къ себѣ симпатіи лишь въ такой средѣ, въ которой «душно» («архіереевъ, монаховъ, св. синода»), вокругъ виднѣйшихъ «западниковъ» группировались всѣ жаждавшіе «свѣжаго воздуха» и реальнаго блага для родной страны. Въ то время какъ лекціи славянофила Шевырева проходили безъ всякаго успѣха, лекціи западника Грановскаго собирали полную аудиторію восторженныхъ слушателей, ознаменовавъ собой цѣлую эпоху въ исторіи русской мысли и русской общественности.

Что же цѣнила молодая Россія въ этихъ западникахъ, въ пламенномъ Бѣлинскомъ, въ тихомъ Грановскомъ?

Прежде всего — честное признаніе несовершенствъ русской жизни и отсталости русской цивилизаціи. Затѣмъ — глубокое убѣжденіе, что Россія можетъ и должна выйти на путь прогресса. Затѣмъ — обращеніе къ лучшимъ чувствамъ человѣка съ призывомъ служить всеобщему соціальному благу. Всѣмъ было отлично извѣстно, насколько правительство и полиція враждебны подобнаго рода мыслямъ и настроеніямъ и какимъ опасностямъ подвергались обычно ихъ носители. Ихъ

судьба была судьбою малочисленныхъ, но непоколебимыхъ борцовъ за право противъ страшныхъ силъ несправедливости и тьмы. «Борцы за право» постепенно сдѣлалось для нихъ почти оффиціальнымъ опредѣленіемъ. Западъ служилъ для нихъ примѣромъ и путеводной нитью, потому что — въ ихъ представленіи — тамъ уже осуществленъ идеалъ жизни въ духѣ права. Конституціонный режимъ служилъ для нихъ завѣтною мечтой. *Свобода* — высшая категорія всякаго правового міросозерцанія — была ихъ идеаломъ.

Знаменитый Герценъ вынужденъ былъ покинуть ряды западниковъ и рѣзко порвать съ лучшими своими друзьями въ тотъ моментъ, какъ онъ разочаровался въ совершенствахъ западнаго конституціонализма. Это интересно отмѣтить, чтобы уяснить себѣ, насколько неразрывно идея *права* сочеталась въ представленіи русскихъ либераловъ 40-хъ и 50-хъ годовъ прошлаго вѣка съ идеей Запада. Пожалуй, не было бы ошибкой утверждать, что *они любили Западъ за осуществленіе имъ идеала жизни въ правѣ; и обратно: — они любили право, потому что это былъ для нихъ Западъ.*

Съ ихъ точки зрѣнія, главнѣйшая задача для Россіи состояла въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе сдѣлаться государствомъ точь въ точь такимъ же, какъ всѣ наиболѣе передовыя европейскія государства. Тотъ же Герценъ, не переставшій быть либераломъ даже послѣ того, какъ сталъ соціалистомъ, писалъ въ 1858 году: «Европа намъ нужна какъ идеалъ, какъ упрекъ, какъ благой примѣръ; если она не такая, ее надо выдумать».

Такимъ образомъ, кардинальная проблема о взаимоотношеніи Россіи и «Европы» разрѣшалась русскими западниками въ смыслѣ передѣлки Россіи на западный манеръ, въ смыслѣ растворенія Россіи въ Западѣ. Въ этомъ только, стало быть, и могла выражаться историческая миссія Россіи, поскольку о ней могли думать русскіе западники.

Но было бы большой ошибкой предполагать, что они стремились подавить въ своихъ соотечественникахъ національное самосознаніе: никакой либерализмъ никогда не проявляетъ себя прямымъ противникомъ національзма. Просто, въ принципѣ, человѣчество стояло для нихъ впереди каждой отдѣльной національности. Станкевичъ — глава того кружка, изъ котораго вышло западничество, такъ выразился (1837 г.)

по поводу проблемы націонализма или «народности»: — «Чего хлопочутъ люди о народности. Надобно стремиться къ человѣчеству, свое будетъ поневолѣ. На всякомъ искреннемъ и непроизвольномъ актѣ духа невольно отпечатывается свое, и чѣмъ ближе это свое къ общему, тѣмъ лучше. Кто имѣетъ свой характеръ, тотъ отпечатываетъ его на всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; создать характеръ, воспитать себя можно только человѣческими началами. Выдумывать или сочинять характеръ народа изъ его старыхъ обычаевъ, старыхъ дѣйствій, значитъ, хотѣть продлить для него время дѣтства. Давайте ему общее, человѣческое и смотрите, что онъ способенъ принять...»

Иначе говоря, національные характеры должны оставаться, но при этомъ не мѣшать народамъ объединиться въ единое человѣчество (на началахъ права). Не правда-ли, предъ нами та самая идеологія, съ помощью которой легче всего создавать Лиги Націй въ духѣ либеральнаго Вильсона?

Однако, дальше: —

Наши западники не были, несомнѣнно, консерваторами, но ни въ какой мѣрѣ они не были и революціонерами. Они возставали противъ современной имъ дѣйствительности, но они не отрѣшались отъ нея цѣликомъ, не порывали съ нею. Они дѣйствовали въ ней, приспособляясь къ ней, уживались съ нею. При первомъ же извѣстіи (очень скоро оказавшемся ложнымъ) о томъ, что императоръ Николай I хочетъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Бѣлинскій рѣшилъ, что *нельзя дразнить правительство слишкомъ большими требованіями.* Въ болѣе позднюю эпоху Герценъ, обращаясь къ Александру II, писалъ: — «*Намъ стыдно, сколь малымъ мы готовы довольствоваться*».

Еще менѣе революціонными были личные характеры «властителей думъ» изъ западническаго лагеря. Станкевичъ жаловался, что онъ не сильный человѣкъ, что дѣйствительность не его поприще и что онъ живетъ лишь неопредѣленнымъ стремленіемъ. Бѣлинскій никакъ не могъ увѣровать въ себя и часто впадалъ въ отчаяніе. Грановскій чувствовалъ себя «изорваннымъ и измученнымъ внутренно». «Если бы не было на свѣтѣ исторіи, моей жены, всѣхъ васъ и вина, — признавался онъ въ письмѣ къ Огареву — я, право, не далъ бы копейки за жизнь».

Въ одной изъ лучшихъ своихъ статей Герценъ такъ характеризуетъ въ 1859 году создателей нашего западничества: — «Печальны, но изящны были люди, вышедшіе тогда на сцену, съ сознаніемъ правоты и безсилія, съ сознаніемъ разрыва съ народомъ и обществомъ, безъ вѣрной почвы подъ ногами... Они по духу, по общему образованію принадлежали къ Западу, ихъ идеалы были въ немъ... русская жизнь ихъ оскорбляла на каждомъ шагу, и между тѣмъ, съ какой святой непослѣдовательностью они любили Россію и какъ безумно надѣялись на ея будущее». Да и самъ Герценъ, наиболѣе сильный и революціонный изъ всѣхъ, лишь съ завистью могъ думать о твердости характера такихъ людей, какъ Робеспьеръ («Много надо имѣть силы, чтобы плакать и все-таки подписать приговоръ Каммилла Демулена»). — «Мой врагъ — упрекалъ онъ себя — не прошедшее и не будущее, а настоящее, въ которомъ я не умѣю рѣшаться.»

Я не думаю, чтобы подобнаго рода душевное настроеніе цѣлаго поколѣнія людей можно было объяснять простой случайностью. Нѣтъ, оно носитъ на себѣ яркую печать исторической и соціологической закономѣрности.

Никакой *либералъ* не можетъ чувствовать душевнаго равновѣсія тамъ, гдѣ не только отсутствуетъ всякое право, но гдѣ нельзя даже лойально работать ради его воцаренія. Характеры болѣе сильные и умы болѣе свободные, чѣмъ тѣ, которыми можетъ обладать человѣкъ либеральной складки, покидаютъ въ подобныхъ условіяхъ почву либерализма и устремляются навстрѣчу революціоннымъ идеаламъ, въ область революціонной борьбы. Характеры еще менѣе сильные и независимые, чѣмъ у нашихъ западниковъ перваго призыва, были бы вообще неспособны для какого бы то ни было протеста или противодѣйствія власти. Вотъ почему быть либераломъ-западникомъ въ 40—50-хъ годахъ прошлаго вѣка могъ въ Россіи только тотъ, чья душа была созвучна душѣ Станкевича, Грановскаго, Бѣлинскаго.

Напротивъ, какъ только въ странѣ создалась для права вполнѣ благопріятная почва, такъ люди либеральнаго политическаго темперамента получаютъ въ ней полную возможность жить и дѣйствовать, не будучи ни пессимистами, ни неврастениками и не находясь въ постоянномъ душевномъ разладѣ съ

самими собой и съ окружающими. Именно въ такомъ положенiи оказался русскiй либерализмъ, начиная съ 1905 года, открывшаго для Россiи памятнымъ манифестомъ 17-го октября эру относительной конституцiонности и относительныхъ свободъ. Съ этого момента русскiй либерализмъ сдѣлался у насъ политическимъ движенiемъ, сильнымъ, здоровымъ, доминирующимъ надъ всѣми другими политическими движенiями эпохи. — Лучшiе представители русской интеллигенцiи, университетскiе профессора, адвокаты, доктора, журналисты, студенты широкими массами начали входить во вновь образовавшуюся тогда русскую конституцiонно-демократическую партiю, иначе — «партiю Народной Свободы» (партiя К. Д.; — «кадеты»); или же, и не входя въ нее, близко примыкали къ ней по воззрѣнiямъ и настроенiямъ. Для очень и очень многихъ представителей русской интеллигенцiи программа этой партiи представлялась одинаково удачно отражающею, какъ основныя требованiя всеобщаго прогресса, такъ и спецiальныя требованiя русской интеллигентской мысли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ полной исторической закономѣрностью партiя Народной Свободы стала почти исключительно лишь партiей интеллигентовъ, горожанъ, людей средняго состоянiя, имѣвшей весьма мало точекъ соприкосновенiя съ крестьянами и рабочими, или, — по все еще не изжитому противупоставленiю — съ «народомъ». «Народъ» этотъ былъ мало удовлетворенъ конституцiей и Думой, не понималъ ихъ и его политическая мысль стремилась куда-то въ сторону отъ нихъ. Во всякомъ случаѣ, ему были нужны совсѣмъ другiя политическiя и соцiальныя программы, нежели программа «Союза 17 октября» или «кадетская» программа. А это уже само по себѣ объясняетъ успѣхъ революцiонныхъ партiй въ Россiи вплоть до революцiи 1917 года и особенно въ теченiе этой революцiи.

Но здѣсь мы уже въ самомъ сердцѣ проблемы русскаго революцiоннаго темперамента.

Какъ всякiй вообще революцiонный темпераментъ, онъ долженъ былъ быть очень энергичнымъ, очень активнымъ, заключать въ себѣ даръ умѣлаго выбора нужныхъ средствъ и путей, исключать препятствiя, заставлять точно опредѣлять свои цѣли. Но онъ имѣлъ не только это: онъ обладалъ исключительными способностями организацiи и осу-

ществленія. Онъ отличался также глубиной своихъ идей и — въ особенности, быть можетъ — стремленіемъ объединить ихъ въ законченную систему, столько же теоретическую и «научную», сколько и практическую. Говоря о русскихъ революціонерахъ, можно не одинъ разъ примѣнить къ нимъ эпитетъ «политическаго генія».

Скажемъ по нѣскольку словъ лишь о трехъ главнѣйшихъ.

Вотъ Павелъ Пестель, крупнѣйшій изъ революціонеровъ первой четверти XIX-го вѣка. Чрезвычайно образованный, исключительно трудолюбивый, Пестель десять лѣтъ своей жизни отдаетъ писанію «Русской Правды», въ которой излагаетъ всѣ основные принципы политическаго устройства Россіи послѣ революціи, которую предстоитъ сдѣлать. Къ своей задачѣ онъ подходитъ въ одно и то же время какъ смѣлый революціонеръ, и какъ осторожный вдумчивый политикъ, и какъ ученый. Убѣжденный, что безъ революціи Россіи не сбросить ига абсолютизма, онъ принимается внимательно изучать исторію западныхъ революцій. Ходъ событій во время и послѣ революцій французской, португальской, испанской и неаполитанской создаетъ въ немъ увѣренность, что ужасы революцій, а также неуспѣхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ большею частью проистекаютъ изъ отсутствія точно опредѣленной и для всѣхъ обязательной программы революціонныхъ достиженій. «Русская Правда» и рѣшила быть какъ разъ такой программой въ примѣненіи къ чаемой русской революціи. Разумѣется, всякая подобная программа съ самаго начала оказалась бы обреченной на полный неуспѣхъ, если бы она не опиралась на вполнѣ достаточное знакомство съ особыми условіями жизни страны. «Русская Правда» съ очевидностью обнаруживаетъ, что ея авторъ изучилъ русскую жизнь основательно и въ деталяхъ и былъ какъ у себя дома во всѣхъ вопросахъ ея политическаго, соціальнаго и экономическаго быта. Съ другой стороны, ни одна революціонная программа не въ состояніи осуществиться въ жизни, если ея обѣщанія не находятъ въ странѣ достаточной поддержки, т. е. если въ конечномъ итогѣ она не удовлетворяетъ всего народа въ его цѣломъ. Въ виду этого обстоятельства, кодексъ методовъ и принциповъ грядущей русской революціи казался Пестелю особенно необходимымъ. Безъ

него никто не зналъ бы, какъ вести себя во время переходнаго періода по совершеніи революціи; безъ него у населенія не было бы достаточнаго довѣрія къ Временному Правительству и оно мѣшало бы ему въ его планомѣрной созидательной работѣ. Напротивъ, имѣя передъ глазами «Русскую Правду», предусматривающую и объясняющую все, что Временному Правительству надлежитъ дѣлать въ теченіе 15 лѣтъ по низверженіи стараго режима, всякій остался бы спокоенъ, повинуясь революціонерамъ и сохраняя свои симпатіи къ нимъ. Пятнадцатилѣтнему переходному періоду отъ стараго режима къ новому Пестель придавалъ весьма важное значеніе. Это долженъ былъ быть періодъ абсолютной диктатуры небольшой кучки революціонеровъ, — генеральнаго штаба революціи. Пестель совершенно ясно сознавалъ, что это есть именно диктатура, принудительная и насильственная, но онъ считалъ ее совершенно неизбѣжной и необходимой для перевода страны безъ излишнихъ потрясеній въ русла новаго политическаго режима, и для закрѣпленія въ ней на вѣчныя времена благодѣтельныхъ завоеваній революціи. Въ теченіе этого переходнаго періода диктаторы должны были безпощадно подавлять всякія попытки неповиновенія Временному Правительству или возстанія противъ него. Мало этого, Пестель предполагалъ не допускать въ Россіи частнаго преподаванія и совершенно запретить всякія политическія объединенія. По его мнѣнію, воспитаніе и образованіе суть слишкомъ важное для государства орудіе, чтобы оно могло уступать его частнымъ лицамъ. Что же касается политическихъ союзовъ, то если они хотятъ достичь того же, чего хочетъ и правительство, они безполезны (правительство сумѣетъ само сдѣлать все нужное для счастія страны); если же они намѣрены дѣйствовать въ противовѣсъ правительству — они преступны. Отмѣчаю эту деталь, какъ весьма характерную *для всякой* рѣзко выраженной революціонной идеологіи и психологіи. Такихъ деталей — кстати сказать — не мало въ исторіи послѣоктябрьскаго періода русской революціи 1917 года; и кому непонятенъ смыслъ такихъ деталей, тотъ не въ состояніи понять и смысла всей Великой Русской Революціи.

Методически подготовляя революцію, Пестель долженъ былъ одновременно подготовлять *кадры революціонеровъ*. Въ современныхъ ему условіяхъ это не было дѣломъ легкимъ. Пришлось воспользоваться существованіемъ въ Россіи секретныхъ

обществъ масонскаго характера и постараться постепенно привить имъ политическія цѣли. Къ тому же, организація этихъ обществъ съ ихъ различными степенями посвященія членовъ въ тайны Общества позволяли П е с т е л ю скрывать отъ своихъ будущихъ помощниковъ свои истинныя революціонныя цѣли и лишь отчасти и съ большой осторожностью раскрывать ихъ передъ тѣми, кто заслуживалъ наибольшаго довѣрія. Такимъ образомъ, всѣ силы, полезныя для революціонной цѣли, могли и должны были быть планомѣрно использованы подъ общимъ безусловнымъ руководствомъ изъ центра.

Когда все оказалось бы готово для осуществленія успѣшной революціи, оставалось убить царя, и переходъ къ новой государственности совершился бы безъ малѣйшихъ затрудненій. Были бы избѣгнуты и ошибки французской революціи съ ея ужасающими потрясеніями и ошибки революціи испанской, «единственная вина» которой заключалась въ томъ, что она оставила въ живыхъ испанскаго короля.

Событія конца 1825 года, смерть или исчезновеніе императора А л е к с а н д р а I и отказъ отъ престола К о н с т а н т и н а спутали планы П е с т е л я и не позволили ждать съ революціей до слѣдующаго года. Она вспыхнула въ декабрѣ, хотя руководители ея и не питали особыхъ надеждъ на успѣхъ. Но, вѣдь, революціонеры по самой натурѣ своей не склонны дѣйствовать навѣрняка. Не менѣе, чѣмъ стремленіе достичь желанной цѣли, ими движетъ обычно стремленіе использовать моментъ, попробовать, дерзнуть, «дать бой».

Поколѣніемъ позже П е с т е л я и «декабристовъ» на русской исторической аренѣ появляется М и х а и л ъ Б а к у н и н ъ.

Этому послѣднему уже представляется недостаточнымъ добиваться паденія русскаго абсолютизма. Даже централистическая республика съ его точки зрѣнія безсильна вернуть народамъ свободу и обезпечить имъ миръ и справедливость. Спасеніе лишь въ ослабленіи всемогущества Государства и въ далеко идущемъ федерализмѣ. Поэтому онъ пламенно мечтаетъ о крушеніи «ужасной Всероссійской Имперіи». На славянскомъ конгрессѣ въ Прагѣ въ 1848 г. онъ говоритъ о распадѣ царской Россіи, какъ о необходимомъ условіи и для освобожденія на-

родовъ Россіи, задыхающихся подъ тяжестью русскаго политическаго режима, какъ въ страшной тюрьмѣ, и для освобожденія славянства, и для освобожденія всей Европы. Такимъ образомъ, Бакунинъ одновременно имѣетъ въ виду какъ русскую революцію, такъ въ особенности революцію всеобщую, міровую. Соціалистъ въ такой же степени, что и анархистъ, Бакунинъ — противъ всякой вообще власти. Власть церкви для него такъ же ненавистна, какъ и власть ея «младшаго брата» государства. Онъ считаетъ вреднымъ всякій патріотизмъ и безъ колебаній отказывается отъ своего собственнаго отечества. Но, сдѣлавшись космополитомъ, онъ не перестаетъ любить Россію и вѣрить въ ту великую міровую роль, которую ей предстоитъ сыграть въ будущемъ. — «Я больше не имѣю отечества — пишетъ онъ однажды — съ тѣхъ поръ, какъ я отказался отъ своего прежняго... Невозможно создать себѣ новое отечество... Тѣмъ болѣе, что я убѣжденъ, что Россія призвана сдѣлать великое дѣло на священномъ поприщѣ демократіи. Только при этомъ условіи я и люблю ее»...

Но въ чемъ же, однако, должна заключаться для Бакунина историческая роль Россіи? Въ томъ, чтобы быть революціонной страной, быть очагомъ міровой революціи. Бакунинъ усматривалъ въ русскихъ крестьянахъ главную силу, которая должна сокрушить русское самодержавіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они же наиболѣе пригодны для того, чтобы зажечь факелъ всеобщей революціи. Въ этомъ вопросѣ Бакунинъ стоялъ на діаметрально противуположной позиціи по сравненію съ Карломъ Марксомъ. Обладая чрезвычайно углубленнымъ пониманіемъ соціальной природы революціи, онъ — въ отличіе отъ этого послѣдняго — былъ убѣжденъ, что націи наиболѣе передовыя въ культурномъ и экономическомъ отношеніи, наименѣе способны къ совершенію настоящей революціи. Всякая революція рождается изъ безпорядка, недовольства, несовершенства существующаго режима, изъ безсилія произвести необходимыя улучшенія въ какомъ-либо легальномъ порядкѣ. А если это такъ, то естественно, что во главѣ всемірнаго революціоннаго движенія долженъ стоять великій народъ, наиболѣе отсталый и наиболѣе страдающій отъ несовершенствъ своего политическаго строя.

Для того, чтобы подготовить и поднять міровую революцію, по мнѣнію Бакунина, можно и слѣдуетъ пользоваться

весьма разнообразными средствами, даже наименѣе революціонными. Но лично онъ стоялъ за дѣйствія немедленныя и рѣшительныя. Всякій безпорядокъ, всякая разруха, всякая порча государственнаго механизма, гдѣ бы они ни произошли, на пользу революціи. И потому самъ онъ ведетъ революціонную работу всюду и всегда, когда только можетъ: въ Россіи и заграницей; тогда, когда есть надежды на успѣхъ и тогда, когда онѣ болѣе чѣмъ сомнительны. Біографія его заполнена свѣдѣніями о томъ, какъ онъ дирижировалъ революціоннымъ возстаніемъ въ Дрезденѣ, подготовлялъ «соціальную революцію» въ Италіи при помощи весьма фантастическаго подкопа изъ виллы, находящейся въ южной части Италіи, сидѣлъ въ тюрьмахъ россійскихъ и заграничныхъ.

Приведенныхъ бѣглыхъ замѣтокъ о Пестелѣ и Бакунинѣ достаточно, чтобы понять — что происходитъ сейчасъ въ Россіи и какимъ образомъ эта громадная страна можетъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ управляться революціонерами типа В. И. Ленина.

Ленинъ столько же характеренъ для революціонной большевистской Россіи, какъ Вильгельмъ II для дореволюціонной консервативной Германіи или Вильсонъ для либеральной и демократической Америки; однако, не потому, что онъ точно отображаетъ обликъ новой Россіи, какъ отображали обликъ своей страны въ Германіи и Америкѣ Вильгельмъ и Вильсонъ. Онъ характеренъ для Россіи тѣмъ, что въ качествѣ революціонера исключительной творческой энергіи онъ самъ почти цѣликомъ создалъ эту большевистскую и революціонную Россію.

Ленинъ не унаслѣдовалъ никакихъ традицій и не имѣлъ никакихъ прямыхъ непосредственныхъ предшественниковъ. Но онъ и не нуждался въ нихъ. Онъ долженъ былъ и хотѣлъ разрушать и создавать все самъ.

Въ молодые годы исключенный за «преступную политическую пропаганду» изъ Казанскаго университета Ленинъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Приверженецъ идей Карла Маркса, онъ старательно ищетъ единомышленниковъ марксистовъ. Не находитъ. И тѣмъ не менѣе черезъ годъ или два ему удается организовать въ Петербургѣ первыя рабочія группы и объединить вокругъ себя небольшое количество ин-

терпаціоналистовъ-марксистовъ. Вслѣдъ за образованіемъ «Союза борьбы за освобожденіе рабочего класса», въ которомъ онъ принимаетъ участіе, Ленинъ приступаетъ къ устройству первыхъ рабочихъ забастовокъ, усиленно пишетъ прокламаціи, день и ночь проводитъ въ рабочихъ кварталахъ.

Арестованный и сосланный въ концѣ девяностыхъ годовъ, онъ основываетъ въ Швейцаріи вмѣстѣ со своими двумя товарищами газету «Искра», много способствовавшую развитію революціоннаго движенія въ Россіи. Когда русская соціалъ-демократическая партія раздѣлилась на большевиковъ и меньшевиковъ, Ленинъ сталъ во главѣ первыхъ и сделался теоретикомъ большевизма. Именно ему обязанъ своимъ существованіемъ первый большевистскій органъ «Впередъ». Это онъ направляетъ и вдохновляетъ въ 1905 г. соціалъ-демократическій съѣздъ, на которомъ положено начало русской коммунистической партіи.

Во время русской революціи 1905 года Ленинъ высказывается за бойкотъ Думы, за борьбу противъ «контр-революціонныхъ либераловъ», за организацію военнаго возстанія съ цѣлью установленія революціонной диктатуры. Онъ возвращается въ Россію и сильно вліяетъ на ходъ событій. Зиновьевъ, наиболѣе преданный изъ его сотрудниковъ и друзей, предполагаетъ, что идея Совѣтской власти уже тогда зародилась въ мозгу Ленина, присутствовавшаго въ качествѣ зрителя на засѣданіяхъ созваннаго меньшевиками Совѣта рабочихъ депутатовъ въ Петербургѣ. Наступаетъ реакція, и — Ленинъ снова за границей. На этотъ разъ для его кипучей неисчерпаемой энергіи не находится никакого примѣненія и вотъ, по словамъ того-же Зиновьева, онъ «проводитъ по 15 часовъ въ библіотекѣ».

Во время Великой войны, Ленинъ ведетъ чрезвычайно активную пропаганду противъ войны. На международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ въ Циммервальдѣ и Кинталѣ онъ занимаетъ мѣсто на крайней лѣвой, предлагаетъ саботажъ и вооруженное возстаніе въ качествѣ средства превращенія войны между народами въ междуклассовую войну. Едва началась русская революція, онъ устремляется въ Петроградъ черезъ Германію въ знаменитомъ пломбированномъ вагонѣ, тѣмъ

самымъ обративъ на себя всесвѣтное вниманіе гораздо больше, чѣмъ всей своей предыдущей революціонной дѣятельностью. Первое его выступленіе въ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ съ изложеніемъ большевистской программы не имѣетъ никакого успѣха. Для него это безразлично. Вмѣстѣ съ небольшой кучкой приверженцевъ онъ насильственно занимаетъ дворецъ балерины Кшесинской и отчаянно сопротивляется всѣмъ попыткамъ изгнать его оттуда. Балкономъ своей новой квартиры онъ пользуется какъ трибуной для пропаганды, а дворецъ имъ превращается въ штабъ-квартиру партіи большевиковъ, откуда по Петрограду и Россіи распространяется газета «Правда». Главари русскаго соціалистическаго движенія попрежнему остаются враждебными Л е н и н у. Но въ солдатскихъ и рабочихъ массахъ его вліяніе возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Прошло едва три мѣсяца со дня его появленія въ Петроградѣ, какъ въ столицѣ вспыхнулъ подготовленный имъ большевистскій переворотъ. Временному Правительству удается на этотъ разъ подавить его. Ленинъ скрывается въ Финляндіи. Однако, еще черезъ 4 мѣсяца, въ началѣ ноября 1917 года, онъ уже празднуетъ полную и окончательную побѣду надъ Керенскимъ и утверждается въ Смольномъ Институтѣ въ роли главы перваго большевистскаго правительства Народныхъ Комиссаровъ. Понемногу большая часть Россійской территоріи переходитъ подъ власть новаго правительства. Образуется сѣть комиссаріатовъ, совѣтовъ. Однако, параллельно съ этимъ утвержденіемъ Совѣтской власти возникаетъ и быстро расширяется сильное анти-большевистское, анти-совѣтское движеніе. Тамъ и тутъ образуются и, благодаря моральной и матеріальной поддержкѣ иностранцевъ, постепенно усиливаются бѣлыя «арміи» и «правительства». Положеніе въ Красной Россіи, дезорганизованной, обнищавшей, блокированной и изолированной становится критическимъ. Кажется, что паденіе ея совершенно неизбѣжно, наступитъ вотъ-вотъ — съ минуты на минуту. Особенно критическимъ становится это положеніе въ іюнѣ 1919 г., когда адм. К о л ч а к ъ съ востока, ген. Д е н и к и н ъ съ юга, ген. М и л л е р ъ съ сѣвера и ген. Ю д е н и ч ъ съ запада давятъ на большевиковъ и оставляютъ въ ихъ распоряженіи лишь центральную Россію. Ленинъ предусматриваетъ уже день, когда его повѣсятъ, но и это мало смущаетъ его. Онъ пойдетъ до конца, а послѣ его смерти «весь міръ увидитъ, что онъ былъ правъ».

Такова энергія Ленина — быть можетъ, квинтъ-эссенція всей русской революціонной энергіи. — Она восторжествовала надъ всѣми препятствіями, осуществила неосуществимое. Во всякомъ случаѣ это она создала въ лицѣ Ленина законченный типъ русскаго революціонера.

Но личность Ленина не характеризуется одной только его энергіей. У него много другихъ качествъ, необходимыхъ для крупнаго революціонера. Ихъ признаютъ за нимъ даже тѣ лица, которымъ онъ не внушаетъ ничего, кромѣ антипатіи. Одни отмѣчаютъ въ немъ «исключительную силу логики». Другіе высоко расцѣниваютъ его какъ «большого знатока толпы и несравненнаго демагога». Третьи отдаютъ ему справедливость какъ сильному, талантливому организатору. Выдающіійся русскій экономистъ, публицистъ и политикъ Петръ Струве видитъ въ Ленинѣ человѣка, для котораго не существуетъ моральныхъ критеріевъ и въ духовномъ обликѣ котораго злобность, злость представляются самыми отличительными изъ всѣхъ чертъ. Онъ называетъ Ленина палачомъ, для котораго всѣ средства хороши при достиженіи поставленныхъ цѣлей. И вмѣстѣ съ тѣмъ Ленинъ для Струве это «такой искусный политикъ и такой замѣчательный тактикъ». — «Само собою разумѣется, — продолжаетъ Струве — онъ является теоретикомъ и идеалистомъ чистѣйшей воды; и больше: въ своей частной жизни . . . онъ аскетъ.» Подобное свидѣтельство тѣмъ болѣе интересно и важно, что прежде чѣмъ сдѣлаться горячимъ противникомъ Ленина и активно бороться противъ него вмѣстѣ съ ген. Врангелемъ, П. Б. Струве близко зналъ Ленина въ теченіе долгихъ лѣтъ. Они были членами одной и той же соціалистической партіи и ихъ имена ставились и цитировались рядомъ въ теченіе болѣе чѣмъ пяти лѣтъ.

Всѣ признаютъ простоту привычекъ и вкусовъ Ленина и его безразличіе ко всякого рода удобствамъ. Всѣ согласны, что онъ «ужасный доктринеръ», «схематистъ», что онъ до чрезвычайности склоненъ къ абстракціи. Что касается лично меня, то мнѣ представляется главнымъ въ личности Ленина гармонія между его характеромъ и умомъ какъ умомъ и характеромъ типичнаго революціонера. Нельзя сказать, темпераментъ ли Ленина вліяетъ на ходъ его мыслей или, наоборотъ, его мысли опредѣляютъ его темпераментъ, его поведеніе.

Мысли и дѣйствія, идеалы и склонности представляютъ въ немъ одно цѣлое и цѣликомъ служатъ дѣлу революціи.

Такъ не является ли Ленинъ въ силу всѣхъ перечисленныхъ качествъ человѣкомъ, который — будучи обязанъ главнымъ образомъ *самому* себѣ, *своимъ* дарованіямъ, *своей* работѣ, смѣлости *своего* характера и мыслей, наконецъ, *своей* волѣ — работаетъ надъ созданіемъ новой жизни чисто политическимъ путемъ?

II.

Для того, чтобы лучше понять, насколько Ленинъ оригиналенъ въ качествѣ индивидуальности, насколько онъ русскій въ качествѣ революціонера и насколько онъ принадлежитъ человѣчеству въ качествѣ политика, слѣдуетъ посмотрѣть, чѣмъ отличается его программа отъ программъ другихъ вождей русскихъ революціонныхъ теченій.

Мы уже говорили однажды, что изъ всѣхъ круговъ русской интеллигенціи наиболѣе полнымъ образомъ сохранили типическія интеллигентскія черты именно круги революціонные. Однако, такъ же какъ и для консерваторовъ и либераловъ, и для нихъ превращеніе русскаго абсолютистскаго режима въ режимъ конституціонный или полуконституціонный знаменовало собою весьма важный этапъ.

Какъ всѣ вообще теченія русской политической мысли трансформировались къ этому моменту въ политическія партіи, такъ и революціонныя теченія приняли форму политическихъ партій. Что особенно характерно, какъ разъ революціонеры явились первыми основателями въ Россіи организованныхъ политическихъ партій (еще до 1905 г.).

Далѣе, такъ какъ всякая политическая партія стремится отразить интересы тѣхъ или иныхъ соціальныхъ слоевъ, то и русскіе революціонеры оказались вынужденными взять на себя защиту однихъ изъ этихъ слоевъ за счетъ другихъ. Русскіе консерваторы отдали себя въ распоряженіе русскаго дворянства и русской буржуазіи; русскіе либералы взялись обслуживать интересы людей средняго сословія, горожанъ, интеллигенціи. Логическимъ образомъ представителями революціонной русской

мысли были тѣ, кто сосредоточивалъ все свое вниманіе на нуждающихся классахъ, на крестьянахъ и рабочихъ.

Нельзя при этомъ не отмѣтить, что сколько бы наши революціонеры ни были революціонны по своимъ настроеніямъ и по своему темпераменту, въ массѣ своей они все же оставались духовными наслѣдниками русскихъ политическихъ мыслителей первой половины 19 вѣка и волей-неволей въ новыхъ формахъ продолжали старинную борьбу «славянофиловъ» и «западниковъ». Тѣ изъ нихъ, кто вѣрилъ въ особые пути соціально-политическаго прогресса въ Россіи, заполнили со временемъ кадры соціалистовъ-революціонеровъ, пріобрѣтшихъ большое значеніе въ качествѣ *партіи крестьянъ*. Другіе, считавшіе Россію въ ея развитіи подчиненной совершенно тѣмъ же законамъ и условіямъ, что и западъ, шли въ ряды соціалъ-демократической партіи, партіи русскихъ рабочихъ массъ.

Это не все: такъ же, какъ русскіе консерваторы и либералы, становившіеся, начиная съ 1905 г., все болѣе практичными, реалистичными и terre-à-terre, русскіе революціонеры со своей стороны все болѣе проникались постепенно будничнымъ политическимъ реализмомъ и дѣловымъ практицизмомъ. Такимъ образомъ, хотя и болѣе пригодные, чѣмъ ихъ политическіе противники для разрѣшенія основныхъ проблемъ русской политической мысли, наши революціонеры оставались, однако, неспособными разрѣшить ихъ удовлетворительнымъ образомъ и окончательно. Къ этому можно прибавить: чѣмъ менѣе были они революціонны, тѣмъ болѣе они проявляли эту неспособность, и обратно.

Всѣмъ этимъ я хочу сказать, что наканунѣ Великой Революціи русскіе политики, даже наиболѣе передовые и смѣлые, не знали ни какъ связать Россію съ остальнымъ человѣчествомъ, ни какова ея особая историческая миссія въ качествѣ великаго народа и великой этической силы. Программа соціалъ-демократіи, растворяющая Россію въ западѣ и стоящая на почвѣ нивеллировки всѣхъ народовъ, отдаляла отъ себя тѣхъ, кто мечталъ для Россіи объ исторической роли великой, возвышенной, единственной въ своемъ родѣ. Напротивъ, программа соціалистовъ-революціонеровъ касалась почти исключительно только внутреннихъ русскихъ дѣлъ и относилась до-

вольно безразлично къ какой бы то ни было міровой программѣ. Въ конечномъ итогѣ про подавляющее большинство русскихъ революціонеровъ можно было сказать, что поистинѣ революціонными — активно революціонными — они были лишь въ отношеніи одной Россіи. *Идея міровой революціи не была продумана ими во всѣхъ ея послѣдствіяхъ и выводахъ и во всей ея глубинѣ.* Во всякомъ случаѣ она не имѣла для нихъ значенія живой актуальной проблемы. И даже больше: они не только не имѣли никакой программы міровой политики въ нашемъ смыслѣ этого слова, но даже ихъ программа внутренней политики Россіи была элементарна, не разработана и въ лучшемъ случаѣ ограничивалась провозглашеніемъ принципа «свободнаго самоопредѣленія народовъ», скорѣе либеральнаго, чѣмъ революціоннаго.

Въ настоящій моментъ послѣ всего пережитого Россіей въ теченіе 4-хъ съ лишнимъ лѣтъ революціи приходится сказать еще и то, что главныя массы русскихъ революціонеровъ даже во время революціи не отдавали себѣ яснаго отчета въ значеніи *жертвы* и *служенія* въ этической психологіи русскаго народа и не учитывали ихъ значенія въ качествѣ могучаго революціоннаго двигателя. Они разъ на всегда пріучили себя къ мысли, что революціонныя жертвы *только ихъ* обязанность, т. е. обязанность людей *борющихся за* народъ. — Что же касается самого народа, то ему говорилось лишь о матеріальныхъ нуждахъ и личныхъ или классовыхъ эгоистическихъ интересахъ.

Въ цѣляхъ революціонной пропаганды все это могло быть очень хорошо до революціи. Но это стало абсурдомъ съ того момента, какъ революція вспыхнула и какъ русскія крестьянскія и рабочія массы сами превратились въ революціонеровъ и пожелали выдвинуть своихъ революціонныхъ вождей. Говоря иными словами, русскіе революціонеры всегда упускали изъ виду, что духъ жертвенности не есть ихъ личная привилегія въ качествѣ вождей народа, но что онъ неотъемлемая принадлежность всякой вообще революціонной психологіи. Уже одного этого послѣдняго замѣчанія достаточно съ моей точки зрѣнія для того, чтобы утверждать: несмотря на всю свою революціонность, главные кадры русскихъ соціалистовъ были далеки отъ пониманія того, что такое революція и каковы ея законы.

Съ другой стороны, имѣя гораздо больше точекъ соприкосновенія съ широкими народными массами, чѣмъ остальные русскіе интеллигентскіе круги, наши интеллигенты-революціонеры все же очень мало знали русскій народъ. Имъ не былъ знакомъ его образъ мышленія или во всякомъ случаѣ они не считались съ нимъ въ создававшихся ими планахъ революціи. Особенно же плохо понимали они то, что революція имѣетъ свои собственные законы, свои особыя условія успѣха и неуспѣха, свои національныя формы. Наконецъ, они совершенно не понимали, что русскій народъ во время революціи не могъ довольствоваться ни старыми программами, выработанными на покоѣ нѣсколькими интеллигентами-революціонерами, ни ихъ педагогическими брошюрами, ни добродѣтельнымъ наставничествомъ и водительствомъ лишь ими самими признанныхъ вождей. Русскіе крестьяне и рабочіе прежде всего должны были разрядить свой вѣковой гнѣвъ угнетеннаго и порабощеннаго народа, заставить стократно заплатить за старыя несправедливости, многое разрушить и искоренить, и со своей стороны надѣлать несправедливостей. Одновременно имъ нужно было почувствовать себя загипнотизированными идеалами, позволявшими въ своемъ дѣйствительномъ или призрачномъ величіи заранѣе оправдать всѣ разрушенія, всѣ несправедливости, всѣ жертвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, охваченный революціей, русскій народъ естественнымъ образомъ долженъ былъ представить собой, съ чисто психологической точки зрѣнія, громадную толпу, охваченную специфической психологіей толпы. Народъ хотѣлъ *самъ* дѣйствовать и *самъ* направлять ходъ событій. Онъ хотѣлъ, чтобы съ нимъ считались, чтобы ему потакали, чтобы ему говорили его слова. Какъ всякая толпа въ соціально психологическомъ смыслѣ слова, онъ готовъ былъ итти куда угодно за своими вождями, но какъ всякая толпа онъ хотѣлъ думать, что вожди управляютъ лишь по его собственной волѣ и ведутъ въ направленіи лишь имъ самимъ указанномъ.

То, что всѣ почти русскіе революціонеры не понимали или упускали изъ виду, Ленинъ понималъ, оцѣнивалъ и заблаговременно учелъ, чтобы примѣнить въ нужный моментъ.

Точно такъ же какъ Пестель онъ является большимъ знатокомъ исторіи, логики и психологіи революцій. Какъ Пестель, онъ знаетъ цѣну особой революціонной тактики, знаетъ необходимость личной диктатуры наряду съ программой,

способной увлекать и толкать на жертвы. Однако, Пестелю и ему пришлось жить и дѣйствовать въ совершенно различной обстановкѣ. Проблема русской революціи возникла передъ Пестелемъ въ видѣ проблемы революціи *безъ участія массъ*. Ленину, напротивъ, всегда приходилось думать о русской революціи, совершаемой съ помощью массъ и, быть можетъ, исключительно при помощи массъ.

Съ этой точки зрѣнія Ленинъ выступаетъ какъ прямой единомышленникъ Бакунина, не представлявшаго себѣ революціи иначе какъ въ видѣ массоваго движенія. Точно такъ же какъ Бакунинъ, Ленинъ не ограничивался подготовкой какой либо отдѣльной національной революціи, но всегда имѣлъ въ виду міровое революціонное дѣло. Накопецъ, вмѣстѣ съ Бакунинымъ Ленинъ всегда понималъ, что массы наиболѣе порабощенныя и наименѣе цивилизованныя представляютъ собою источникъ революціонной энергіи гораздо болѣе богатый и мощный, чѣмъ массы народовъ передовыхъ и свободныхъ. По этой именно причинѣ онъ всегда приписывалъ первостепенное всемірное значеніе съ нетерпѣніемъ ожидавшейся имъ русской революціи. Тѣмъ не менѣе, Ленина ни въ какомъ смыслѣ нельзя назвать вторымъ Бакунинымъ. По сравненію съ нимъ, онъ человѣкъ гораздо болѣе новой эпохи. Онъ хочетъ итти гораздо дальше и дѣлать шаги гораздо болѣе твердые. Бакунинъ вѣрилъ, что революцію можно дѣлать безразлично гдѣ и безразлично когда; Ленинъ вѣритъ въ «объективныя» условія революціи, въ томъ числѣ, конечно, въ «объективныя условія» міровой революціи. Для Бакунина міровая революція представлялась произвольной суммой различныхъ національныхъ революцій, происходящихъ безъ какого-либо единаго плана и направляемыхъ безъ участія единой центральной силы. Поэтому-то онъ былъ противъ диктатуры. Напротивъ, для Ленина міровая революція представляется органическимъ міровымъ процессомъ, который долженъ или можетъ имѣть мѣсто лишь въ благопріятной міровой обстановкѣ, лишь при воздѣйствіи спеціальныхъ міровыхъ силъ и при условіи, что въ ней, какъ актеръ въ театральной пьесѣ, всякій народъ играетъ свою роль.

Такимъ образомъ, программа русской революціи являлась для Ленина лишь опредѣленной частью міровой революціонной программы. Все его вниманіе было сосредоточено на этой

послѣдней. Она должна быть выработана самымъ внимательнымъ образомъ и покоиться на самыхъ точныхъ практическихъ принципахъ. Идеалъ ея долженъ быть чрезвычайно широкимъ и возвышеннымъ и въ то же время реалистичнымъ и «научнымъ». Прежде чѣмъ достигнуть реализаціи міровой программы, русская программа должна привлечь къ себѣ симпатіи во всѣхъ странахъ. Во время процесса само-осуществленія она должна обезпечить себѣ условія, достаточныя для того, чтобы привести въ конечномъ итогѣ къ установленію полнаго *единства* воли всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ.

Свою теоретическую программу Ленинъ нашелъ въ ученіи Карла Маркса. Марксизмъ представляетъ собою въ одно и то же время искусно выраженную научную дисциплину и универсально признанную основу для великаго международнаго рабочаго движенія. Этими своими чертами онъ долженъ былъ вполнѣ удовлетворять Ленина съ двухъ главнѣйшихъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ съ точки зрѣнія идеала и программы міровой революціи и во-вторыхъ съ точки зрѣнія могучаго средства для организаціи революціонныхъ силъ.

Такимъ образомъ два великихъ антагониста, Марксъ и Бакунинъ, нашли свое взаимопримиреніе въ лицѣ Ленина. Оба оказались восполненными и исправленными. Излишняя теоретичность одного и избытокъ темперамента другого получили равновѣсіе въ дѣйствіи и въ мысли Ленина. При желаніи можно было бы опредѣлить Ленина, какъ революціонера и соціальнаго реформатора при помощи слѣдующаго рода псевдоматематической формулы: Марксъ помноженный на Бакунина, равняется Ленину. Или еще болѣе точно: — Ленинъ равняется Марксу, помноженному на Бакунина, плюсъ Пестель.

Съ подобнаго рода формулой, думается мнѣ, легко согласится всякій, кто — какъ мы здѣсь — взглянетъ на руководящія идеи Ленина *подъ чисто политическимъ угломъ зрѣнія.* Въ такомъ случаѣ передъ нами развернулся бы приблизительно слѣдующаго рода ходъ мыслей:

Пока существуетъ капитализмъ, широкія народныя массы останутся порабощенными и экономическое ихъ положеніе будетъ неизмѣнно ужаснымъ. Чтобы освободить ихъ, необходимо до основанія измѣнить всю современную систему экономическихъ отношеній. Однако радикально измѣнить ее, не измѣнивъ параллельно систему отношеній политическихъ, нель-

зя. Необходимо, чтобы управленіе экономическими и политическими сторонами жизни перешло въ руки трудящихся классовъ. Такой переходъ можетъ произойти лишь въ революціонномъ порядкѣ. Значитъ, нужно революціонизировать массы и дѣлать революціи всюду, гдѣ онѣ могутъ представиться полезными. Однако, отдѣльныя революціи не имѣютъ большой цѣны, если онѣ не ведутъ прямымъ образомъ къ революціи всемірной. Только эта послѣдняя можетъ безповоротно низвергнуть капитализмъ и открыть эру коммунистическаго соціализма. Въ такомъ случаѣ — все для міровой революціи! Каждая страна должна дѣлать все возможное, чтобы обезпечивать ея успѣхи. Но вѣдь есть страны и страны. Однѣ далеко подвинулись впередъ на пути экономическаго и политическаго прогресса и вполнѣ подготовлены для соціализма. Къ сожалѣнію, психологически именно эти страны наименѣе революціонны. Другія вполнѣ пригодны для революціи, но ихъ культура и государственность сильно отстали и онѣ еще не созрѣли для соціализма. Вплоть до 1917 года Россія являлась главнѣйшей изъ странъ этого второго типа. Ея правительство неизмѣнно выполняло роль охранителя всемірной реакціи. Коммунистической революціи слѣдовало поэтому во что бы то ни стало низвергнуть русское правительство и тѣмъ самымъ открыть передъ Россіей пути нормальнаго соціально-политическаго развитія. Что касается другихъ странъ, то онѣ въ свою очередь неизбѣжно испытали бы на себѣ вліяніе русской революціи. Побѣда царской Россіи въ исходѣ великой войны 1914 года легко могла бы отодвинуть русскую революцію и революцію міровую на безконечно долгій срокъ. Стало быть, самое лучшее, если Россія понесетъ тяжелое военное пораженіе, вслѣдъ за которымъ революція должна вспыхнуть съ тою же исторической необходимостью, съ какой она вспыхнула въ результатѣ русско-японской войны.

Такъ и случилось. Николай II потерялъ свой престолъ въ тотъ моментъ, когда великая война была еще въ полномъ разгарѣ. Теперь за дѣло! На очереди для «углубленіе» русской революціи и ея превращеніе изъ чисто политическаго событія въ корневой соціальный процессъ. А дальше — революціи во всѣхъ побѣжденныхъ странахъ. Съ того момента, какъ нѣсколько крупнѣйшихъ изъ промышленныхъ странъ сдѣлаются добычей соціальной революціи, міровой революціонный фронтъ широко

раздвинется, и Россія, обнищавшая и лишенная всего самаго необходимаго, окажется въ состояніи продолжать не только свое собственное революціонное дѣло, но и дѣло міровой революціи. Самое трудное будетъ — это справиться со странами-побѣдительницами. Онѣ менѣе всего будутъ хотѣть революціи. Быть можетъ онѣ вовсе не захотятъ ее имѣть. Онѣ сдѣлаютъ все, чтобы потушить пламя революціи въ ихъ собственной странѣ и чтобы сдѣлать его безвреднымъ во всѣхъ другихъ странахъ. Вотъ истинная опасность для революціи. Однако, мужество, мужество! Во-первыхъ, если рабочія массы этихъ странъ увидятъ, что Россія борется за общій идеалъ трудящихся всего міра, онѣ запретятъ своимъ правительствамъ нападать на новую Россію. Далѣе, эти страны-побѣдительницы выйдутъ изъ войны настолько ослабленными и дезорганизованными, что революціонный духъ станетъ все-же проявлять себя и въ нихъ. Слѣдовательно, самое главное для соціалистической и революціонной Россіи — это продержаться во что бы то ни стало до того момента, когда буржуазныя правительства потеряютъ свою способность вредить русскимъ Совѣтамъ и гасить пламя міровой революціи. Если для этого нужно заключить постыдный миръ съ военнымъ врагомъ пусть такъ, пусть онъ будетъ заключенъ. Если вмѣсто немедленной демобилизаціи русской арміи (согласно первоначальнымъ обѣщаніямъ ноября 1917 года), придется весь русскій народъ поставить подъ ружье, и превратить въ солдатъ — пусть всѣ русскіе войдутъ въ Красную Армію и бьются за коммунистическую революцію. Если русскій народъ тяжко страдаетъ отъ лишеній всякаго рода, ничего не подѣлаешь, пусть страдаетъ. Если окажется необходимымъ открыть временно широкій просторъ для иностранной эксплуатаціи природныхъ русскихъ богатствъ*) — пусть идутъ къ намъ иностранные концессіонеры.

Напротивъ, разъ только день міровой революціи пришелъ, всѣ эксплуататоры понесутъ наказаніе, всѣ привилегіи будутъ отмѣнены, всѣ преграды между народами падутъ. Весь міръ

---

*) Мы не можемъ бороться такъ, какъ мы этого хотимъ—заявлялъ Ленинъ на конгрессѣ III Интернаціонала въ августѣ 1920 г. — Мы должны считаться со сложившимися условіями. Мы должны убѣждать рабочихъ фактами, мы не можемъ создавать теорій. Но и убѣждать недостаточно. Политика, — прибавляетъ Ленинъ — боящаяся насилія, не является ни устойчивой, ни жизненной, ни понятной.

объединится въ одной цѣли: — организовать свою совмѣстную жизнь на совершенно новыхъ соціальныхъ, политическихъ и экономическихъ основаніяхъ. Тогда неисчислимыя русскія страданія искупятся сторицей и вмѣстѣ съ тѣмъ за Россіей навсегда сохранится историческое значеніе *первой освободительницы міра.*

Итакъ, истинный соціалистическій интернаціонализмъ и міровая революція составляютъ высшій идеалъ Ленина. Насколько различенъ этотъ интернаціонализмъ не только отъ имперіализма съ его пушками, но и отъ мірового федерализма съ его трактатами и конференціями! — Самъ Ленинъ съ большой яркостью формулировалъ однажды это послѣднее различіе. Мелко-буржуазный національзмъ — говорилъ онъ на только что упомянутомъ конгрессѣ — считаетъ интернаціонализмъ простымъ признаніемъ равенства правъ народовъ и, не говоря уже о чисто словесномъ характерѣ этого признанія, онъ полностью поддерживаетъ національный эгоизмъ. Между тѣмъ, пролетарскій интернаціонализмъ требуетъ: *а) чтобы интересы пролетарской борьбы въ одной странѣ подчинялись интересамъ этой борьбы въ міровомъ объемѣ; б) чтобы нація, одержавшая побѣду надъ своей буржуазіей, показала себя способною къ величайшимъ національнымъ жертвамъ ради низверженія международнаго капитализма.*

Таковъ Ленинъ, русскій революціонеръ и вождь міровой революціи. Не является ли онъ одинаково типичнымъ и законченнымъ въ обоихъ отношеніяхъ? Какъ бы то ни казалось страннымъ, приходится утверждать, что именно въ лицѣ Ленина русская политическая мысль, наиболѣе типичная и національная въ своей революціонности, впервые находитъ свой синтезъ *и впервые разрѣшаетъ безъ противорѣчій и пропусковъ всѣ свои основныя проблемы.*

Припомнимъ:

Въ качествѣ одной изъ главнѣйшихъ тенденцій русской политической мысли, мы указали выше на неизмѣнную ея борьбу противъ *настоящаго Россіи.* Нужно ли говорить, что никто съ такой энергіей не обрушивался на это настоящее, никто не разрушалъ его съ такой послѣдовательностью, какъ Ленинъ?

Русская политическая мысль всегда стремилась служить политическому и соціальному прогрессу въ его наиболѣе ради-

кальныхъ формахъ. Программа Ленина, ищущая тѣснаго объединенія всего человѣчества, искоренѣнія всѣхъ пороковъ современной экономической системы, созданія совершенно новаго политико-соціальнаго порядка несомнѣнно является программой, какъ нельзя болѣе смѣлой и радикальной.

Служить политико-соціальному прогрессу всегда значило для русскаго жертвовать всѣмъ ради его торжества — безъ сожалѣнія и безъ ограниченія. Непомѣрныя жертвы, возложенныя Ленинымъ на Россію въ моментъ появленія его у власти въ ноябрѣ 1917 года и въ теченіе всего періода борьбы противъ анти-совѣтской Россіи и ея иностранныхъ помощниковъ, всѣмъ достаточно извѣстны. При этомъ, разумѣется, Ленинъ не только обязывалъ къ жертвамъ другихъ, онъ каждую минуту готовъ былъ нести и несъ ихъ самъ. Считаю нужнымъ подчеркнуть, что именно эта воля возлагать на русскій народъ обязанность жертвъ и обращеніе къ жертвеннымъ порывамъ русской народной души является для меня одной изъ главнѣйшихъ причинъ успѣха всего дѣла Ленина.

Русская политическая мысль, всегда бывшая до того мыслью русскихъ интеллигентовъ и господствующихъ въ Россіи классовъ, никогда раньше не находила путей къ примиренію и возсоединенію съ мыслью русскихъ массъ, не говоря уже объ идеалѣ полнаго уничтоженія вѣкового различія между «народомъ» и «правящими». Излишне настаивать, что лишь программа и тактика великой русской Революціи, которую мы все время отожествляли здѣсь — (условно) — съ Ленинымъ, одна оказалась въ состояніи осуществить этотъ идеалъ, превращая въ комиссаровъ, делегатовъ, членовъ безчисленныхъ Совѣтовъ и въ офицеровъ Красной Арміи элементы, почерпнутые изъ самой гущи народныхъ русскихъ массъ. Только потому, что русскій народъ почувствовалъ себя народомъ-революціонеромъ и арміей всемірнаго прогресса, онъ и согласился нести безчисленныя жертвы всѣхъ послѣднихъ лѣтъ. Только потому, что онъ видитъ въ вождяхъ большевизма *своихъ* собственныхъ избранниковъ и выразителей своихъ собственныхъ идей, онъ и согласился выносить тяжкую и неумолимую диктатуру этихъ вождей.

Это не все. Русская политическая мысль, говорили мы, всегда стремилась увидѣть Россію въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ остальнымъ человѣчествомъ; въ качествѣ особой, но неотъемлемой составной его части. Какъ всякій консерватизмъ, гово-

рили мы, о русскій консерватизмъ былъ слишкомъ націоналистиченъ. Его интересовала только Россія и его международная программа упиралась въ шовинизмъ. На этомъ пути русская политическая мысль никогда не нашла бы удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса о взаимоотношеніи между Россіей и остальными народами. Русскій либерализмъ, какъ и любой другой либерализмъ, мечталъ о большомъ столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, за которымъ сидѣли бы представители всѣхъ странъ въ непрерывномъ мирномъ конгрессѣ. Это очень хорошо въ принципѣ, но что можно сдѣлать на подобномъ конгрессѣ, если попрежнему живы и остры всѣ поводы для соперничества и вражды народовъ? Къ тому же недавній опытъ съ трагической очевидностью показалъ, что современный міровой либерализмъ не только обреченъ на полное безсиліе и двоедушіе, но что онъ каждую минуту готовъ стать источникомъ новыхъ конфликтовъ, новыхъ войнъ, новыхъ міровыхъ опасностей.

Нѣтъ; для того, чтобы предъ Россіей открылись возможности тѣснаго и дѣйственнаго сотрудничества съ остальнымъ человѣчествомъ, необходимо, чтобы она провозгласила *принципъ единства всего человѣчества* и затѣмъ отдала себя на служеніе этому принципу. Только такъ русская политическая мысль могла разрѣшить проблему взаимоотношеній между Россіей и остальными народами, не измѣняя самой себѣ. Только на этомъ пути она оставалась бы подлинно революціонной мыслью также и въ области международныхъ проблемъ. Наконецъ, только при такомъ рѣшеніи вопроса русская революція, имѣющая столько международныхъ корней, не оказалась бы въ противорѣчіи со своей собственной международной природой и сущностью.

Однако, кто же изъ всѣхъ русскихъ революціонеровъ понялъ національное значеніе для Россіи идеи международнаго единства, если не Ленинъ съ его сотрудниками и приверженцами? И пока революція будетъ длиться въ Россіи, напрасно дѣлать попытки увлечь господствующія русскія массы уравнительнымъ международнымъ идеаломъ либераловъ и умѣренныхъ соціалистовъ или шовинистическимъ и имперіалистическимъ идеаломъ ретроградныхъ консерваторовъ и эксъ-соціалистовъ.

А теперь самое главное:

Единство человѣчества не можетъ создаться само собою. Его нужно достигнуть, завоевать. Для него нужна міровая

революція, нужны спеціальныя силы и великія жертвы. Слѣдовательно, долженъ быть на лицо народъ, готовый пожертвовать собою за міровое дѣло и имѣющій достаточно революціоннаго духа и революціонныхъ силъ, чтобы въ нужный моментъ поднять знамя міровой революціи. Не является ли именно русскій народъ такимъ народомъ, самой исторіей предназначеннымъ для дѣла міровой революціи? Не въ этомъ ли его историческая миссія, особая роль среди народовъ? Почему не допустить, что именно Россіи и только одной Россіи выпадетъ на долю излѣчить міръ отъ всѣхъ соціальныхъ золъ капиталистическаго строя? Такова въ своей политической основѣ мысль Ленина и всего русскаго революціоннаго экстремизма. Ясно, что лишь благодаря этой мысли послѣдовательно, не противорѣчиво и совсѣмъ по русски, или вѣрнѣе по россійски, разрѣшенъ послѣдній изъ основныхъ вопросовъ, стоящихъ передъ русскою политической мыслью: понять особную историческую миссію Россіи въ качествѣ великаго народа и великой силы этической и исторической. Не вполнѣ неправы поэтому тѣ, кто старается вскрыть элементы славянофильства въ политическихъ и соціальныхъ взглядахъ Ленина, этого законченнѣйшаго изъ революціонеровъ-интернаціоналистовъ.

Итакъ, нельзя удовлетворительнымъ образомъ объяснить себѣ успѣховъ большевизма въ Россіи, если не отдавать себѣ яснаго отчета во всемъ томъ, что нами только что говорилось: большевизмъ, утвердившійся въ Россіи въ процессѣ революціи, наилучшимъ образомъ соотвѣтствовалъ психологіи и логикѣ русской революціи и наиболѣе полно удовлетворялъ основнымъ заданіямъ и навыкамъ русской революціонной политической мысли. Однако, сколько бы экстремизмъ русскаго большевизма и Ленина ни былъ кореннымъ русскимъ, его успѣхи не зависятъ исключительно отъ событій въ Россіи. Онъ заключаетъ въ себѣ слишкомъ много элементовъ и предпосылокъ международнаго порядка, чтобы оставаться внѣ зависимости отъ хода международныхъ дѣлъ. И дѣйствительно, если большевизму удалось преодолѣть столько препятствій и побѣдить столько враговъ, то это главнымъ образомъ потому, что онъ всегда умѣлъ учесть и использовать благопріятные міровые факторы. Въ этомъ была его основная сила. Въ этомъ проявлялись его здравый реализмъ и практическій смыслъ, неизмѣнно отсутствовавшіе у его противниковъ. Можно смѣло утверж-

дать, что большевистская власть, будучи глубоко русской, завладѣла въ ноябрѣ 1920 года всей Россіей въ силу слѣдующихъ четырехъ причинъ международнаго порядка:

1. Она опирается на международную соціальную теорію въ одно и то же время научную, философскую и, если угодно, религіозную даже.

2. Она имѣетъ экономическую-политическую и соціальную программу мірового масштаба.

3. Она умѣетъ пользоваться ослабленіемъ и распадомъ всѣхъ современныхъ международныхъ связей — иначе говоря, реальными условіями современной міровой политической жизни.

4. Наконецъ, въ лицѣ коммунистическаго пролетаріата всѣхъ странъ она имѣетъ на своей сторонѣ крупныя и дѣйственныя международныя силы, вѣрныя ея стремленіямъ и понимающія ея методы.

Поэтому вполнѣ позволительно поддерживать два слѣдующихъ другъ друга взаимно обуславливающихъ положенія: русская большевистская революція восторжествовала потому, что на лицо оказалось достаточное количество условій, благопріятныхъ для революціи міровой. И обратно, міровая революція можетъ сдѣлаться неизбѣжной (она уже стала, быть можетъ, неизбѣжной), такъ какъ большевистская революція въ Россіи безконечно усилила революціонныя теченія въ другихъ странахъ, давъ имъ единый планъ и намѣтивъ для нихъ пути и цѣли.

Разумѣется, соціальная революція мірового масштаба представилась бы чѣмъ-то совсѣмъ инымъ, чѣмъ соціальная революція въ большевистской Россіи. Тѣмъ не менѣе, ей пришлось бы заняться осуществленіемъ программы, сходной съ программой русскаго большевизма. Этимъ я хочу сказать, что ей пришлось бы разрѣшить международную программу въ революціонномъ порядкѣ и согласно планамъ мірового соціализма, опираясь на принципъ *единства всего человѣчества.* Что же касается столкновеній, сраженій и разрушеній всякаго рода, идеала полнаго устраненія буржуазныхъ классовъ и созданія во всѣхъ углахъ и закоулкахъ міра Совѣтскихъ Республикъ, то все это не имѣло бы другой основной цѣли, кромѣ цѣли установленія только что указаннаго единства.

Въ настоящій моментъ шансы міровой революціи и успѣховъ міровой революціонной программы сдѣлались тѣмъ болѣе значительными, что двѣ другія возможныя міровыя программы, консервативная и либеральная, только что въ итогѣ войны и мира понесли тяжелое пораженіе.

Нужно ли указывать, насколько велики психологическія послѣдствія этого двойного пораженія. — И если бы это было лишь чисто психологическія послѣдствія. То, что происходитъ въ душѣ людей, обычно является лишь отзвукомъ творящагося внѣ ея. Въ то время, когда рѣшительно все зависитъ отъ организаціи международныхъ отношеній, анти-революціонные элементы человѣчества не имѣютъ уже больше въ своемъ распоряженіи ни дѣйствительно международныхъ средствъ дѣйствій и борьбы, ни удовлетворительнаго международнаго идеала или плана. Тягостное ощущеніе, что «что-то сгнило» не только въ датскомъ королевствѣ, но и во всѣхъ рѣшительно странахъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣлой серіи совершенно объективныхъ явленій:

а) страшной усталости народовъ послѣ міровой войны при перспективѣ новыхъ войнъ;

б) разрушенному механизму экономической жизни народовъ, финансовымъ и промышленнымъ кризисамъ и все растущей безработицѣ;

в) соперничеству между государствами, достигшему небывалой степени, ввиду исключительныхъ трудностей для каждаго изъ нихъ защищать сейчасъ свои національные интересы;

г) устойчивымъ привычкамъ, создавшимся послѣ 1914 года, жить въ исключительно ненормальныхъ условіяхъ, подвергать себя лишеніямъ, бороться и *жертвовать;*

д) полному распаду на международной аренѣ всѣхъ устойчивыхъ анти-революціонныхъ силъ, равно какъ почти полному отсутствію или безсилію всѣхъ моральныхъ или правовыхъ международныхъ факторовъ. Прибавимъ къ этому, что анти-революціонные международные элементы не имѣютъ рѣшительно никакого опыта въ области истинно международной интернаціональной тактики, а ихъ теоріи международной организаціи носятъ чисто бумажный характеръ. Какъ мы уже видѣли раньше, міръ боролся противъ германскаго имперіализма, вовсе не представляя себѣ, что такое собственно

имперіализмъ. Точно также онъ стремился къ международному федерализму, ни мало не заботясь объ уясненіи себѣ (и объ удовлетвореніи) основныхъ условій всякаго федерализма.

Наряду съ этимъ, въ небывало широкомъ «міровомъ» масштабѣ, обнаруживаютъ себя теперь все новыя и новыя условія для развитія отчетливо выраженной революціонной психологіи и для созданія міровой революціонной атмосферы. Міръ, какъ единое соціальное цѣлое, никогда еще не управлялся *міровой моралью,* несуществущей и по сей день, ни міровымъ *правомъ,* такъ какъ слабая его тѣнь въ лицѣ «современнаго международнаго права» и понынѣ имѣетъ еще очень ограниченное практическое значеніе. Поскольку то не было *полной* анархіей и полнымъ безпорядкомъ, міръ управлялся преимущественно *политическими факторами, политикой* — по самому существу своему такими благопріятными, какъ мы знаемъ, всякаго рода революціямъ. Теперь же это больше чѣмъ когда либо. Разъ всякая революція естественнымъ образомъ рождается изъ недовольства, нужды, непорядка, голода и наличія неосуществленныхъ идеаловъ, и разъ все это именно теперь проявляется съ особенной силой, то именно теперь и приходится сосредоточивать всѣ свои мысли на міровой политикѣ и на міровой революціи. Всякая великая революція требуетъ для своей побѣды точной революціонной программы, достаточныхъ революціонныхъ кадровъ и вождей, съ прочнымъ революціоннымъ авторитетомъ. Міровая революція найдетъ все это въ средѣ міровового пролетаріата, поддержаннаго русскимъ народомъ, въ лицѣ коммунистическаго соціализма, и, наконец, въ лицѣ Ленина съ его ближайшими помощниками. И чѣмъ больше соперничества, борьбы, безпорядка и нужды, безразлично гдѣ и какого сорта, тѣмъ больше огня въ горнило революціоннаго пролетаріата, коммунизма и Ленина.

Чтобы избѣжать міровой революціи или потушить ее разъ навсегда, лично я вижу лишь два пути: первый заключался бы въ томъ, чтобы достаточнымъ образомъ укрѣпить міровой либерализмъ или міровой консерватизмъ, дабы какая-либо изъ этихъ двухъ міровыхъ анти-революціонныхъ программъ могла рѣшительно восторжествовать надъ современными революціонными теченіями въ мірѣ. Разумѣется, это не просто. Творцамъ такихъ программъ пришлось бы сдѣлать нечеловѣческія усилія въ связи съ тѣмъ, что нами говорилось въ первой главѣ: «чело-

вѣческій разумъ — говорили мы тогда — столь ничтожный въ качествѣ исторической и соціальной силы, можетъ вдругъ превратиться въ современномъ хаосѣ въ главную движущую силу, разум, выпало бы на долю собрать всѣ элементы и намѣтить всѣ необходимыя средства для осуществленія въ міровомъ масштабѣ либеральной или консервативной политико-соціальной программы. И это въ такихъ исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ.

Если же этотъ путь, какъ легко можно себѣ представить, не приведетъ ни къ чему, то остается другой путь: покорно склониться передъ неизбѣжнымъ развитіемъ событій и пусть Богъ хранитъ каждаго отъ борьбы, вражды, и особенно отъ побѣдъ надъ другими. Все это — еще и еще разъ — лишь на пользу сначала хаосу, а потомъ революціи. При такой покорности судьбѣ Великая Соціальная Революція совершилась бы, не будучи революціей въ нашемъ русскомъ переживаніи этого слова и не сопровождаясь потрясеніями въ русскомъ стилѣ. Иначе говоря, чтобы избѣжать міровой революціи, необходимо добровольно уступить ей во всѣхъ ея основныхъ требованіяхъ, а потомъ смотрѣть и ждать, что изъ этого выйдетъ.

Исторія не замедлитъ показать, какой путь выбранъ ею. Моей задачей здѣсь не является указывать, въ какой мѣрѣ я возлагаю свои личныя надежды на единственный открытый передъ человѣчествомъ третій, революціонный, путь.

Но я думаю, что я правъ, утверждая: при настоящихъ условіяхъ для каждаго должно быть не только интересно, но и важно вдуматься серьезно и глубоко въ три основныя міровыя политическія программы: въ консервативную программу послѣдняго германскаго императора, въ либеральную программу предпослѣдняго американскаго президента и въ революціонную программу русскаго диктатора-революціонера.

ТИПОГРАФІЯ
ОТТО ЭЛЬСНЕРА
ВЪ БЕРЛИНѢ